

АНТОЛОГИЯ
АВТОРСКОЙ ПЕСНИ

КАРАВАН

НОВЕЛЛА
МАТВЕЕВА

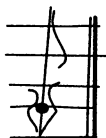

Новелла Матвеева

КАРАВАН

Новелла Матвеева

КАРАВАН

Москва 2000

УДК 821.161.1-192Матвеева
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
М33

Серия «Антология авторской песни»

В оформлении использованы фрагменты картины
Леопольда Сюрважа «Пейзаж» (1925).

По вопросам приобретения книг издательства
«Гудьял-Пресс» обращаться по телефонам:
(095) 306-91-20
(095) 306-91-21
(095) 306-91-20 (факс)

ISBN 5-8026-0075-6

© Новелла Матвеева, 2000
© Издание на русском языке,
«Гудьял-Пресс», 2000
© Составление, О. Кольцова, 2000
© Художественное оформление,
М. Орлова, 2000

ПЕСНИ ДЛҀ ГИТАРЫ

КАРАВАН

*Мой караван шагал через пустыню,
Мой караван шагал через пустыню,
Первый верблюд о чем-то с грустью думал,
И остальные вторили ему.*

*И головами так они качали,
Словно о чем-то знали. Но молчали,
Словно о чем-то знали, но не знали:
Как рассказать,*

когда,

зачем,

кому...

Змеи шуришали

Среди

Песка и зноя...

Что это там?

Что это там

Такое?

Белый корабль,

Снастей переплетенье,

Яркий флажок, кильватер голубой...

Из-под руки смотрю туда, моргая:

Это она!

Опять —

Фата-Моргана!

Это ее цветные сновиденья,

Это ее театр передвижной!

Путь мой далек.

На всем лежит истома.

Я загрустил: не шлют письма из дома...

*«Плюй ты на все! Учись, брат, у верблюда!» —
скажет товарищ, хлопнув по плечу.*

Я же в сердцах пошлю его к верблюду,

Я же — в сердцах — пошлю его к верблюду:

И у тебя учиться, мол, не буду,

И у верблюда — тоже не хочу.

Друг отошел и, чтобы скрыть обиду,

Книгу достал, потрепанную с виду,

С грязным обрезом, в пестром переплете, —

Книгу о том, что горе — не беда...

...Право, уйду! Наймусь

К Фата-Моргане:

Стану шутом в волшебном балагане,

И никогда меня вы не найдете:

Ведь от колес волшебных нет следа.

Но караван все шел через пустыню,

Шел потому, что горе — не беда.

* * *

Цвел ли, не цвел ли в низине жасмин,
В легком тумане — сквозил, не сквозил?
Бедный сказитель минувших годин,
Все-то ты выдумал, все исказил!

Знаешь другое, а помнишь — одно.
Твердую быль отгоняешь, как дым.
Мутное, сорное, черное дно
Все тебе кажется дном золотым!

Царственным шагом проходят года,
Краденым блеском украсив чело...

Черпать из детства мы будем всегда,
Хоть бы и не было в нем ничего!

Ал ли, не ал ли был ранний закат?
Звал ли, не звал ли огонь вдалеке?
Темной дорогой ушел Фортунат, —
Звон самозванный в пустом кошельке.

60-е

КАКОЙ БОЛЬШОЙ ВЕТЕР!

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домишек сдул крыши,
Как с молока пену,
 И если гвоздь к дому
 Пригнать концом острым,
 Без молотка, сразу,
 Он сам войдет в стену.

Сломал ветлу ветер,
В саду сровнял гряды —
Аж корешок редьки
Из почвы сам вылез
 И, подкатясь боком
 К соседнему саду,
 В чужую врос грядку
 И снова там вырос.

А шквал унес в море
Десятка два шлюпок,
А рыбакам — горе, —
Не раскурить трубок,
 А раскурить надо,
 Да вот зажечь спичку —
 Как на лету взглядом
 Остановить птичку.

Какой большой ветер!
Ах, какой вихорь!
А ты глядишь нежно,
А ты сидишь тихо,
 И никакой силой
 Тебя нельзя стронуть:
 Скорей Нептун слезет
 Со своего трона.

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домов сорвал крыши,
Как с молока — пену..
 И если гвоздь к дому
 Пригнать концом острым,
 Без молотка, сразу,
 Он сам уйдет в стену.

1961

СТРАНА ДЕЛЬФИНИЯ

Набегают волны синие.
Зеленые? Нет, синие.
Как хамелеонов миллионы,
Цвет меняя на ветру.
Ласково цветет глициния —
Она нежнее инея...
А где-то есть земля Дельфиния
И город Кенгуру.

Это далеко! Ну что же? —
Я туда уеду тоже.
Ах ты, Боже, ты мой Боже,
Что там будет без меня?
Пальмы без меня засохнут,
Розы без меня заглохнут,
Птицы без меня замолкнут —
Вот что будет без меня.

Да, но без меня в который раз
Отплыло судно «Дикобраз».
Как же я подобную беду
Из памяти сотру?
А вчера пришло, пришло, пришло
Ко мне письмо, письмо, письмо
Со штемпелем моей Дельфинии,
Со штампом Кенгуру.

Белые конверты с почты
Рвутся, как магнолий почки,
Пахнут, как жасмин, но вот что
Пишет мне родня:
Пальмы без меня не сохнут,
Розы без меня не глохнут,
Птицы без меня не молкнут..
Как же это без меня?

Набегают волны синие.
Зеленые? Нет, синие.
Набегают слезы горькие..
Смахну, стряхну, сотру.
Ласково цветет глициния —
Она нежнее инея..
А где-то есть страна Дельфиния
И город Кенгуру.

1961

СИНЕЕ МОРЕ

Поэту Ивану Киуру

Синее море — белая пена;
Бурных волн бесконечная смена...

Знаю: за той чертой,
За поволокою,
За волоокою
Далью далекою, —
Знаю: за той чертой
Вечно чудесные,
Мне неизвестные страны лежат.

В зарослях темных райские птицы
Там горят, как лучи сквозь ресницы!

Там по побережью дружною парюю
Ходят рядком какаду с кукабаррою.
А за утесами
Там носом к носу мы
Можем столкнуться,
Можем столкнуться порой
С утконосами.

(В дюнах, под солнца
лучами раскосыми.)

А за лианами
Переплетенными
Там водопады стоят
веретенами...

Ветер травой шумит, равнина тянется...
Там кенгуру пробежит и вдруг — оглянется!..

Синее море,
Белая пена,
Бурных волн бесконечная смена...

1973

КОРАБЛИК

Жил кораблик — веселый и стройный.
Над волнами, как сокол, парил.
Сам себя, говорят, он построил,
Сам себя, говорят, смастерил.

Сам смолою себя пропитал,
Сам оделся и в дуб и в металл,
Сам повел себя в рейс,
Сам свой лоцман,
Сам свой боцман,
Сам свой
Капитан!

Шел кораблик, шумел парусами,
Не боялся нигде ничего,
И вулканы седыми бровями
Поводили при виде его.

Шел кораблик по летним морям,
Корчил рожи последним царям,
Все ли страны в цвету,
Все ль на месте, —
Все записывал, все проверял...

Раз пятнадцать, раз двадцать за сутки
С ним встречались другие суда:
Постоят, посудачат минутку —
И опять побегут — кто куда...
Шел кораблик, о чем-то мечтал,

Все, что видел, на мачты мотал,
Делал выводы — сам!
Сам свой лоцман,
Сам свой боцман,
Сам свой
Капитан!

1961

«ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ»

Свет маяка в необозримой ночи,
Словно рука, расставил пальцы-лучи.
Как зеленоватая медузина спина
В море отражается луна.

Трепет волны приводит в трепет луну:
То разорвет, то снова слепит в одну.
Там, где об утесы ударяют буруны
Звонче обрываемой струны.

Кто нам песню споет?
Кто нас уверит, что не все пройдет?
Кто фонарями перед нами впотьмах
Засветит небылицы?

Нет, никто не споет.
«Летучий голландец» на дрова пойдет.
Кок приготовит нам на этих дровах
Паштет из Синей птицы.

Грустно на пристани свернулся канат —
Ветром растрепан, как дворняга, мохнат.
Сяду на канат, припомню лучшие года,
Те, что не бывали никогда.

Солнечный зайчик обитал в парусах
С брызгами моря на янтарных усах.
Был, словно не был он
И не был, словно был.
Не был, но усами шевелил.

Кто нам песню сплет?
Кто нас уверит, что не все пройдет?
Кто перед нами фонарями впотъмах
Затеplit небылицы?

Нет, никто не сплет.
«Летучий голландец» на дрова пойдет.
Кок приготовит нам на этих дровах
Паштет из Синей птицы.

1961

ГОРИЗОНТ

Видишь?

Зеленым бархатом отливая,
Море лежит спокойнее, чем земля.

Видишь?

Как будто ломтик от каравая,
Лодочка отломилась от корабля.

Яхты и пароходы ушли куда-то.

Видишь? По горизонту они прошли,

Так же,

как по натянутому канату

В цирке

канатоходцы пройти могли.

Словно за горизонтом обрыв отвесный —

Пропась. И пароходы идут, скользя,

Робко и осторожно держась над бездной,

Помня, что отступаться туда нельзя.

Ты же

Так хорошо это море знаешь

И песни, песни

про эту пропасть

поешь,

поешь...

Что ж ты за горизонтом не исчезаешь?

Что ж ты за пароходами не плывешь?

Видишь?

Канатоходцами по канату —

Снова по горизонту они прошли,

Снова — в Константинополь, Суэц, Канаду,

Снова — по краю моря на край земли.

1962

ПЕСНЬ О ДАЛЕКОЙ ДАЛИ

Где-то
В далеких краях
Есть одинокий маяк.
Старенький сторож на нем обитает,
Серые волны, скучая, считает.
Знаю: встречает, потом — провожает
Все уходящие вдаль корабли.

Знаю: пучина морей
Скрыла троих сыновей.
Не оттого ли с тех пор и доньше
Старенький сторож перечит пучине?
Пальцем грозит океанской пустыне,
Бурю встречая, трясет головой...

Но временами маяк
Весь расцветает, как мак:
Лодка подходит к нему с провиантом.
Сторож зачем-то нарядится франтом, —
Шляпу с коричневым кожаным бантом
Держит рукой, чтобы ветер не снес...

Все же в конце-то концов
Лодка уносит гребцов.
Не оттого ли с такою тревогой
Вдруг просыпаюсь я ночью глубокой?
Только помыслишь о дали далекой, —
Кругом от грусти идет голова...

1963

КАПИТАНЫ БЕЗ УСОВ

Вот передо мною море голубое:
Плещет волна, волна...
Знаю, о чем (о чем?)
Шепчет она, она.

Шепчет она о том, что нет предела
Снам и мечам, мечтам...
И все зовет, зовет
К дальним местам, местам.

Я хочу под ветром яростным
Плыть,
Плыть,
Плыть на судне парусном!
Право, нравятся мне очень мало
Корабли без парусов!
Может быть, они удобнее
И во многом бесподобнее,
Но —
Все равно они подобны странным
Капитанам без усов!

Капитан без усов, усов,
Словно судно без парусов,
А капитаны с усами,
Словно суда с парусами.

В чем клянусь вам шаландами,
Неграми шоколадными,

Льдиной, моржом, эскимосом,
Якорем, трапом и тросом!

Что обращаюсь я к волне безвестной,
Словно к родной, родной?
Мечта о плаванье,
Ты не со мной!
(Со мной!)

Море и небо почернели грозно,
Парус надут, надут!
В гавань суда (сюда)
Вновь не придут!
(Придут!)

Я хочу под ветром яростным
Плыть,
Плыть,
Плыть на судне парусном!
Право, нравятся мне очень мало
Корабли без парусов!

Может быть, они удобнее
И во многом бесподобнее,
Но —
Все равно они подобны странным
Капитанам без усов!

Капитан без усов, усов,
Словно судно без парусов,
А капитаны с усами,
Словно суда с парусами.

В чем клянусь вечно юными
Рыболовными шхунами,
Яхтой, баркасом, вельботом
И старичком-пакетботом!

1962

В ПРЕДРАССВЕТНОМ ТУМАНЕ

В предрассветном тумане
Чайка машет крылами,
Далеко проплывают
Корабли перед нами...

Я родился у моря,
На широком раздолье,
Всей моею душою
Свой порт полюбил.

Я родился у моря,
На широком раздолье,
Всей моею душою
Я свой порт полюбил.

Как посмотришь с утеса —
Нет предела волшебней!
Парус клонится косо
На высокие гребни...

Я родился у моря
На широком раздолье,
Всей моею душою
Свой порт полюбил я;

Кораблей знаменитых
Прочитал я названья —
Тихо, как заклинанье,
Для себя повторил.

1956—1957

РЫЖАЯ ДЕВОЧКА

Рыжая девочка в синей матроске
Села на белые доски;
Хочется ей, чтобы море размыло
Этот сыпучий
Медленный спуск...

Скользкий да мокрый, как в мыльнице мыло,
В радужной ракушке дремлет моллюск.

Ил
Обнял сваю.
Я засыпаю
И засыпаю
Песком свои следы...
Снятся мне сны
Целебные:
Рощи великолепные,
Войлочные, волшебные
Пальмовые сады!

Что ж вы не признаетесь?
Вы надо мной смеетесь!
Я не прощу вам!
Не прощу!

Но солнце тоже смеется надо
Мною. Ну, значит, так и надо;
Если солнце смеяться
Перестанет —
Я загрущу.

...Юбочки-клевш надевают медузы
И световые рейтузы
И уплывают на праздник свеченья,
Перед собой
Держа зеркала...

Сыплются, сыплются искры теченья,
Синим огнем обгорает скала...

Что там?
Витрина
Или
Ветрило?
Ах,
Я забыла:
Где море, где земля...

Световыми рекламами
Рыбки по небу плавали,
Плавниками из пламени
Медленно шевеля...

Что ж вы не признаетесь?
Вы надо мной смеетесь!
Я ни за что вам не прощу!

Но солнце тоже смеется надо
Мною... Ну, значит, так и надо;
Если солнце смеяться
Перестанет —
Я загрущу.

1957—1965

БРАТЬЯ КАПИТАНЫ

В закатных тучах красные прорывы.
Морская чайка, плаваньям сестра,
Из красных волн выхватывает рыбу,
Как головню из красного костра.

Двумя клинками сшиблись два теченья, —
Пустился в пляску ящик от сигар,
И, как король в пурпурном облаченье,
При свете топки красен кочегар.

Мы капитаны, братья капитаны,
Мы в океан дорогу протоптали,
Мы дерзким килем море пропороли
И пропололи от подводных трав.

Но кораблям, что следуют за нами,
Придется драться с теми же волнами
И скрежетать от той же самой боли,
О те же скалы ребра ободрав.

На что, на что смышлен веселый боцман, —
Но даже он стирает пот со лба:
Какую глубь еще покажет лот нам?
Какую даль — подзорная труба?

Суровый юнга хмурится тревожно
И апельсин от грубой кожуры
Освобождает так же осторожно,
Как револьвер — от грубой кобуры.

Мы капитаны, братья капитаны,
Мы в океан дорогу протоптали,
Но корабли, что следуют за нами,
Не встретят в море нашего следа;

Нам не пристали место или дата;
Мы просто были где-то и когда-то.
Но если мы от цели отступали, —
Мы не были нигде и никогда.

1957—1962

СВЕЧЕНИЕ МОРЯ

В серебристом и желтом полусвете
На ветру шелестят рыбацьи сети;
 Блещут все ячейки
 Тех сетей густых, —
 Световые змейки
 Несутся сквозь них...

Не проходит закат с волнами света,
И садится солнце медленно очень:
 На пороге ночи
 Ночи и не жди!
 На пороге ночи
 Ты ночи не жди.

Дорогое знакомое свеченье,
Негасимого моря излученье!
 На дороге к тайнам
 Ты нас не покидай;
 Заплутать не дай нам,
 Сияй нам! Сияй.

1956

БЕЗДОМНЫЙ ДОМОВОЙ

Кораблям в холодном море
ломит кости белый пар,
А лунный свет иллюминаторы прошиб.
А первый иней белит мачты, словно призрачный
маляр,
И ревматичен шпангоутов скрип...

Говорят, на нашей шхуне объявился домовой —
Влюбленный в плаванья, бездомный домовой!
Его заметил рулевой,
В чем поручился головой,
И не чужой, а своей головой!

Домовой
Заглянул к матросу в рубку,
Закурил на юте трубку
И журнал облизнул судовой
(Ах, бездомный домовой,
Корабельный домовой) —
И под завесой пропал дымовой...

...Перевернутый бочонок,
на бочонке первый снег.
Куда-то влево уплывают острова.
Как с перевязанной щекою истомленный
человек,
Луна ущербная в небе крива.

Кок заметил: «Если встретил
домового ты, чужак,
То не разбалтывай про это никому!»
А рулевой про домового разболтал,
И это знак,
Что домового не являлся ему.

Что не ходил к матросу в рубку,
Не курил на юте трубку,
Не мелькал в хитрой мгле за кормой...

Корабельный домового,
Ах, подай нам голос твой!
Ау! Ау!
Ай-ай-ай!
Ой-ой-ой!

Загляни к матросу в рубку,
Закури на юте трубку,
Рукавичкой махни меховой!..

Волны пенные кипят,
И шпангоуты скрипят,
И у штурвала грустит рулевой.

1944—1960

ПЕСНЯ С ПИНГВИНАМИ

Там никогда не снился мир цивилизованный.
Покрыто море голубым и белым льдом.
Там даже в воздухе не пахнет робинзонами.
Но кто ж построил, кто построил этот дом?

Как накрахмаленные стеганные ватники,
Стоят пингвины — даже руки развели...
Там не живут ни рыбаки, ни медвежатники,
Туда не ходят — не доходят — корабли.

Нетопленая печь,
Неписанный закон,
Незапертая дверь,
Ненастный небосклон.

И ты туда придешь,
И я туда приду,
И ты меня найдешь,
И я тебя найду.

А по весне и горячо и утомительно
Сверкает снег, — сверкает так, как блещет меч.
А ледники с лазурных гор ползут медлительно,
Ползут лениво, как плащи с покатых плеч.

Но снова сумерки встают со дна расселины,
И гаснут искры, беспокойные для глаз,
И возвращается ненастье темно-серое —
В который раз! В который раз! В который раз!

Без удержу кружит,
Без умолку ревет;
Без помощи небес
Бес беса не найдет.

Но ты туда придешь,
Но я туда приду,
Но ты меня найдешь,
И я тебя найду.

1957–1962

РЫБАЧКА

Низко над морем летела снежинка,
С нею напев мой осенний сложился:
Как снежинка

на щеке

распалась,

Так растаял

вдалеке

твой парус.

Дым на бурых крышах...

Гавань в ярко-рыжих

Листьях

И чешуйках

Рыбьих;

Чайки с криком гневным

Бьют по водным гребням

Черными концами

Крыльев...

А-а-а...

Маленький остров, поселок неяркий.

Там, у поселка, ты станешь на якорь;

На костре уха вариться будет.

Ветер с моря котелок остудит.

И огонь погаснет

В сумерках неясных,

В сумерках, как сон,

Капризных...

Море беспокойно...
Сеть на серых кольях,
Будто на ходулях
Призрак...

О-о-о...

Я не печалюсь, хотя я и рыбачка:
Что мне печалиться, что мне рыдать-то?
И рыбак уху готовить может,
И рыбачка рыбу ловит тоже...

Тенью подбородка
Волны ловит лодка —
Сяду, поплыву
На отмель;

В раковинках белых
Откачнулся берег,
Будто отболел
И отмер...

А-а-а...

О-о-о...

1957—1965

НАПЕВ

Море в расселины скал
понавставляло зеркал:
Овальных, шарообразных,
вспыхивающих,
алмазных...

И наводит, наводит свои зеркала
На дорогу, что к берегу долго вела,
И на крабов своих несуразных.

Я много несу
Разных
Новинок от моря назад;
Меня осыпает закат
Пыльцой своей бронзовитой...

А ночью, ночью в молчании сна
Вновь застрашает меня глубина,
Где вьется
Гад ядовитый...

О, сколько тайн ты, море, хранишь!
Сколько глубоких!
В рыбах золотобоких
Разве их все отразишь?

Молча сжимаю в горсти
Я вечной
Тайны мученье,

Но и разгадка
Облегченья
Не может мне принести!

Ла-ла-ла-ла... Ла-ла-ла-ла...
Прохладный
Бриз набегаёт,
Море, шумя, зажигает
В скалах свои зеркала...
Ла-ла-ла-ла... Ла-ла-ла-ла...

Рука зари вечерней
Рыбачки привет дочерний
От облака подождла.
А! О! А!...
Письмами чайки горят в камине заката...
А! О! А!..
Парус мой, парус, — нищенская заплатка!
И море под нами шатко,
И небо для нас загадка, —
Лишь волны — за складкой
складка —
Несут умолчанья дна...

А ты, о море, столько хранишь
Тайн,
Тайн глубоких!
В рыбах сереброоких
Ты их не отразишь...
Молча держу в горсти
Я вечной
Тайны мученье,

Но и разгадка
Облегченья
Не может мне принести,
Ла-ла-ла-ла... Ла-ла-ла-ла...
Свежести облегченья
Ничто не может
Мне принести...

1968—1976

ПАРОХОДЫ ВДАЛИ

После бури в ночи ни проплыть, ни пройти...
Пароходы сбиваются нынче с пути.
Поперхнется матрос, проморгав переход,
Захлебнется чужою волной пароход...

Пароходы вдали,
Вы куда забрели?
Здесь чужая волна,
Здесь чужая страна.

Если все станут петь, а потом танцевать,
А меня позабудут на праздник позвать, —
Я не стану проситься к чужому огню:
Хорошо иногда обойти западню!

Пароходы вдали,
Вы куда забрели?
Здесь чужая волна,
Здесь чужая страна.

Если много стерпеть мне придется обид,
Я не стану кому-то их ставить на вид.
Я не стану ни плакать, ни горько рыдать,
Только песню матросскую вспомню опять:

Пароходы вдали,
Вы куда забрели?
Здесь чужая волна,
Здесь чужая страна.

1965

АДРИАТИКА

Волны бегут,
белый песок лаская,
Ключья травы
всюду с собой таская,
А в глубине
тихо лежит морская —
Странно большая, очень большая —
Раковина!

Вижу ее
В солнечную погоду,
Вижу: прилив над ней подымает
Синюю воду,
И в глубине — ах, глубина какая! —
Великанья раковина,
Как росинка маковая,
Кажется мала!
То пропадет,
то под водой проглянет..
Море сожмет,
море ее растянет,
Но все равно
ближе она не станет:
Как далека в небе звезда,
Так и она.
Вижу ее
В пасмурную погоду,

Вижу: отлив над ней завивает
Темную воду..
Кто мне ее, ах, кто мне ее
Достанет?
Водолазил водолаз,
Водолазу не далась —
Чья тут вина?!

1963

ПЕСНЯ ДИКАРКИ

Мой
Дом —
В нем живет добрый дух,
В нем живет добрый дух,
Духов злых отгоняет.

Коль
В дом
Забредет злобный дух,
Значит, он слеп и глух,
И о добром не знает.

Я
Привязала к дверям
Корешок той травы,
Что спасает от бед.

И
Кожу старой змеи
Я держу на груди, —
Это мой амулет.

Ах,
Но
Кто-то смотрит в окно,
Кто-то в тусклый очаг
Залетает с размаха.

Ах!
Ах,
Как безумно темно,

Даже серьги в ушах
Тяжелеют от страха!

Дождь!
Налети, бурный дождь!
Дай мне молнию, дождь!
Я боюсь темноты!

Мой
Дом —
Он, как лодочка, прост,
Он на сваях, как мост.
Он не против воды,

Мой
Дом, —
В нем живет добрый дух,
В нем живет добрый дух,
Духов злых отгоняет...

1962

АРГЕНТИНСКАЯ

Только и дышит струн протяжный звон
Памятью незапамятных времен,
Только о старых и о новых днях
Волны впотьмах шумят.

Ночь.

Волны прибрежные черны.
Море,
море напрасно ждет луны.
В бухте — ни огней, ни голосов;
Не отражает парусов
Незрячий блеск волны.

Пальм

не видно в сумраке ночном,
Но я —
я все равно их видел днем!
Дышат их верхи под теплой мглой,
Как будто угли под золой,
Полупотушенным огнем

Что там? —

то ль это лодка, то ли плот?

Кто-то

по морю темному плывет
И песню, песню старую поет, —
К воспоминаниям зовет
Старая песнь меня...

Только,
 только не знаю, как мне быть:
Что мне,
 что надо вспомнить, что забыть?
Нет воспоминаний у меня:
Я помню радость утром дня
И грусть на склоне дня —
Вот и все.

1965—1966

МИССУРИ

О, Миссури-Миссури!
О, Миссури, расчудесный штат!
Приезжайте в штат Миссури
Все, кто хочет быть богат!

И пускай не обижаются на нас
Алабама, Каролина, Арканзас,
Если только про Миссури
Мы споем на этот раз!

О, Миссури-Миссури!
О, Миссури, расчудесный штат!
Приезжайте в штат Миссури
Все, кто хочет быть богат!

Река Миссури — многоводная река,
Река Миссури — судоходная река,
От судов густа Миссури,
Как похлебка бедняка.

Вверх и вниз по ней туда-сюда
Пасутся пароходов ревущие стада,
И за ними меркнет в дыме
Миссурийская вода.

О, Миссури-Миссури!
О, Миссури, расчудесный штат!
Приезжайте в штат Миссури
Все, кто хочет быть богат!

Бизнесменам неизменно там везет —
Нараспев они считают свой доход,
В лад ногами отбивая
Самбу, румбу и фокстрот.

А кому в Миссури нечего жевать, —
Право, нечего тому переживать:
Там жевательной резины —
Просто некуда девать!

О, Миссури-Миссури!
О, Миссури, расчудесный штат!
Приезжайте в штат Миссури
Все, кто хочет быть богат!

И пускай не обижаются на нас
Алабама, Каролина, Арканзас,
Если только про Миссури
Спели мы на этот раз.

О, Миссури-Миссури!
Случай как-нибудь еще найдем —
И не только про Миссури
Что-нибудь еще споем!

О, Миссури!
О, Миссури, расчудесный штат!
Приезжайте в штат Миссури
Все, кто хочет быть богат!

ОТЧАЯННАЯ МЭРИ

Баллада

Буруны, скалы, мели, —
Девятый вал ревет...
Отчаянная Мэри
Над скалами живет.

Мы знали все заранее,
Что Мэри — молодец!
В береговой охране
Служил ее отец.

Ну кто не знает Мэри?
Отчаянную Мэри?
Во всех тавернах пьют за Мэри —
Тосты говорят...

Споем же в память Мэри,
Отважной, смелой Мэри!
Пусть в небе людям праведным
Отчаянность простят!

Как дик в пустой пещере
Бывает ветра свист!..
По нашей славной Мэри
Вздыхал контрабандист.

По скалам и карьерам
Он рыскал волком серым
И стать миллиардером
Мечтал, авантюрист.

Ну кто не знает Мэри?
Отчаянную Мэри?
Во всех тавернах пьют за Мэри —
Тосты говорят...

Взойдя к ее жилищу,
Он Мэри предлагал
Косматую лапищу
И счастья идеал.

Косматую лапищу,
Чужих дублонов тыщу, — и
Еще один. Особенный!
Которого не крал!!!

Ну кто не знает Мэри?
Отчаянную Мэри?
Во всех тавернах пьют за Мэри —
Тосты говорят...

Он говорит ей: «Вот они! —
И сыплет их на стол. —
Скажи, не идиот ли —
Кто трудится, как вол?!»

А этот вот — в обтяжку
Обернутый в бумажку —
Я (допустил промашку
И) — *честно* приобрел!»

Ну кто не знает Мэри?
Отчаянную Мэри?
Во всех тавернах пьют за Мэри —
Тосты говорят...

Но Мэри отвечала
(Послушайте ее!):
«Бросай-ка, Джек, сначала
Разбойное житье!»

Но Мэри отвечала:
«Уведи вельбот с причала!
Твой парус, как мочало, а
Друзья твои — ворье!»

Ну кто не знает Мэри?
Отчаянную Мэри?
Во всех тавернах пьют за Мэри —
Тосты говорят...

В тот миг стоял у двери
Еще один бандит:
Он был в какой-то мере
На девушку сердит.

При звуках речи смелой
Он стал, как мрамор, белый!
И кортик оголтелый
Ей в голову летит...

Ну кто не знает Мэри?
Отчаянную Мэри?
Во всех тавернах пьют за Мэри —
Тосты говорят...

А что слышать о Джеке?
Куда девался Джек?
А Джек теперь — навеки
Пропащий человек!

В угаре постоянном
По знойным южным странам,
По кассам и карманам
Гуляет Бравый Джек...

Ну кто не знает Мэри?
Отчаянную Мэри?
Во всех тавернах пьют за Мэри —
Тосты говорят...

Споем же в память Мэри,
Отважной, смелой Мэри!
Пусть в небе людям праведным
Отчаянность простят!

1955—1956

ИНДЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Струны о чем-то рассказывают бойко,
Старая песня уводит за собой...

Были у Джимми и ферма и ковбойка,
Но не был он фермер, и не был он ковбой.

Ферму забросил,
На все махнул рукою,
Ковбойку нараспашку — и пошел по кабакам...
Ой, ой! Джимми! Джимми!
Поведай, что с тобою!
Не видит он,
Не слышит он,
Не знает он и сам.

...Были когда-то
Хозяевами штата
Индейцы-делавары, почитатели ветров.
Знать их не знал он...
Так вот ведь досада!
Текла в жилах Джимми индейская кровь.

Снились вигвамы,
Лосиные шкуры,
И кто-то мокасины
Сушил перед огнем...

Вот потому-то
Ходил Джимми хмурый
И песен индейских
Не пели мы при нем.

Не грусти, Джимми,
Поезжай в город,
Выгодно продай
Зерно,

А что в твоём сердце —
Радость или горе, —
Предкам твоим все равно.

С тучи, как боги,
Сошли раскаты грома,
Коршунóм пала на прерию гроза...
Джимми увидел
В своем стакане рома
Индийские косы, раскосые глаза!
Скулы как скалы,
Зажженные закатом,
Фламинговой короны пламенеющий костер...

Ой, ой,
Джимми, Джимми!
Куда же ты? Куда ты?
Ушел. И никогда его не видели с тех пор.

Бармен сказал: «Это все от безделья»,
А пастор намекнул, что «от безверья своего».
Грозная ночь бушевала за дверью,
И больше никто не сказал ничего...

Ферма дичает, бурьяном порастает,
Не видно белой лошади, не слышен лай собак...
Песню про Джимми
Теперь никто не знает,
А если бы знали, то пели бы вот так:

Не горюй, Джимми!
Поезжай в город,
Выгодно продай
Зерно...

А что в твоём сердце —
Радость или горе, —
Предкам твоим все равно,
 Предкам твоим все равно,
 Все равно,
 Все равно...

1957

ПЬЯНЫЙ ИНДЕЕЦ

Буйволлов глаза кровавые...
Дикая далекая страна
За поволокой сна...
Здравствуй, здравствуй, прерия свободная!
Дружище Запад! Здравствуй, старина!

Солнце над повозкой тряскою,
В ярких травах тонет колесо,
Напоен свободою и ласкою
Душистый ветер, дующий в лицо...

Ах! — но это сон! Не верь ему!
Это все напрасные мечты:
Нет свободы, нет зеленой прерии...
Жестокий виски! Всему виною — ты!

Всю красу народа славного
Загубил, о виски, твой обман!
И колено пред копытом дьявола
Склонил потомок последних могикан.

В городе большом затерянный,
Над вином сидит он, как в дыму;
Золотая западная прерия
В угаре бара мерещится ему...

Джаз ночной гремит приподнято.
Пьет индеец. Блеск в его глазах...
Хитрый виски! Все, что вправду отнято,
Уж хоть во сне ты верни ему назад!

Виски! Вождь уничтожения!
До конца игру свою веди!
Рад бродяга в реве разрушения
И утешенья хоть капельку найти.

Вот глоток еще — и свесится,
Упадет бессильно голова.
И в сознание гаснущем засветятся
Последней песни последние слова:

— Солнце над повозкой тряскою,
В ярких травах тонет колесо...
Напоен живой певучей сказкою
Зеленой ветер, дующий в лицо!

Буйволов глаза кровавые...
Дикая далекая страна...
За поволокой сна...
Здравствуй, здравствуй, прерия свободная!
Дружище Запад, — здравствуй, старина!

6 сентября 1955

КОРРИДА

И даровита,
И родовита,
И знаменита
Мексиканская коррида,
Когда сеньоры
В бою с быками
Свою погибель
За рога берут руками.

И скажешь, глянув
На бендерилью,
Что бандеролью
В этот край
Пришла Севилья.
Хотя коррида
По-мексикански
Скорей походит
На овсянку по-цыгански!

Толпа клубится —
Ни встать, ни сесть:
Сюда приходят
Поглазеть
Не то на вас,
Не то на нас,
Не то на трубки
Без табака.

А матадоры
И пикадоры
Споют вам песенку
Про белого бычка.

Нет, кто в Севилье
Не бывал —
Прямой корриды
Не знавал!
А тут воюют:
Не то рыдая,
Не то воруя...
Но вот Севилья
Дает вам крылья!
Я сам из Кордовы,
А значит, не совру я!

И даровита,
И родовита,
И хороша у вас,
В провинции здесь,
Коррида,
Хоть тут гуляют,
Плеща плащами,
Не матадоры,
А... торговцы овощами!

И даже машут
Не столь плащами,
Сколь бабьим фартуком
И прочими вещами:
Не то клеенками,
Не то пеленками...

Я сам из Кордовы,
А значит, я не лгу вам!

Нет, кто в Севилье
Не бывал ни разу,
Тот нипочем
Не уподобится
Алмазу!
Но вот Севилья
Дает вам крылья!
Я сам из Кордовы,
А в Кордове не лгут ведь!

1957

ПЕСНЯ СВОБОДЫ

Из дальних стран пришел бродяга нищий
И все бродил по улицам Мадрида.
Но не просил ни крова он, ни пищи:
Он только пел, пел для тебя,
 Старый Мадрид.

При первом слове той чудесной песни
Склонились девушки со всех балконов,
Весь город ожил, улицы воскресли, —
Смеялся, плакал и вздыхал
 Старый Мадрид.

— Где были вы, сеньор, все эти годы?
Где прятали ваш голос, ваши песни?
И неужели музыка Свободы
Всех песен вам дороже и милей?

— Я был в изгнание, под холодным солнцем,
Но не жалел, что полюбил Свободу:
Кому дано за родину бороться,
Тот чаще всех живет в разлуке с ней.

И снова, снова струны трогал странник,
И трепетал жасмин в садах Мадрида...
Летели дни... А патриот-изгнанник
Все звонче пел, пел для тебя,
 Старый Мадрид!

Когда же враг в Испанию ворвался
И черный дым затмил чело Мадрида, —

Он как герой на улицах сражался
И с честью пал. Пал за тебя,
Старый Мадрид.

1957

ОДЕРЖИМЫЙ ДЖИМ

Джим! Джим! Джим!
Чем ты одержим?
Плечи понурены, брови нахмурены,
Взор твой недвижим...
Если покой
Здесь недостижим,
Что же делать? Ну что же делать?
Ну хочешь — убежим?

Джим! Джим! Джим!
Хочешь, убежим?
Горной тропой... А коней нам с тобой
Раздобудет знакомый ковбой...
Сорной травой
Порос участок твой!
Громко смеются золотоискатели
Над твоей бедой...

(Все не туда,
Всегда не в ту даль
Многие стремятся...
И Джим — он тоже такой.)

Ну-ка, Джим,
Куда мы податься решим?
Хочется если — в Испанию, Данию, Швецию,
Грецию,
Рим, —

Если там
Желанный твой причал...
— Дальше, дальше! Ах, дальше, дальше! —
Вдумчиво Джим отвечал.

А! Может быть,
Устал ты по суше бродить?
Хочется не по сухому бродить,
а по мокрому хочется плыть?
Море и шквал! — не там ли твой привал?
— Дальше, дальше... Ах, дальше, дальше... —
Сумрачно Джим отвечал.

(Все не туда,
Всегда не в ту даль
Многие стремятся,
И Джим — он тоже такой!)

Молви, Джим,
Не медля и не для:
Если тебя перестала устраивать
грешная наша земля,
Рвешься ли ты
В потусторонний свет?
— Дальше, дальше... Ах, дальше, дальше! —
Джим заявляет в ответ.

Ну вот и опять
Нам тебя не понять!
Чего тебе надо — не разобрать,
такой-сякой!

Ничего
Джим не сказал,
Только вздохнул да махнул рукой.

ПРОПОВЕДНИК

Осушая слезы о передник,
Плачут жены, плачет народ:
Старый Робин, черный проповедник,
Простирает руку вперед.

— О, братья мои, сестры,
Много бед у вас, увы!
Перед вами, братья мои, сестры,
Я стою такой же, как вы.

Что я могу поделатъ?
Чем помочь я вам могу?
Перед вами, братья мои, сестры,
Буду вечно, вечно — в долгу!

Алабама — вся — одно рыданье, —
Страшен, страшен Ку-клукс-клан!
Балахоны ходят там рядами,
Как рядами ходит туман.

И горят, — и горят кресты по взгорьям,
Полыхая и дымясь...
На таком кресте или подобном
Умирал Спаситель за нас.

Ну а я, — что я тут могу поделатъ?
Чем помочь я вам могу?
Перед вами, братья мои, сестры,
Буду вечно, вечно в долгу.

Как горошек, проповедь наивна.
Проповедник чуть не в себе.
Прихожане плачут непрерывно
И кричит ребенок в толпе...

Ну а я, — что я тут могу поделывать?
Чем помочь я вам могу?
Перед вами, братья мои, сестры,
Буду вечно, вечно в долгу.

1965

РЕКА

Когда одна я, совсем одна,
И вечер свеж после жарких дней,
И так высоко светит луна,
Что земля темна и при ней,

И холодный ветер пахнет травой,
И вски смыкаются в полусне, —
Тогда является мне на стене
Река

И челн теневой.

А в том челне старина Гек Финн
Стоит вполуоборот;
И садится он,
И ложится в челнок,
И плывет, закутив, плывет...

В лучах пароходов и городов,
Один-одинешенек-одинок,
Становится точкой его челнок,
Но не так, чтобы исчезнуть совсем,
Но не так, чтоб исчезнуть совсем.

И все ему на реке слышны
Остроты встречных плотовщиков...
Спросите: а чем они так смешны?
И смысл у них каков?

А просто — смех на реке живет,
А просто — весело ночью плыть

Вдоль глухих берегов,
По реке рабов,
Но в свободный штат, может быть!

Вдоль глухих берегов,
По реке рабов,
Но в свободный штат, может быть...

1973 и начало 80-х

СТАРЫЙ НЕГР ХОЧЕТ СПАТЬ...

Ой, как старый негр хочет спать!
Ой-ой-ой, как негр хочет спать!
Он садится на старые ступени,
Колени
Руками обхватив.

А потом — потягивается,
А потом — почесывается,
И встает, и садится на ступени,
Колени
Руками обхватив.

А кругом — кто стреляет, кто поет,
Кто свистит, запустив три пальца в рот.
Кто-то пьет, кто-то речи говорит,
Кто-то пляшет свой фокстрот,
Кто-то сел на динамит...

Ой, как старый негр хочет спать,
Все равно он хочет только спать!
Спать и никаких не видеть снов
(А если видеть, то не замечать).

Ох, как он зевает во весь рот!
Таращит глаза и весь кряхтит!
А между прочим,
Если он заснет,
Никто ему спать не запретит.

Ни тот, который стреляет,
Ни тот, который поет,
Ни тот, который свистит,
Сунув три пальца в рот,
Ни тот, что пьет,
Ни тот, что речи говорит,
Ни тот набитый идиот,
Который сел на динамит..

Ох, как этот негр хочет спать!..
А-а-а... Ой-ой-ой...

1962

СТАРЫЙ БРОДЯГА

В мороз и зной
 в юдоли земной
Вижу я ночью свет без огня.
Свой дом и очаг
 у каждого есть,
Но нет его у меня.

У птицы есть, у ящериц есть,
Есть у крота, у всех, кто живет,
И только меня на празднество дня
Никто не ждет, не зовет.

Проскачет всадник, следом другой,
Но я ничего у них не прошу,
Я только спою: «Дорога — мой дом», —
И дальше
 в путь
 ухожу...

Люблю я солнца первый восход,
Люблю я погоду, если тиха,
Гнездо жаворонка в желтых полях,
Костер,
 костер пастуха.

Люблю я даль с гуртами овец
И над очагами тающий дым,
Боярышника
 багряный венец
И месяц ранний над ним.

В мороз и зной

в юдоли земной

Вижу я ночью свет без огня.

Свой дом и очаг

иметь может всяк,

Но нет его у меня.

1976

ЗА ЦЫГАНАМИ
(Песня на холмах)

Конь при дороге траву щипал.
Ночь наступила — и конь пропал...
Если пойдешь за конем вослед —
Скоро мелькнет за холмами свет.

Там разместился веселый стан —
Стан разместился бродяг-цыган.
Там, на холмах, под гитарный звон
Слышались песни былых времен.

Там, на холмах, под гитарный звон
Слышались песни былых времен.

Тропка по сумраку чуть вилась...
Издали, издали чудилось:
В таборе том, в старых песнях тех
Не было слов, кроме «ах!» да «эх!».

В таборе том, в старых песнях тех
Не было слов, кроме «ах!» да «эх!».

Что же так тянет меня туда?
Что же так манит на дальний свет?
В сердце ведь нет у цыган стыда —
(говорят) —

А рассудить — так и сердца нет!

В темных глазах — океана дно,
Вечные звезды и вечный путь,

А на душе — лишь одно, одно —
(говорят) —
Как бы последний твой грош стянуть!

Или бранят песнопевцев зря?
Зря облагают наветами?
Или приблизиться к ним нельзя
Даже совсем не поэтому?

Нет, не пойду я на дальний свет!
Встану — покину ковыльный рай..
Только, цыганочка, пой мне вслед!
Только позвонче, цыган, играй!

Только, цыганочка, пой мне вслед,
вслед,
вслед..
Только позвонче, цыган, играй...

1968

ПОЛОВОДЬЕ

Волны шумят и плещут, режут глаза сверканьем;
Мокрая щепка блещет, как драгоценный камень!
Кружится половодье, злится, мосты смывает...
Я опущу поводья: конь мой дорогу знает.

Выберусь на дорогу: глина на ней размыта.
Жаль, что по ней не могут звонче стучать
копыта!

Ах, как мне снится лето! Теплое и сухое;
Сосны сухого цвета, с легким дыханьем хвоя,
Тонкой калины ветки, грустной кукушки «слезки»
И на березках редких — пятнышки и полоски!
...Кружится половодье, злится, мосты срывает...
Я опущу поводья:
Конь мой дорогу знает.

1963

* * *

Липа зацвела у перекрестка;
Ствол корявый,
а цветы ее легки.

Книзу, книзу катится повозка,
Волы послушны,
на рогах у них венки.

Солнце за деревьями склонялось,
Так казалось,
будто вовсе не зайдет!

Только
легкой дымкой заслонялось,
На завтра ясный
обещало небосвод.

Ветром не испуганный нисколько,
Лист жасмина
уловил зарницы дрожь;

Ночью
дождь накрапывал тихонько, —
На шум ненастья
не был шум его похож.

Утра полусонная прохлада,
Чуть порхая,
пересиливала зной,

Знала,
Что грозой считать не надо
Роптанье сада, —
запах свежести ночной.

Липа
Зацвела у перекрестка;
Ствол корявый,
А цветы ее легки.
Книзу,
Книзу катится повозка,
Волы послушны,
А дороги — далеки...

1975

АХ, КАК ДОЛГО ЕДЕМ!

Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдали хребты туманной съерры.
Ах, как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула,
Прошумев, сорвется в бездну камень серый.

Тишина. Лишь только песню
О любви поет погонщик,
Только песню о любви поет погонщик,
Да порой встряхнется мул
И колокольчики на нем,
И колокольчики на нем забьются звонче.

Ну, скорей, скорей, мой мул!
Я вижу, ты совсем заснул:
Ну поспешим — застанем дома дорогию!..
Ты напьешься из ручья,
А я мешок сорву с плеча
И потреплю тебя и в морду поцелую.

Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдали хребты туманной съерры.
Ах, как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула.
Прошумев, сорвется в бездну камень серый.

Тишина. Лишь только песню
О любви поет погонщик,
Только песню о любви поет погонщик,
Да порой встряхнется мул,
И колокольчики на нем,
И колокольчики на нем зальются звонче.

1962

ПИСЬМО К ЛЮБИМОЙ

Платок вышивая цветной,
Ни старый, ни новый, —
Я знаю, — для встречи со мной
Вы нынче готовы.

Свои же намерения
Означу словами:
На сивом на мерине я
Приеду за вами.

(Ох! — вот ведь какая
судьба!

Ах! — удивительно
злая судьба!)

А впрочем, извольте понять:
Дорога ужасна!
Зачем же я стану гонять
Конягу напрасно?

К тому же мой конь семенит,
Идет, как по буквам!
И чтобы ускорить визит,
Я пеший приду к вам.

(Ох! — вот ведь какая
судьба!

Ах! — поразительно
злая судьба!)

А впрочем, ботинки надеть
Нельзя без расхода:
В них можно стоять и сидеть
В любую погоду.

Но портить подошвы ходьбой
Не так по душе мне.
Я лучше приду к вам... босой!
Так будет дешевле.

(Ох! Вот ведь какая
судьба!
Ах! Сокрушительно
злая судьба!)

А впрочем, не стану скрывать:
Болят мои пятки.
К тому же дорога, видать,
Опять не в порядке.

Не скоро до вас добреду,
Устану же — скоро.
Я лучше совсем не приду!
Прощайте, сеньора!..

Ах! Вот ведь какая...
Непростительно
злая судьба!

ЦЫГАНКА-МОЛДАВАНКА

Развеселые цыгане по Молдавии гуляли
И в одном селе богатом ворона коня украли.
А еще они украли молодую молдаванку:
Посадили на полянку, воспитали как цыганку.

Навсегда она пропала
Под тенью загара!
У нее в руках гитара,
Гитара,
Гитара!
Позабыла все, что было,
И не видит в том потери.
(Ах, вернись,
Вернись,
Вернись!
Ну, оглянись, по крайней мере!)

Мыла в речке босы ноги, в пыльный бубен била звонко.
И однажды из берлоги утащила медвежонка,
Посадила на поляну, воспитала как цыгана;
Научила бить баклушки, красть игрушки из кармана.

С той поры про маму, папу
Забыл медвежонок:
Прижимает к сердцу лапу
И просит деньжонок!
Держит шляпу вниз тульею...
Так живут одной семьей,
Как хорошие соседи,
Люди, кони и медведи.

По дороге позабыли: кто украл, а кто украден.
И одна попона пыли на коне и конокраде.
Никому из них не страшен никакой недуг, ни хворость...
По ночам поют и пляшут да в костры бросают хворост.

А беглянка добрым людям
Проходим
Ворожит:
Все, что было, все, что будет,
Расскажет,
Как может...

Что же с ней, беглянкой, было?
Что же с ней, цыганкой, будет?
Все, что было, — позабыла.
Все, что будет, — позабудет.

ПЕСНЯ ПРО КОТЕЛ

В тиши весенней,
В тиши вечерней,
Вблизи от прерий,
Вдали от гор
Стояла ферма,
Стояла ферма,
А возле фермы
Пылал костер.

В котле широком
Кипело что-то,
А рядом
Кто-то
Сидел — мечтал...
Котел кипящий —
Огонь шумящий
Ему о чем-то
Напоминал.

Вот ночь настала —
Костра не стало:
Последний уголь
Погас,
Погас...
А тот, сидящий,
В огонь смотрящий, —
Он тоже скрылся,
Скрылся
Из глаз...

И мы не знаем,
Ах, мы не знаем:
Был или не был
Он на земле,
Что в тихом сердце его
Творилось
И что варилось
В его котле.

1961

ПОЖАРНЫЙ

Жил-был пожарный в каске ярко-бронзовой,
Носил, чудака, фиалку на груди.
Ему хотелось ночью красно-розовой
Из пламени кого-нибудь спасти.

Мечта глухая жгла его и нежила:
Вот кто-то спичку выронит, и вот..
Но в том краю как раз пожаров не было, —
Там жил предусмотрительный народ.

Из-за ветвей следить любила в детстве я,
Как человек шагал на каланче.
Не то чтобы ему хотелось бедствия,
Но он грустил о чем-то... вообще.

Спала в пыли дороженька широкая,
Набат на башне каменно молчал,
А между тем горело очень многое,
Но этого никто не замечал.

1962

ФОКУСНИК

Ах ты фокусник, фокусник-чудак!
Ты чудесен, но хватит с нас чудес.
Перестань! Мы поверили и так
В поросенка, сошедшего с небес.

Да и вниз головой на потолке
Не сиди — не расходуй время зря!
Мы ведь верим, что у тебя в руке
В трубку свернуты страны и моря.

Не играй с носорогом в домино
И не ешь растолченное стекло,
Но втолкуй нам, что черное — черно,
Растолкуй нам, что белое — бело.

А ночь над цирком такая, что ни зги, —
Точно двести взятых вместе ночей..
А в глазах от усталости круги —
Покрупнее жонглерских обручей!

Ах ты фокусник, фокусник-чудак,
Поджигатель бенгальского огня!
Сделай чудное чудо: сделай так,
Сделай так, чтобы поняли меня!

1962

АЛЬПИНИСТЫ

Поскорей наполним нашу,
Все равно какую чашу:
Чашу кратера вулкана
Или чашечку цветка...

Угли звонкие раздуем,
Как-нибудь переночуем...
Нам живется нелегко, —
Мы уходим далеко,
Мы пришли издалека.

По саваннам необъятным,
По лесам невероятным,
По плато суровых гор,
Где терновник — в сорок свор —
Обдирает нам бока...

А ущелья, — как темно в них!
Но мы сами — как терновник:
Для тернистой для тропы
На ступнях у нас шипы...
Мы пришли издалека.

Нас ошпаривала справа
Вулканическая лава,
Нас окатывало слева
Океана колесо...

Но веревками друг друга
Мы обкручивали туго
И ползли под облака...

Мы пришли издалека.
Мы уходим далеко.

А в плащах-палатках наших
Мы походим на монахов:
Вдалеке от милых жен
Отрешенный капюшон
Надвигаем на лицо...

А под этим капюшоном,
Синим снегом опущенным,
Как стальная полоса —
Неподкупные глаза.
Мы уходим далеко.

Мы уходим далеко.
Мы уходим далеко.
Мы уходим далеко.

1961

КОРЗИНЩИЦА

По зеленым долинам играет
Виноград, виноград, виноград.
Кто растил — пусть идет собирает
Виноград, виноград, виноград!

Раскаленно сверкнул стрелы солнца —
Ну и что ж? разве я протестую?
На плечо мне, как руку, положит
Лето — гроздь винограда литую,

Чтоб напомнить о весне.

Два вола
Меня влекли в долину,
Я плела
Под виноград корзину,
Даль была
Уже весной осенена,
И носил
Весенний ветер семена.

На плечо
Корзину я надела...
Плеть корзины —
Ведь и это — дело!
Я сплетала их из прутьев
Ивовых,
Я вплела в них тени веток
Сливовых!

А теперь (тин-та-ран, тин-тариран)
Всюду рдяные гроздья блистают,
По гитарам и по тамбуринам
Тени листьев резных пролетают...

То застынет струя зачарованно,
То бурлит в кабачках придорожных...
И уже ковыляют неровно
Пастухи, первый жбан опорожнив:

Рин-тан-тан,
Та-ра-ра-рин-тан, рин-тан-та-а!

1962—1969

Это синее небо,
Это жаркое лето,
Эта музыка света,
Что мелькает за листвою,
Да будет воспета
Всем сердцем поэта!
Да сбудется где-то
И с другими, и с тобой.

1960—1984 (?)

ЗВЕЗДА

Летний вечер тихо настает:
Верещат кузнечики в тиши,
Соловей за рощею поет,
При луне чернеют камыши.

И, бросая тени в глубину,
Закрывают облака луну.
И моя вечерняя звезда
В облаках сверкает иногда.

Я люблю вечернюю звезду;
Я ее всегда так долго жду!
Я к закату солнце тороплю, —
До того я звездочку люблю.

Пусть она грустна и далека,
Пусть ее скрывают облака, —
Верю, знаю: свет ее сейчас
Далеко уплыл, — но не угас.

И зимой, когда вокруг темно,
(Вьюга в поле, буря ли в лесах)
Где-то есть, я знаю, все равно
Верный свет, как сторож на часах.

В дымке скрыта,
В тучах не видна,
Неприметна и при свете дней, —
Все равно я знаю:
Мне дана
Ясная звезда судьбы моей.

1960—1984 (?)

ВОДОПАД

Дышит осень незаметно
На деревья и кусты —
И от ветра, и без ветра
Опадают с них листья.

И листом осенним с неба
В море падает звезда;
Не вернуться ей на небо,
Не вернуться никогда.

А водопад —
Он не то что листопад, —
Не печалит он, а радует
Там, где падает;
Водопад не листопад,
Водопад не звездопад —
Он веселый от макушки и до пят.

Водопад,
Падай всласть!
Можно пасть, чтоб не упасть,
И упасть, чтобы не пасть
И все на свете не проклясть.
И грохочет водопад,
И хохочет невпопад,
Словно хочет
В этой пропасти пропасть

Ручеек стремится в пропасть —
Грозной бездны патриот:
Разве в пропасть нужен пропуск?
Пропусти его вперед!

Но едва преодолет
Он запретную черту —
Обомлеет,
Обмелеет,
Спрячет камешки во рту.

А водопад,
Как веселый акробат,
Вызываемый на «бис»,
Летит, летит с уступа вниз...
Водопад не листопад,
Водопад не звездопад,
Он веселый от макушки и до пят...

Водопад,
Падай всласть!
Можно пасть, чтоб не упасть,
И упасть, чтобы не пасть
И все на свете не проклясть.
...И грохочет водопад,
И хохочет невпопад, —
Силы жизни,
Силы счастья в нем кипят.

Около 1962

ДОРОЖНАЯ

С чемоданом да с клетчатый узлом
Я примчался вприпрыжку на вокзал.
Как связался я с узлом,
Так связался я со злом:
Ведь не я его, а он меня связал!

Все входили в вагоны, как река
С гордой миной вступает в берега...
Я же бросился в вагон,
Как бросаются в огонь,
Как бросаются в атаку на врага!

Я дорогу-плутовку не терплю!
Я тревогу дорожную трублю!
Пассажиров не люблю
И мильон проклятий шлю
Самолету, вертолету, кораблю!

...Шел состав, разворотистый такой!
Сам помахивал дымом, как рукой,
И с презреньем короля
Горы, доли и поля
Он отбрасывал заднею ногой...

Я притих и запомнил с этих пор
Необузданный, бешеный простор,
Семафоры под луной
И на полках надо мной
Многосложный дорожный разговор...

Я дорогу тревожную люблю!
Я тревогу дорожную трублю!
Домоседов не терплю!
И привет веселый шлю
Самолету, вертолету,
Кораблю!..

1961—1962

ПЕСЕНКА ПРО ПОЧТАЛЬОНА

Едет!
Кто это едет?
Едет, держит руль без перекоса.
Едет!
Дорогу цедит
Сквозь велосипедные колеса.

Кто не пел про почтальона?
Почтальону и почет
и честь!
Птицей в сумке почтальона
Бьется радостная весть!

По садам, садам зеленым
Видишь? — даже солнце ходит следом,
Следом за почтальоном,
За его простым велосипедом...

Кто не пел про почтальона!
Почтальону и почет
и честь!
Птицей в сумке почтальона
Бьется радостная весть!

Если ж
Дурные вести, —
Почтальона, братцы, не корите,
Только
Со мною вместе
Песенку эту повторите...

Почтальоны ведь не боги, —
Те же люди, что и вы,
 точь-в-точь,
Тем любезнее в итоге
Вам готовые помочь!

Кто не пел про почтальона!
Почтальону и почет
 и честь!
Птицей в сумке почтальона
Бьется радостная весть!

1966—1968

ОСЕНЬ ВЕСЕЛАЯ...

Осень веселая, осень золотая,
Ты для охотника лучшая пора!
Он берет ружье
И, собак скликая,
В дальний лес идет
С самого утра...

Не разберешь:
То ли иней, то ль роса?
Ранний мороз
Щиплет сонные глаза,
А собаки рвутся в лес —
Языки наперевес...
Эй, Боб, Джек, Пират!
Ну, скорей, сюда! Назад!

Что ж ты суешь мне и впрямь ружье,
Негодник?
Разве ружье на охоту нужно брать?
Я не говорил,
Что стрелять охотник,
Но охотник я
Хорошо приврать!
Ходит молва,
Что охотники — вруны.
Впрочем, слова
Их по-своему верны,
А иной, фальшив на вид,

Небылиц наговорит,
А сам под враньем
Верность правде затаит!

(А сам под враньем
Подло правду затаит!)

«Эх, — говорила нам тетка Фелицата, —
Врать могли бы дома, чтобы воду
Не мугить...
Если можно врать,
Не сходя с крыльца-то, —
Для чего в тайгу
За враньем ходить?»

Всякую пре—
увеличенную дичь
Ты без ходьбы,
Без пальбы преувеличь!
Только в том-то и вопрос,
Что пальба идет — ВСЕРЬЕЗ.
И правда сия
Хуже всякого вранья.

1950-е

ЧЕЛОВЕК

Посвящается нашим спасателям

Сквозь туман заблуждений, сквозь дебри сомнений
Пробирается вдаль человеческий гений:
Зажигает фонарь на вершине маячной,
По тростинке проходит над пропастью мрачной,

В тяжких недрах земли обливается потом,
На серебряных крышах стоит звездочетом,
Над морями на тихом летит монгольфьере,
Разбивается насмерть на личном примере.

Он на землю приходит то пылким Икаром,
То бесстрашным и добрым Алленом Бомбаром, —
Личным другом Надежды, врагом Заблужденья,
Чья рука равносильна руке Провиденья, —

Фермопильским вождем, капитаном «Кон-Тики»,
Человеком, бегущим на дальние крики,
Летописцем, исполненным вещего рвенья... —
Никого не забыть, кроме пугал забвенья.

В каждом веке он первый. Но в деле, в котором
Подозренье в корысти покажется вздором,
Где никем не могло бы тщеславие двигать,
Где гляди не гляди, а не выглядишь выгод:

Между койками ходит в чумном карантине,
Служит крошечным юнгою на бригаantine,
Над полями сражений, как в тягостной сказке,
Кружит ангелом с красным крестом на повязке...

И на крылья свои, с неизвестной минуты,
Надевает суровые тайные пути,
Чтобы в грусти своей и себе не сознаться,
Чтобы в самом страданье своем — не зазнаться.

Ибо нет на земле и не будет деянья,
Чтобы стоило ангельского одеянья.
Ибо странно мечтать о блаженстве небесном,
Не ходив по земле пешеходом безвестным.

Сквозь туман заблуждений, сквозь дебри сомнений
Пробирается вдаль человеческий гений:
Зажигает фонарь на вершине маячной,
Чтоб горел его свет, как венец новобрачной.

И приходят титаны в раздумье глубоком,
И кончаются в муках, когда ненароком
Застревают, как стрелы, в их ноющем теле
Их конечные, их бесконечные цели.

Убегаем от чар, возвращаемся к чарам,
Расправляемся с чарами точным ударом...
...Далека же ты в небе, звезда Идеала!
Но стремиться к тебе — это тоже немало.

1957—1971

ДОМА БЕЗ КРЫШ (Окраина)

Летняя ночь была
Теплая, как зола...
Так,
Незаметным шагом,
До окраин я дошла.
Эти окраины
Были оправлены
Вышками вырезными,
Кружевными кранами.

Облики облаков,
Отблески облаков
Плавали сквозь каркасы
Недостроенных домов.
Эти дома без крыш
В белой ночной дали
В пустошь меня звали,
В грязь и глину завели.

На пустыре ночном
Светлый железный лом,
Медленно остывая,
Обдавал дневным теплом.
А эти дома без крыш
В душной ночной дали
Что-то такое знали,
Что и молвить не могли.

Из-за угла, как вор,
Вынырнул бледный двор:
Там на ветру волшебном
Танцевал бумажный сор.

А эти дома без крыш
Словно куда-то шли,
Шли —
Плыли,
Как будто были
Не дома, а корабли.

Встретилась мне в пути
Между цементных волн
Кадка с какой-то краской,
Точно в теплом море — челн.
Палка-мешалка в ней,
Словно в челне весло...
От кораблей кирпичных
Кадку-лодку отнесло.

Было волшебно все:
Даже бумажный сор,
Даже мешалку-палку
Вспоминаю до сих пор.
И эти дома без крыш,
Светлые без огня;
Эту печаль и радость,
Эту ночь с улыбкой дня.

1961—1962

ВОДОСТОЧНЫЕ ТРУБЫ

Дождь,
Дождь вечерний
Сквозь водосточные трубы.
Мокрые стены,
Зеленая плесень да мох...
Ах, эти трубы!
Сделали трубочкой губы,
Чтобы
Проходим
Выболтать тайны домов.

Трубы, вы трубы, —
Я вашим тайнам не рада.
Ржавые трубы,
Вы бросьте про тайны трубить!
Я вас не знаю,
Мне ваших секретов не надо:
Зная секреты,
Трудно мечтать и любить.

Верю, ах, верю
Тому, что за этою дверью
И в том окошке
Измена, обида, обман...
Верю, ах, верю! —
Но почему-то... не верю.
И улыбаюсь каменным этим домам.

Верю надежде,
Даже как будто напрасной,
Даже напрасной,
Совсем невозможной мечте...
Вижу я город,
Вижу я город прекрасный
В белом тумане,
В черном вечернем дожде.

Трубы вы, трубы, —
Бедные! —
Вы еще стары.
Вся ваша плесень —
Лишь первый пушок над губой.
Вы еще стары,
А мы уже юными стали,
Хоть мы узнали
Самую старую боль.

...Дождь,
Дождь осенний
Сквозь водосточные трубы;
Мокрые стены,
Зеленая плесень да мох...
Ах, эти трубы!
Сделали трубочкой губы,
Чтобы
Проходим
Выболтать тайны домов.

1961—1962

* * *

Там, где кончается город,
Там, где граница асфальта, —
Остановились дома,
Остановилась и я...

Машин затихающий шорох...
И тоненьким кончиком пальца
В эти просторы меня
Позвал,
Позвал стебелек щавеля...

Вижу: стоят в отдаленье
Темной гурьбою деревья...
Ах, сколько счастья, сколько удивленья,
Что дорога к деревьям идет!
Здесь я печаль переспорю...
Вот кто-то скользит через поле
И что-то блéющее, в сумерках белеющее,
Вслед за собою ведет.

Там, где граница асфальта,
Там, где кончается город,
Там начинается ночь,
Ветер
И запах травы...
Дорога ушла и вернулась,
Как будто назад обернулась,
И поворот у дороги
Как поворот головы!

В домиках темных и низких
Низкие светят окошки, —
Так приглянулись мне окошки эти,
Что решила я в них заглянуть.
Там я увидела миски,
Чашки, тарелки и ложки —
В каком-то странном, отдаленном свете, —
И опять продолжала свой путь.

Бревна, канавы, колодцы...
Через четыре болотца
Я по дощечкам прошла...
Ночь и свежа, и тепла...
Вот лягушата картавят,
Нежно, как шарик, катая
Букву сердитую «Р»...
Сумрак неверен и сер.

Ах, почему я так долго
Этого места не знала?
И почему дорогой длинной-длинной
Никогда никуда не хожу?
Если спрашивать будут,
Где это я пропадала
И отчего мои подошвы в глине, —
Я скажу, я скажу, я скажу:

«Там, где кончается город,
Там, где граница асфальта,
Там задержались дома,
Там задержалась и я...

Машин замирающий шорох...
И тоненьким кончиком пальца
В дальние дали меня
Позвал,
Позвал стебелек щавеля».

1957—1962

ПИНГВИАНА

Могу ли забыть я
Про то Общежитье,
Где происходили
Такие события,
Такие открытия?!

Где солнце текло к нам
В раскрытые окна
С высокой вершины
Такого высокого
Подъемного крана!

Как часто (по мере
Ухода от двери)
Тогда мне казалось,
Что я оказалась —
Да нет, не в Ривьере! —
Что всюду — Гвиана...

А это, наверно,
Была не Гвиана;
А это, наверно,
Была Пингвиана —
Страна Пингвиана,
Земля Пингвиана
Среди океана.

Туда заплывают
Горячие льдины.

Там с чайками рядом
Гуляют пингвины
И скромно дивятся,
Что птицы свободы,
Которым доступны
И небо и воды,
Отнюдь не чинятся, —
Ничуть не ленятся
По пирсу слоняться,
Как мы, пешеходы.

В то время я новую
Песню искала.
(Но так получилось,
Что я не училась
Раскраске вокала
В театре «Ла Скала».)

А песня не слишком
Ко мне торопилась,
Но в каменной чаше
По капле копилась,
Дугою сбегая
С пещерного свода,
И я как немая
Стояла у входа...

А люди боялись,
Что я... озарю их!
А люди страшились,
Что я разорю их,
Что мне озаренье,
А им — разоренье!

И я упустила
Какую-то ноту..
И я потеряла
Ее, как работу.
И я позабыла
Старинное рвенье,
Горящее рьяно!

А люди судьбу мне
Готовили злую...

Напомни, напомни
Мне песню былую,
О ты, Пингвина!
Страна Пингвиана —
Среди океана.

1969—1995

СЛЕДЫ

Ночь напечатала прописью
Чьи-то на глине следы...
Над плоскодонною пропастью
Эхо, как пушечный дым.

Видно, прошел тут — шепотом
Песню пропел пилигрим;
Долго стреляющим хохотом
Горы смеялись над ним.

Вижу, как ночь приближается
Высохим руслом реки...
Но все равно продолжается
Песня, словам вопреки.

— Где это море? — вы спросите, —
Где этот пляшущий риф?
Где — без морщинки, без проседи —
Юный зеленый залив?

Где эти заросли тесные
В лунной бессонной пылице?
Звери да птицы чудесные?
Люди — с огнем на лице?

Гибкие пальцы упрямые,
Чаши? Цепочки с резьбой?
Эхо, не путай слова мои, —
Я говорю не с тобой!

...Ночь напечатала прописью
Чьи-то на глине следы...
Над плоскодонною пропастью
Эхо, как пушечный дым.

Начало 60-х

ВЕРЕСК

Осыпается вереск мой,
Что у моря был сорван мной,
И не верится в это мне,
И не верится!

Но не здесь этот вереск рос, —
Так большой ли с бедняги спрос?
Я уж как-нибудь обойдусь
И без вереска.

Не грущу о чужих цветах,
А грущу о родных цветах,
От которых того и жди,
Что опять засекут дожди,
Или ветер забьет,
Или — просто придет черед...

Осыпается вереск мой,
Осыпается, осыпается...

Этот вереск напомнил мне
О пустынных местах,
О пустынных местах, —
Пограничных постах;

О пустых палисадниках,
Заметенных песком,
О гарцующих всадниках,
О идущих пешком...

Осыпается вереск мой,
Что у моря был сорван мной,
И не верится в это мне,
И не верится!

Но не здесь этот вереск рос, —
Так большой ли с бедняги спрос?
Я уж как-нибудь проживу
И без вереска.

Но не стану теперь опять —
Но не стану цветы срывать!
...Осыпается вереск мой,
Осыпается,
Осыпается...

Осень 1961

КИСТЬ ХУДОЖНИКА

Кисть художника везде находит тропы.
И, к соблазну полисменов постовых,
Неизвестные художники Европы
Пишут красками на хмурых мостовых.

Под подошвами шагающей эпохи
Спят картины, улыбаясь и грустя.
Но и те, что хороши, и те, что плохи,
Пропадают после первого дождя.

Понапрасну горемыки живописцы
Прислоняются к подножьям фонарей
Близ отелей,
Где всегда живут туристы —
Посетители картинных галерей.

Равнодушно, как платил бы за квартиру,
За хороший иль плохой водопровод,
Кто-то платит живописцу за картину
Либо просто подаянье подает.

Может, кто-то улыбнется ей от сердца?
Может, кто-то пожелает ей пути?
Может, крикнет: «Эй, художник! Что расселся?
Убери свою картинку! Дай пройти!»

Но, как молнии пронзительную вспышку,
Не сложить ее ни вдоль, ни поперек;
Не поднять ее с земли, не взять под мышку, —
Так покорно распростертую у ног.

И ничьи ее ручищи не схватили,
Хоть ножищи по ее лицу прошли.
Много раз за ту картину заплатили,
Но купить ее ни разу не смогли.

1962

ШАРМАНЩИК

На землю падал снег,
И кто-то пел о том,
Как жил да был старик
С шарманкой и сурком;
Что он вставал чуть свет
И шел за песней вслед.
О том, что на земле
Шарманок больше нет.

Шарманок,
Шарманок,
Шарманок больше нет.

Скажите, а зачем
Шарманка вам нужна?
И сипляя совсем,
И хрипяая, она
Скрежещет, как возок,
Скрипит, как бурелом,
Как флюгер, как сапог,
Как дерево с дуплом.

Как дерево, как дерево,
Как дерево с дуплом.

Достойные друзья!
Не спорю с вами я;
Старик шарманщик пел
Не лучше соловья.

Но тронет рукоять,
И... — верьте, что порой
Он был самостоя-
тель-
нее,
чем король.

И радость, и печаль
Звучали в песне той;
Был тих ее напев
Старинный и простой...
Не знаю, как мне быть!
Нельзя ли как-нибудь
Шарманку обновить:
Шарманщика вернуть?

- Шарманщик!
- Эй, шарманщик!
- ...Шарманщика вернуть.

КРУЖАТСЯ ЛИСТЬЯ

Кружатся листья,
Кружатся в лад снежинки.
Осень пришла, — темно и светло в лесах.
Светятся в листьях розовые прожилки,
Словно в бессонных
И утомленных глазах.

Летнюю книгу эти глаза читали,
Мелкого шрифта вынести не смогли
И различать во мгле предвечерней стали
Только большие — главные вещи земли.

Прносятся кругом цветные листья над садом;
Глаза их прозрели, да только прозрели для тьмы.
Вьются снежинки, кружатся листья рядом,
Реют,
Верят
В пылкую дружбу зимы!

Падают листья липы, дубов и клена...
Звездочки снега сыплются с высоты...
Если бы знать: насколько зимой стесненно
Или свободно лягут под снегом листья?
Если бы знать: какие им сны приснятся?
Что нам готовит их потаенный слой?
Что им сподручней: сверху снегов остаться
Или под снегом скрыться, как жар под золой?

Танцуйте, танцуйте!
С холодным снежком кружитесь,
Покуда снежинки так запросто с вами летят!
Только до срока
Под ноги не ложитесь,
Чтобы
Не скрыла
Вьюга ваш яркий наряд!

Танцуйте, танцуйте!
Ведь это последний танец!
Кружитесь, кружитесь,
Ведь время нисколько не ждет!

1961

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ЗМЕЙ

И опять она сидит посреди
Караванного большого пути.

А вокруг нее — следы,

следы,

следы,

следы...

Кто пройдет обутый, кто босой,

Кто проедет на верблюде седом,

Кто — на лошади с багряным седлом...

Чьи-то туфли проплывут, как цветы,

Как цветы, расшитые росой.

А в корзинах перед нею

С медной прозеленью — змеи,

Как расплавленный металл,

как густой ручей.

Здравствуй, заклинательница змей!

Заклинательница змей, отчего

Мне не нравится твое колдовство?

Ты как будто что-то лепишь из змеиных тел;

Что ж ты слепишь? Я бы знать хотел!

Вот усатая привстала змея, —

Ты слепи мне из нее соловья!

Ах, не можешь? Так зачем

надо заклинать

То, что можно только проклинать?

Заклинательница знает,
Что напрасно заклиняет.
Ну, а что же делать ей,
 что же делать ей,
Бедной заклинительнице змей?

1957—1982

ИТАЛИЯ

Чудесная Италия!
Чудесней не сыскать!
Я свой багаж оставила
И вышла погулять.

Как в давние столетия, лил вечер клики звонкие.
И статую Трагедии заметила в сторонке я.
У прачек были прения насчет ведра и цуцика,
Но даже оскорбления звучали здесь как музыка!

Прекрасная Италия!
На всем твоя печать.
Но что тебя заставило
Транзисторы включать?

От крика, гвалта шалого, железного и медного,
Весь вечер прочь бежала я... Но вдруг шаги
замедлила;
Сияли звезды ясные. И уши мои расслышали
Вдруг — песню настоящую! Вдали,
впереди,
над крышами...

Ночь лунная, чудесная,
На тучах блики пламени...
Иду я вслед за песнею,
Куда б ни привела меня!

Всю ночь шагать готовая, к домам и лавкам
запертым,
Пришла я в местность новую — с уже рассветным
запахом.
Покуда не проснулся двор... Кругом такая рань
была!
Вдоль стенок баки с мусором,
а под крышей — пенье
ангела!

О дивная Италия!
Оглядываюсь; где ж она?
Но песенка растаяла
Там, где белье развешено.

О дивная Италия!
Я все искала; где ж она?
Но песенка растаяла,
Где всегда белье развешено.

1983

ПЬЕРО

Что ты смотришь так тупо,
Ах ты, шляпа Пьеро?

Что ты смотришь так тупо,
Ах ты, шляпа Пьеро?

Над тобой снова туча,
Как над шляпой перо.

Над тобой снова туча,
Как над шляпой перо.

Канцонетта, канцона:

Тра-ля-ля, три-ли-ли.

Канцонетта, канцона:

Тра-ля-ля, три-ли-ли.

Рукава балахона

Опустил до земли.

Рукава балахона

Опустил до земли.

Верещит мандолина:

Ти-лин-лат, ти-ли-я.

Верещит мандолина:

Ти-лин-лат, ти-ли-я.

Влюблена в Арлекина

Коломбина твоя.

Влюблена в Арлекина

Коломбина твоя.

Серенады и песни

У тебя на крыльце!

Серенады и песни
У тебя на крыльце!
Тень веревочных лестниц
У тебя на лице!
Тень веревочных лестниц
У тебя на лице!

Не смотри же так тупо,
Ах ты, шляпа Пьеро!
Не смотри же так тупо,
Ах ты, шляпа Пьеро!
Над тобой снова туча,
Как над шляпой перо.
Над тобой снова туча,
Как над шляпой перо.

1961

ЕХАЛ СОЛДАТ...

Ехал солдат лесом,
Ехал целый день.
(Ай-ай! Ай-ай-ай!
Ой-ой! Ой-ой-ой!
Ель, сосна... Да...)
А навстречу бабка,
Глупая как пень:
«Ай-ай! Ай-ай-ай!
Ой-ой! Ой-ой-ой! —
Говорит она. —

Едешь, солдат, едешь,
А твоя жена
Тебе, молодому,
Больше не верна!»
Солдат зашатался,
Побелел, как плат:
«Ай-ай! Ай-ай-ай!
Ой-ой! Ой-ой-ой! —
Говорит солдат. —

Если мне и вправду
Больше не верна
Моя молодая
Верная жена... —
С этими словами
Зарядил ружье: —
Ай-ай! Ай-ай-ай!

Ой-ой! Ой-ой-ой!
Я убью ее!»

Едет солдат полем,
А навстречу дед
(Ай-ай! Ай-ай-ай!
Ой-ой! Ой-ой-ой!)
Тын да лен... Да...)
«Что сказала бабка —
Тому веры нет!
Ай-ай! Ай-ай-ай!
Ой-ой! Ой-ой-ой! —
Произносит он. —

Твоя молодая
Верная жена
Тебе, молодому,
Очень верна!»
Солдат засмеялся —
Весел,
 весел,
 рад:
«Ай-ай! Ай-ай-ай!
Ой-ой! Ой-ой-ой! —
Говорит солдат. —

Если мне и вправду
Очень верна
Моя молодая
Верная жена,
Значит, я не стану
Убивать ее!...»

(Ай-ай! Ай-ай-ай!
Ой-ой! Ой-ой-ой!)
Разрядил ружье.

Так, пока он ехал,
Пока подъезжал, —
Заряжал его, разряжал его,
Разряжал его, заряжал его
И как быть — не знал!

Около 1969

БОГИ

Боги!

Мы просим вас!

Мы просим вас!

Мы просим вас!

Вы, которые живете

внутри вулкана —

огненной горы,

Мы просим вас:

Не троньте нас!

Не троньте нас!

Не троньте нас!

Примите наши жертвоприношенья!

Ну что вам стоит?!

Будьте так добры!

Мы черные —

черней, чем обгорелые поленья,

Но мы уже до белого каленья

от черного отчаянья дошли!

Вот видите?

Мы пали перед вами на колени,

От боли наши пальцы побелели —

Так тесно

Мы пальцы

Сплели!

Но — за ударом удар

Людям наносит вулкан:

Брызжет камнями шестнадцатитонными
Кратера красный фонтан...
Словно малиновый зев,
Землю разинул пожар:
Трах-та-ра-рах,
Трах-та-ра-рах...
За ударом — удар,
За ударом — удар,
За ударом — удар!..

Пепел горящий летит
Стаями огненных птиц;
Лавы тяжелые складки кривятся,
Как тысячи сморщенных лиц;
Рвутся кричащие рты,
Хмурятся грозные лбы,
Лавы тяжелые складки вздымаются
С видом идущей толпы,
С видом идущей толпы,
С видом идущей толпы...

Боги!
Ваш гнев великолепен, но и мелочен:
Сколько грома, сколько пыли,
Чтобы суму у нищего отнять!
Боги!
Просить вас больше некому и не о чем.
Это все когда-то было.
Когда-то было...

Не стоит повторять.

1962

ВЕНГЕРСКАЯ БАЛЛАДА

Ивану Киуру

В старом, старом Будапеште
Жил слепой парнишка.
Не видал ни зги. Но сам
Был ярок, точно вспышка.

С гибкою и дерзкой
Скрипкою венгерской
По дворам ходил на ощупь
Тот слепой парнишка.

Он играл. И все охотно
Слушали слепого.
И не все его бросали
Без куска и крова.

С гибкою и дерзкой
Скрипкою венгерской
Можно смело прокормить
И обогреть — любого.

День, день, день, — колокольчик,
День, день, день, — колокольчик, —
Отскочило колесо!
Выходи, колесный мастер, —
Всю повозку — почини!

День, день, день — колокольчик,
День, день, день, — колокольчик...

А колесный мастер — спит,
А во сне, бездельник, видит,
Что повозку... починил!

Но однажды вдруг напал
На город враг жестокий.
В эту пору мальчик спал
Под вязом, у дороги.

Он проснулся в полдень, —
Сразу скрипку вспомнил,
И тихонько заиграл
Без горя и тревоги.

Песню Венгрии свободной
Враг услышал злобный;
Для него она звучала
Музыкой надгробной!

С гибкою и дерзкой
Скрипкою венгерской
Чужаку не показала
Венгрия удобной!

День, день, день, — колокольчик,
День, день, день, — колокольчик, —
Отскочило колесо,
Выходи, колесный мастер,
Всю повозку почини.

День, день, день — колокольчик,
День, день, день, — колокольчик...
А колесный мастер — спит,
А во сне, бездельник, видит,
Что повозку — починил!

Не скажу — что было дальше:
Это так обычно!
Ясных глаз, давно закрытых,
Не закрыть вторично.

В Будапеште старом
Мальчик жил недаром
И незрячими глазами
Видел все отлично!

Динь, динь, динь, — колокольчик,
Динь, динь, динь, — колокольчик, —
Отскочило колесо..
Выходи, колесный мастер,
Всю повозку почини!

Динь, динь, динь, — колокольчик,
Динь, динь, динь, — колокольчик, —
А колесный мастер — спит,
А во сне, бездельник, видит,
Что повозку — починил!

ТАЛАНТ НА ДВОИХ

Мы слышали слух
О двух музыкантах,
Но слух не о двух
Отдельных талантах,
Поскольку у них
Талант на двоих.

Один был трубач,
Другой — барабанщик,
Один был трепач,
Другой был обманщик, —
Талант на двоих,
Талант на двоих.

Расстаться они
Мечтали давно,
Но чуть начинали делить домино, —
Не мог барабан
Покинуть трубу:
Труба с барабаном связала судьбу.

Один был трубач,
Другой — барабанщик,
Один был трепач,
Другой был обманщик.
Талант на двоих,
Талант на двоих.

И тот и другой
Любили одну:
Вдвоем к одному приходили окну.
И первый трубил
(Как будто грубил!)
Второй барабанил сильнее, чем любил.

Один был трубач,
Другой барабанщик,
Один был трепач,
Другой был обманщик, —
 Талант на двоих,
 Талант на двоих,
 Талант на двоих!

1961

ТАНЦУЕМ ТАНЕЦ!

Танцуем танец, танцуем танец,
Танцуем целый день!
Танцуем танец, танцуем танец,
А кончить танец — лень!

Танцуем танец, танцуем танец,
Танцуем целый год!
Танцуем танец — и песня тает
На языке, как мед.

За кругом круг,
За кругом круг, —
Звезды,
Месяц,
Заря...
За кругом круг,
За кругом круг,
Ни на что несмотря!

Один — с душой
Ритм отбивает,
Другой — с ленцой
Ритм отбивает,
А третий что-то напевает
Про себя...

От танца щеки горят, как мак!
Не для чего-то, а просто так,

Просто так танцуем танец, танец,
Просто так танцуем танец, танец,
Просто так танцуем танец, танец,
Просто так,
Просто так,
Просто так!

Танцуем танец, танцуем танец, —
Раз-два-три, раз-два-три...
И вот светает,
И льдинки тают,
И гаснут фонари...

Иной печали не будет скоро,
Чем та, когда слегка
Наступит в танце танцор танцору
На кончик башмака.

За кругом круг,
За кругом круг, —
Звезды, месяц, заря...
За кругом круг,
За кругом круг,
Ни на что несмотря...

Один — с душой
Ритм отбивает,
Другой с ленцой
Ритм отбивает,
А третий что-то напевает
Про себя...

От танца щеки горят, как мак!
Не для чего-то, а просто так,

Просто так танцуем танец, танец,
Просто так танцуем танец, танец,
Просто так танцуем танец, танец,
Просто так,
Просто так,
Просто так!

1961

ПОЭТЫ

Памяти Тудора Аргези

Когда потеряют значенье слова и предметы,
На землю, для их обновленья, приходят поэты.
Под звездами с ними не страшно: их ждешь,
как покоя!
Оглядятся и спросят (так важно!): «Ну, что здесь
такое?»

Опять непорядок на свете без нас!»

(Кругом суета:

Мышь ловит кота,

К мосту рукава пришиты...

От всякой букашки ищет защиты

Бедный великан!

Зеленый да алый

На листьях дымок:

Их бархат усталый

В жаре изнемог...)

Вступая с такими словами на землю планеты,

За дело, тряхнув головами, берутся поэты:

Волшебной росой вдохновенья

кропят мир несчастный

И сердцам возвращают волненья,

а лбам — разум ясный.

А сколько работы еще впереди!

Живыми сгорать,

От ран умирать,

Эпохи таскать на спинах,
Дрожа, заклинать моря в котловинах,
Небо подпирать!

(Лучами блистает
Роса на листе,
Спеша, прорастает
Зерно в борозде.)

Привет сочинителям славным, чьи судьбы предивны!
Но колбасникам, тайным и явным, поэты противны —
Что в чужие встречаются печали, вопросы решают...

«Ах, вопросы нам жить не мешали: ответы — мешают!»

И скажут ребятам такие слова:

«Вы славу стяжали,

Вы небосвод

На слабых плечах держали,

Вы горы свернули,

В русла вернули

Волны грозных вод...»

Потом засмеются

И скажут потом:

«Так вымойте блюдец

За нашим котом!»

Когда потеряют значенье слова и предметы,
На землю, для их обновления, приходят поэты,
Их тоска над разгадкою скверных, проклятых

вопросов —

Это каторжный труд суеверных старинных матросов,
Спасających старую шхуну Земли.

70-е

МУЗЫКАЛЬНАЯ ТЕМА

Отдохну,
Заслоня
Тенью праздника глаза.
Потихоньку оттолкну я
Стену праздника цветную —
Вот и праздник для меня!

Чтоб кружиться не пришлось,
Отыщу у карусели
Неоткрытую доселе
Невертящуюся ось.

Как жокей тишины,
Коей толпы лишены,
Замечтавшегося с краю —
Между скачущих — поймаю
Нерадивого коня;
Отвяжу и расседлаю.
Вот и праздник для меня!

Хорошо — не по теченью
Толп рокочущих — грести.
В общем гаме развлечения —
Мир глубокий обрести.

Не спеша себе брести
На горячем склоне дня...
Сменой красок утешаться.
Но с потоком не смешаться!
Вот и праздник для меня!

Поприсутствуй,
Поотсутствуй, —
Позевай по сторонам...

...Взмахи молний!
По стенам
Тени клоунов несутся...
Их размер преувеличен,
Скок шуточный раскавычен,
Им гроза — как западня!
Глохнет праздника идея...
Вся толпа бежит, редая...
Ни пинков, ни зуботычин —
Вот и праздник для меня!

...Дальней тенью арлекинов
Разрисованная дверь...
Славно, площади покинув,
Отпереть ее теперь!

Сквозь полы и через крышу
Ропот музыки я слышу:
Струны прядают, звеня...
Скину с книг плащи из пыли.
Тихо. Все меня забыли.
Вот и праздник для меня!

1976

БАЛЛАДА О РОЗЕ

Лидии Войтенковой

Как появилась ты здесь, красавица роза?
С краю вот этот бутон, мне кажется, новый...
В клетчатом фартуке
 и в чепце простоватом —
Кто по утрам поливал твой венчик пунцовый?

Как появилась ты здесь? Когда ж ты успела?
Дуб да орех над тобой шумят, как пучина...
Я не успела вздохнуть,
 двух песен не спела, —
Как на кусте расцвела всех песен причина!

Девушка мыла стекло и штопала блузку.
Розовый куст под окном сиял и плескался.
А по другой стороне дороги,
 по спуску,
Шагом неторопливым всадник спускался.

Этим двоим предстоит, наверно, свиданье?
Все засверкало и вдруг... пропало, исчезло!
Как далеко иногда уводит мечтанье!
Коротко лишь волхованье вещею жезла.

Как далеко иногда уводит прогулка!
Не примечтался ли мне дневной палисадник?
Не показались ли мне в конце переулка
Девушка в белом чепце,
И роза,
И всадник?

23 августа 1991

ПЕСНИ ДЛІЯ ТЕАТРА

К предполагаемой пьесе по
«Бегущей по волнам» А. Грина

ПЕСНЯ ДЭЗИ

Иголка с ниткой, рабочая шкатулка
И чашки с блюдцами падают из рук:
Ведь так бывает, когда приходит песня
И путеводный ее начальный звук.

Зачем так странно мое предназначенье?
Пусть на это ответит мне судьба,
Огни на стеклах, на лестницах фигуры,
А в море искры от лунного столба.

Пусть на это мне ответит ветер,
Что вечно дует на запад и восток;
Пустых мечтаний разносит он так много —
Так хоть бы правду сказал один разок!

А люди вечно всего у ветра просят:
«Примчи!.. Поддай!.. Передай!.. Шепни!.. Навей!..»
А он приносит — но сам же и уносит
Людское счастье за тридевять морей...

...Иголка, нитка, рабочая шкатулка
Весь день бунтуют и падают из рук...
Но так бывает, когда приходит песня —
Еще дрожащий,
но верный звук.

1982

К сказке Ш. Перро «Золушка»

НОЧЬ НОВОГОДНЯЯ

Ночь, ночь новогодняя,
Снег — синий, синий!
В заботах сегодня я,
А сестры ушли танцевать.

Пламя в печи не горит никак,
Но почему-то горит в руках!
Свечи в напльвах-воротниках
Что-то мне шепчут опять...

Мети, метель, по темной крыше,
Чтоб до полночи Золушке не спать!
Из норки вышли мыши,
Сказали: «Тише, тише!
Ну-те-ка, давайте-ка плясать!..»

Я раздуваю пушинку огня, —
Пламя бушует, и варятся щи...
Если за печкой не сыщешь меня,
То уж нигде не ищи!

Метель метет, а мыши пляшут,
И не видят меня перед собой:
На мне так много сажу,
Что я не знаю даже:
Есть ли я под сажой и золой!

Я разгребаю монетку огня,
Пламя бушует, и варятся щи...
Если за печкой не сыщешь меня,
То уж нигде не ищи!

1966—1967

Песни к сказке Г.-Х. Андерсена
«Принцесса на горошине»

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ПРИНЦА

Плывет в океане судно.
Плывет много дней...
Подружку найти нетрудно,
Невесту — куда трудней!

Покуда неизвестную,
Но ту, что всех милей,
Ищу себе невесту я
Из рода королей.

Плывет в океане судно —
Тысячу дней...
Невесту найти нетрудно,
Принцессу — куда трудней!

Я дал ей три работы,
Три дела — ей одной:
Принцессой быть,
Невестой быть
И встретиться со мной!

Идет в океане судно
Много, много дней...

1972—1973

ДУЭТ КОРОЛЯ И КОРОЛЕВЫ

— Мой друг, подайте мне клубок
Шелка...
Как мрак за окнами глубок!
Долго
Длится зима.

— Куда-то закатился моток,
Но вот — платок..
Подсядем к пламени поближе,
Раздуем жарче камелек.

Давайте мирно зимние эти
Дни коротать.
Одно осталось нам на свете:
Терпеть, надеяться и ждать.
Одно осталось нам на свете:
Терпеть, надеяться и ждать.

Начало 1970-х

ВТОРАЯ ПЕСНЯ ПРИНЦА

Скитался по горам, бродил по лесу,
Искал мою прекрасную принцессу, —
У всех принцесс гостил,
У всех принцесс гостил,

Но та — груба, смеется слишком громко.
Другая — все равно что экономка:
Считает, сколько сахару
Я в кружку опустил!

Считает, сколько сахару
Я в кружку опустил!

Скромна, великодушна и ранима,
И так нежна (нежней колечек дыма!)
Принцесса быть должна,
Принцесса быть должна.

Зачем во мне вы видите повесу?
Ищу я только славную принцессу,
Живую, неподдельную...
Но где, но где она?!

Начало 1970-х

ПЕСЕНКА КОРОЛЕВЫ

Коварно озираясь
Направо и налево,
— Ну, это-то мы посмотрим, —
Сказала Королева.

— Ну, это-то мы посмотрим, —
Сказала Королева.

— Сколь род у ней старинный,
Мы больше у ней не спросим:
Ей на ночь под перины
Горошину подбросим.

Ей на ночь под перины
Горошину подбросим.

И если подвоха
Красавица не почует,
Ее дело плохо, —
Пускай в хлеву ночует!

Скорей пошлю самозванку
Гусей пасти спозаранку,
Чем дам ей жить у свекрови
Королевской крови!

Чем дам ей жить у свекрови
Королевской крови!

Начало 1970-х

ПЕСЕНКА ПРИНЦЕССЫ

Ах, не спрашивайте, Королева,
Хорошо ль я сегодня спала!
Говорю вам это не для гнева,
Но — как дурно я ночь провела!

Чем набиты у вас тюфяки?
Чем насыпаны пуховики?
В них, наверное, кухарка прячет
Терки, вертелы, вилки, котелки!
Терки, вертелы, вилки, котелки!

Лучше спать на камнях мостовой,
Чем на этой перине пуховой!

Ах, не спрашивайте, Королева,
Хорошо ль ваша гостя спала...
Говорю вам это не для гнева, —
Но — как дурно я ночь провела!
Очень скверно я нынче спала...
Ах, как гадко сегодня я спала!

1973

МЕНУЭТ

ДУЭТ ПРИНЦА И ПРИНЦЕССЫ

— Как странно
Видеть вас рядом!
Думал, вас в мире
Вовсе нет!

Все думал:
С кем же я стану
Танцевать танец
Менуэт?

— Милый друг, ну-ка,
Дайте мне руку, —
Чересчур скользкий здесь
Паркет.
Целыми днями
Буду я с вами
Танцевать учтивый
Менуэт.

Гадала:
Я кому вытку
Золотой ниткой
Рукава?

С кем рядом
На коне сером
Буду день целый
Гарцевать?

— Но рукав золо-
том у камзола
Будет вам трудно
Расшивать:
Целыми днями
Буду я с вами
По лесам зеленым
Гарцевать!

1973

Ну-ка, давайте,
Все оживайте!
Топотом звонким ручки-ножки разогревайте,
Чтобы поплыли вместе с вами в кукольном вальсе
Эти упрямые Пастушка и Трубочист!

Ах, неизвестно: скоро ли снова
Так же часы пробьют средь молчанья ночного.
Скоро ли вновь, послушные детки чайных сервизов, —
Две статуэттки бросят вызов
Грозной судьбе...

1976—1978

ДУЭТ ПАСТУШКИ И ТРУБОЧИСТА

— Стою пред тобой
И тайно мечтаю
Что я тебе вручаю
Амулет золотой.

Но если я твое
Имя тихо назову,
То имя, что шепчу я
Во сне и наяву, —

Неизвестной тропой
Со мной — пойдешь ли?
Назовешь ли
Ты это Судьбой?

— Не знаю, что сказать...
Мне страшна эта новость!
Я, кажется, должна
Проявить к вам суровость...

Недолго беззаботной
Мечте вашей длиться:
Девическому сердцу —
Недолго разбиться!

— Стою пред тобой,
И тайно мечтаю,
Будто я тебе вручаю
И любовь, и покой.

Пойдем же в этот грозный
Широкий мир с тобой!
Ты слышишь, как по стенам
Гремит его прибой?

Если нам выбирать
Из всех боязней,
То всего опасней —
Время терять!

1970-е

ПЕСЕНКА ФАРФОРОВОГО КИТАЙЦА

Фарфоровый Китаец я,
Пустым-пуста у меня башка.
В груди у меня катается
Бубенчик в треть вершка,
Динь-дон,
Бубенчик в треть вершка.

Огонь за решеткой плещется.
Стоит девица передо мной...
Мне кажется, мне мерещится,
Что я ее дед родной,
Динь-дон,
Что дед я ее родной.

А если мне что покажется,
То так оно и окажется,
И кто отрицать отважится,
Что дед я ее родной,
Динь-дон,
Что дед я ее родной?

Но тут я открытѣ делаю,
Что к ней подмазался Трубочист...
Он дарит ей розу белую, —
Знать, план у него нечист,
Динь-дон,
Знать, план у него нечист!

Но я, для порядка строгого,
Спасу негодницу от греха
И выдам за козлоногого
Двурогого жениха,
Динь-дон,
Двурогого жениха.

И выдам за козлоногого,
Сурового и жестокого,
Крутого, а не пологого
Двурогого жениха!

Ведь если мне что покажется,
То так оно и окажется;
Любому пускай втемяшится
Такая же чепуха,
Динь-дон,
Такая же чепуха.

Попробует пусть откажется!
Она у меня напляшется!
Динь-дон...
Динь-дон...
Динь-дон...

1978

ПЕСЕНКА О КОЗЛОНОГЕ

ФАРФОРОВЫЙ КИТАЕЦ:

Кто говорит, что Козлоног
И непреклонен, и жесток,
Тот сам клеветник и лжец!
Тот сам клеветник и лжец!

У Козлонога много жен,
Но ни одну не бросил он:
Вот верности образец!
Вот верности образец!

ПАСТУШКА:

Ночи и дни совсем одни
В темном шкафу сидят они;
Катятся слезы по щекам
У них без конца...

ПАСТУШКА, ТРУБОЧИСТ И ВЕСЬ ХОР ИГРУШЕК (КРОМЕ КИТАЙЦА):
Страшный, коварный Козлоног!
Ты посадил их под замок!
Прав будет тот,
Кто их спасет
От этого подлеца!
От этого подлеца!

1977

БЕГСТВО НА ШХУНЕ,
или
Великое кукольное разбирательство

ТРУБОЧИСТ:

На двухмачтовой шхуне к югу,
К югу мы улетим!
Корабельщику за услугу
Мой кафтан отдадим.

В дураках мы оставим выюгу,
Бурю — опередим!

ПАСТУШКА:

Но, в скитаниях непрестанно,
Друг единственный мой,
Как же будешь ты без кафтана
В бурном море зимой?

Право, мне это очень странно...
Лучше уж сразу — домой!

ТРУБОЧИСТ:

Возвращайся домой, девчонка!
Старый дедушка ждет.
Он китаец, а ты саксонка, —
Он тебя не поймет.

В переводчики поросенка
Датского призовет!

ПАСТУШКА:

Ох, какой ты сегодня злючка!
Впрочем, правда, чудно:

Почему я китайцу внучка?

И... насколько давно?

Ладно! Если нам дома — взбучка,

Нам теперь все равно...

ВМЕСТЕ:

На двухмачтовой шхуне к югу

Мы отсрочим побег...

Корабельщик нам сунет в руку

Карамельный ковчег.

КОРАБЕЛЬЩИК:

Кавалер, забирай подругу, —

В море падает снег!

ПАСТУШКА И ТРУБОЧИСТ:

На двухмачтовой шхуне на юг,

Мнилось, мы улетим,

А теперь выясняется вдруг,

Что лететь — не хотим!

1976—1983

У СТАРОЙ ДОРОГИ...

Татьяне Александровой

У старой дороги стоял когда-то дом.
В нем были чуланы и лестница винтом.
И жили в том доме с неведомых пор
Картинки, игрушки и чайный фарфор.

Как белая роза, а с нею темный лист,
Жила там Пастушка, там жил Трубочист.

Судьба не напрасно их вместе свела.
Плетенка для хлеба их счастьем помогла,
Но не было в мире такого угла,
Где жизнь их удачно сложиться могла.

Как белая роза, а с нею темный лист,
Жила там Пастушка, там жил Трубочист.

Всегда окружал их игрушек целый хор...
Но дверь покосилась, и выцвел ковер.
И ставни забиты, и старый дом забыт...
А сказка все длится, а песня — звучит:

«Как белая роза, а с нею темный лист,
Жила здесь Пастушка, здесь жил Трубочист».

1976

Песни из пьесы-фантазии
по мотивам А. Грина
«Предсказание Эгля»

СКРИПОЧКА

На том подворье скрипочка пиликает,
Она сердца забытые тревожит.
Кто пьет без горя, тот его накликает.
Кто пьет от горя, тот его умножит.

Шарманка, друг!
Позвонче пой!
Живется тут неплохо нам с тобой!
Шарманка, друг,
Не смей скрипеть!
Ну что нам стоит песенку допеть?

Но если видишь: выпить хочет кто-то,
Притом — моряк, притом — душа морская,
То как-то сразу петь, играть охота
И веселиться, устали не зная!

Шарманка, друг,
Позвонче спой!
Живется тут неплохо нам с тобой!
Шарманка, друг,
Не смей сипеть!
Ну что нам стоит песенку допеть?!

1978

ШЛЮПКА «БРЕТАНЬ»

Вот опустилась над Северным морем
Темно-зеленая тусклая ночь.
Всем мореходам,
Смытым волною,
Шлюпка «Бретань» выплывает помочь.

Вот засветилась над Северным морем
Бледно-зеленая смутная рань.
Кто мореходам
В море поможет?
Поможет небо
Да шлюпка «Бретань»!

1970-е

НА БЕРЕГУ СИРОТЛИВОМ...

На берегу сиротливом
Пахло вечерним приливом —
Близился волн сердитый накат.

Ветер принес по утесам
Маску с малиновым носом...
Где-то вдали шумел маскарад,
Где-то вдали шумел маскарад.

На маскарадные звуки
Шли, простирая к ним руки,
Два музыканта, два скрипача.

Если гостям маскарада
Сладкую музыку надо, —
Вот она, скрипка, — здесь, у плеча!
Вот она, скрипка! Здесь, у плеча...

Вот она, скрипка, вот она, скрипка,
Вот она, скрипка, — здесь, у плеча!

Чтобы успеха добиться,
Надо слегка прифрантиться, —
Шляпу начистить, фрак залатать...
У музыкантов, однако,
Не было шляпы и фрака, —
Это Фортуна шутит опять!

Это Фортуна, это Фортуна,
Это Фортуна шутит опять.

Так, мимо кромки прибоя,
Шли горемычные двое
В темную ночь — на свет фонарей...
Жизнь! Улыбнись музыкантам!
Светом своим незакатным
Ты озари их, слава, скорей!

Ты озари их, ты озари их,
Ты озари их, слава, скорей.

1970-е

ПЕСНЯ ДЕВУШЕК И ПАРНЕЙ В ТРАКТИРЕ

Бесприданница-красавица (вица-вица, са-вица!),
Курносенький носок,
Если хочешь мне понравиться (виться, виться, ца! ца!),
Заштопай мне носок,
Мне носок.

У соседа-дармоеда (еда-, еда-да, да, да!)
Замечательный кабан:
Пятачком копнул, каналья (налья-на, налья-на),
Вырыл денег целый жбан.
Целый жбан.

У нашего борова (рова-рова, рова, борова)
Никакого норова:
Подожгу ему щетину (тину-тин, тину-тин, тин, тин) —
То-то будет здорово!
Здорово!

Ничего не остается (ничего, ничего, во! во!),
Если сварешь петуха:
Ножки, крылышки, мордашка (дашка-шка, дашка-шка),
Остальное — потроха.
А-ха-ха!

Шут солдата обманул (манул, манул, обманул, нул, нул),
Ему голову пригнул;
Для потехи — вот так смехи (мехи-мех, мехи-ме!) —
В бочку с дегтем окунул.
Окунул.

1970-е

ПЕСЕНКА ПОЛИЦЕЙСКОГО

Сидит кошка на заборе.
Воробей клюет зерно.
А инспектор контрабанду —
Тра-ра-рам, пиф-паф! Гоп-гоп!

А инспектор контрабанду,
А инспектор контрабанду-банду,
банду,
банду,

А инспектор контраба
(Не перечь мне, шантрапа!) —

Тра-ра-рам, пиф-паф! Гоп-гоп!

Не стирай, капрал, портянки
И не вешай их сушить:
В это самое мгновенье
Тебя могут задушить!

В это самое мгновенье —
На верхушке вдохновенья-венья,
венья,
венья, —

В эту самую мгновень
Обстановочку проверь!
Тра-ра-рам, пиф-паф! Гоп-гоп!

1975

ПЕСНЯ МЕННЕРСА

Я с це...
(Хлебни!)
Я с це...
(Глотни!)
Я с цепи шлюпку снял,
Но поскользнулся я,
(Глотни!)
И в море я упал!

Златого детства дни!
Кто скажет, — где они?
Не повторятся никогда
Те незабвенные года...
(Глотни! Хлебни! Глотни!)

Суровый шквал барашки гнал,
Ревел сердитый вал...
Напрасно я (Хлебни! Глотни!)
Народ на помощь звал!

А между прочим, на валу
Стоял матрос Лонгрэн!
Я ждал, что он меня спасет
От грозных перемен.

А он — не спас?
Держи карман!
Ведь помню, как сейчас:
Кричу: «Прости!»,

Прошу спасти!
А он? Не спас?
Не спас!

Драгого детства дни!
Увы — пришли-ушли...
Ах, не вернутся никогда
Те незабвенные года...
(Утешься! Ляг! Вздремни!)

— А я не верю, что Лонгрэн
Так зол, жесток и груб!
Быть может, Меннерс, против вас
Лонгрэн имеет зуб?

— Признаться, был когда-то грех:
Я лез к его жене.
Но разве должен я за то
Кормить акул на дне?

И сплю я в море — там, где дно,
По мне течет вода...
Подите позовите-ка
Полицию сюда!

Святого детства дни,
Попробуй их верни!
Ах, не вернутся никогда
Те незабвенные года!

БАЛЛАДА ЛОНГРЕНА

— В дальнем плаванье был я, соседка.

В дальнем. Да.

Как раз в ту пору пришла в мой дом

нужда.

А матросу положено плавать круглый срок..

Ничего я не знал. А и знал бы — доплыть

не мог.

Да и писем не слала мне Мери, моя жена:

Все старалась, бедняга, судьбу побороть одна.

До того ль было туго — хоть жить на свете брось!

И за помощью к Меннерсу ей пойти пришлось.

— Что же Меннерс?

— А Меннерс — давай нагонять туман:

За любовь, говорит, я согласен открыть

карман,

За любовь, говорит, я готов растрясти

кошель.

С перепугу бежать ей пришлось — без плаща! —

в метель.

(Был апрель. Но зловредный, промозглый был

апрель.)

Подобрали ее рыбаки по дороге в Лисс.

Только зубы стучали, да руки у ней тряслись..

Всю пробредила ночь. А наутро она ушла

Далеко-далеко от людского добра и зла.

Говорят, помешался Меннерс, когда тонул?
Да не я в ту бурю в пучину его толкнул.
Эх, не я ему мстил за несчастный моряцкий дом:
Это море судило его
Своим
Судом.
Это море судило его
Своим
Судом,
Чтобы небу далекому все рассказать о том.

1970-е

ВСЕ ПРОЙДЕТ
Песня Марты

(Исполняется при поддержке Нищего)

МАРТА (к Лонгрену — все время):

О, не горюй, не печалься,
Не склоняйся к руке главою!
Раны сердца, поверь, заживают,
Рвы земли зарастают травой.
Все пройдет...

НИЩИЙ (к Лонгрену):

Я уж бегал глядеть: заросли уж!
Заросли уж, клянусь головою!
Все пройдет!

МАРТА:

Ты печалью врагов забавляешь,
А друзей ты, печалясь, печалишь.
Оглянись! Не увидишь ли пару
Глаз, готовых глядеть на тебя лишь?
Все пройдет!

НИЩИЙ (к Марте):

Дура, корова такая ж!
Что ж ты зенки-то попусту пялишь?
Ты гляди, зазеваешься вовсе,
А тогда мимо рта моего — все,

Все пройдет! —
И кусок пирога, да,
Что на свадьбе у этого гада
Съел бы я... Покутил бы на славу,
И с собой прихватил бы по праву
Твой сундук...

МАРТА:

Или рук не найдется на свете,
На тебя лишь трудиться готовых?
Чтобы пламень играл вечерами
В очаге на поленьях дубовых...

нищий (к Лонгрену):

Так пошто ж
Ради дохлых и хворых
Гонишь в шею — живых и здоровых?!

1970-е

ПЕСНЯ ЛОНГРЕНА

Песен не петь. Не хмурить
Важно при этом брови.
Слово мое не вставить
В речь моряков о море.

Реи не сметь брасопить.
Дело морское — бросить.

Не для того ли эти
Встретил моряк потери,
Чтобы, забыв о море,
Так же забыть... о Мери?

Разве Земля и Воды
Вместе — так мало стоят?

Мери моя!
Священно для меня
Кресло твое
В каморке, у огня.

Мери моя!
Спокойно спи в Раю:
Я не забуду
Мери мою.

1970-е

ПЕСНЯ НИЩЕГО

Хозяин!

Летом и зимой

Брожу я по миру с сумой.

И оттого, что нищета плетется сзади,

Прошу: подайте мне, скитальцу, Христа ради!

Для пропитанья и житья

Подай мне два своих ружья;

Напоминаю: ДВА РУЖЬЯ,

ОБА,

ОБА!

(Оба, оба, оба...)

Подай в плетенке мне вина!

И (оттого, что жизнь одна)

К вину должна быть ветчина —

Много!

(Много, много, много...)

Исполни бедный мой каприз,

Преподнеси ты мне, как приз,

Твой кошелек зеленый из

Плимута,

Плимута

(Плимута, Плимута,

Плимута, Плимута,

Плимута...)

А в кошельковой глубине

Пусть будут денежки на дне:

Сейчас без денег как-то не
Принято,
Принято.

(Принято, принято,
принято, принято,
принято...)

Сюда пришел я неспроста,
А чтоб хорошего холста
Заполучить себе, Христа
Ради;
С фасаду справно я одет,
Но если сильно светит свет,
То никакого виду нет
Сзади...

Хозяин! Летом и зимой
Брожу я по миру с сумой...

1970

РЫЦАРЬ ТОРВАЛЬД

Когда к Торвальду,
Бойцу и скальду,
Пришла беда-напасть,
Беда и напасть,
 Бойцу и скальду —
 Пришлось Торвальду
 На поле битвы пасть.
 На поле битвы пасть.

А сердце у скальда совсем не сталь,
И рука у скальда вовсе не сталь,
Но лишь пробил его смертный час,
 час последний, —
У недруга пощады просить он не стал,
 Но лишь пробил его смертный час,
 час последний,
 У недруга пощады просить он не стал.

Как жар, горел закат.
И вот наступили
Окованной ногою
Торвальду на грудь:
 — Скажи, учтивый рыцарь,
 Последний твой завет,
 Чтоб доблестная воля
 Сбылась когда-нибудь...

— Передайте бойцам, моим братьям,
Что без страха я принял конец.

КОРАБЛИ-ИГРУШКИ

Песня Ассоль в детстве

С канатами, дрожащими, как струны,
В порту стояли кукольные шхуны,
Покачивали мачтами устало:
Их буря в океане укачала.

Подплыли к ним четыре бригантины —
Их снасти были тоньше паутины!
Четыре корабля, четыре трюма,
И в первом трюме — добрый фунт изюма!

А в темной глубине другого трюма
Сидела в клетке маленькая пума,
А в третьем — два игрушечных паяца,
Сидят впотьмах, а выглянуть — боятся!

Отважный кот сидел в четвертом трюме —
Надменной кока, боцмана угрюмой;
Он видел все четыре части света,
И все на нем матросское надето!

С канатами, дрожащими, как струны,
В порту стояли три-четыре шхуны,
Покачивали мачтами устало —
Их буря в океане укачала...

Начало 1970-х

ПРЕДСКАЗАНИЕ ЭГЛЯ

Подойди ко мне!
Я в твоих глазах
Вижу капли слез.
В мире много зла,
Но не надо все
Принимать всерьез.

Ты не верь земле
Черствой и сухой,
Верь волне морей.
Пусть она скользит,
Дразнит и грозит,
Больше правды в ней.

Пробегут года
Быстрой чередой,
Как в ручье вода...
Видишь тот обрыв
И простор морской?
Посмотри туда —

Там в дали морской
Ты увидишь блеск
Алых парусов.
С берегов крутых
Ровно в пять часов
Ты завидишь их:

Это будет бриг
Из далеких стран,

Из чужих широт.
Ровно в пять часов
От его бортов
Шлюпка отойдет,

И прекрасный принц,
Сказочный герой,
Нареченный твой,
Весел и умен,
Строен и высок,
Ступит на песок.

Слушай, он затем
Только приплывет,
Чтоб тебя спасти!
Если он тебя
Сразу не найдет,
Ты его прости.

Ступит на песок —
Радость на лице,
Сильная, как боль.
Скажет: «Добрый день!»
Спросит он: «А где
Тут живет Ассоль?»

Не грусти, не плачь,
Ясных глаз не прячь,
Слезы с них сотри!
Верь моим словам —
Чаще по утрам
На море смотри.

Верь волне морей,
Верь судьбе своей —
Час наступит твой!
Ты увидишь блеск
Алых парусов:
Это — за тобой.

1969—1970

ПЕСНЯ АССОЛЬ В СКАЛАХ

Если голос ветра
В скалах стиснут плотно,
Шепоту и свисту
Веришь безотчетно.

Но пока я гадаю —
В чем он убеждает? —
То, в чем он убеждает,
С ним же и пропадает!

Я говорю с неизвестной судьбою,
Звуки уносятся сами собою...
Ропот прибоя
Сердце тревогой томит...

Горьким становится воздух вечерний —
Это, наверно, трубы Каперны?
В дали безмерной
Каменный уголь дымит...

Если ветер плотно
В скалах высоких стиснут,
Веришь безотчетно
Грому его и свисту.

Лодки спят на цепях,
Лодки, как доги, в доке храпят!
Нет, не лодки храпят, —
Это на лодках цепи скрипят...

Я говорю с неизвестной судьбою, —
Речи уносятся сами собою...
Сердце тревогой томит
Ропот прибоя...

1958—1973

СЕРЕНАДА ХИНА

Свое достоинство унижая,
Рискуя честью своей по всем приметам,
«Будь мне женою!» — просил тебя я.
Ты отказала мне, фактически, даже в этом.

Хотя, фактически, отвергая
Мое законное по форме предложение,
Ты позабыла, что не имеешь
В приличном обществе, фактически,
положенья.

Характер скверный, скрытный, нелюдимый
Тебе простил я, как-никак, на все готовый,
И что давно тебя привлекает
Дрянного паруса, допустим, цвет бордовый.

И что шальной зловредный твой папаша
(Когда я бегал босиком, еще мальчонка)
С моим папашей переругался
И утопил его, как все одно кутенка!

Наружных данных твоих касаясь,
Я не отнес бы их, допустим, сумму к плюсу:
Ты слишком тощая с голодухи,
А мне упитанные более по вкусу.

А, между прочими, ты могла бы
В трактире Хина, как-никак, подхарчеваться:
Капернских женщин не превзошла бы,
Но стала справною и гладкой, может стать.

Тебя считают все умалишенной,
(И это правильное — в целом — наблюденье),
А я нормальной тебя считаю:
Шагаю против, так сказать, людского мненья!

Но ты и вправду очень бестолкова.
Я благодарности особой не встречаю.
И сам не знаю —
Шута какого —
Я руку, сердце и трактир тебе вручаю!

Да! Руку! Сердце! И трактир!!!

1970-е

ВРЕМЯ ПРИДЕТ...

Песня Ассоль

Время придет — и в просторе морском
Странное судно сверкнет лепестком,
Дивно блестящим, как на цветах роса!
Медленно шар обогнув земной,
Сказочный принц приплывет за мной —
Вспыхнут над гаванью алые паруса!

— Хочешь ли, — спросит, — на бриге моем
В дальние дали умчимся вдвоем?
— Нет, — я скажу и рукой заслонюсь в ответ, —
К ярко-прекрасным таким парусам
Трудно привыкнуть усталым глазам.
Слишком, — отвечу, — слепит меня яркий свет.

Яркие краски мне снова солгут.
Я только сумраку верить могу:
В темных углах меня победила мгла...
Он поведет, улыбаясь, плечом,
Скажет: «Не надо грустить ни о чем.
Странная, странная, — ты ведь меня ждала!

Значит, отставка ненастью и мгле!
Как на руках, на своем корабле
Я пронесу тебя над проливом Бурь!
Радости, счастьем, удаче поверь,
Яркого блеска не бойся теперь,
Только глаза для начала чуть-чуть зажмурь...»

1972

КУПЛЕТЫ ЛЕТИКИ

Жили рыбы, жили крабы,
Жил папаша осьминог.
Так и жили бы, когда бы
Не попали в котелок!

На чужую бригантину
Бросим взгляд умильный наш!
И теперь ее, скотину,
Можно взять на абордаж...

Непосредственным посредством
Абордажного крюка
Я хозяйюшку с наследством
Подцеплю наверняка!

Подыщу себе хозяйку,
Кралю первую возьму:
Не японку, не малайку,
А плавучую тюрьму.

Жили рыбы, жили крабы,
Жил папаша осьминог.
Так и жили бы, когда бы
Не попали в котелок!

1970-е

ФРЕГАТ
Песня Грэй

Пропал фрегат высокий мой —
Его пираты взяли в плен.
Зато достался мне взамен —
Кораблик маленький такой,
Кораблик маленький такой!

На ясных палубах покой,
А паруса горят огнем!
А сам он маленький такой,
Что ни матросов,
Ни капитана
Не видно, не слышно на нем.

Пропал фрегат высокий мой —
Его пираты взяли в плен.
Зато достался мне взамен —
Кораблик маленький такой!
Кораблик маленький такой.

Но ветер мне приносит весть,
Что у него хозяйка есть!
Да где ж теперь ее искать?
В какую дверь,
В какие двери постучать?

И что мне делать с ним теперь?
Уплыть на нем нельзя никак..
Ну что ж — пойми, ну что ж — поверь:

Одно осталось —
Игрушку эту
Держать осторожно в руках.

Держать в руках — не упустить.
А то судьба нам не просит!
Держи в руках — не упусти,
А то судьба,
А то судьба,
А то судьба нам не простит!

70-е

СПОР МОРЯКОВ И СМУТЬЯНОВ

— У капитана Олафа
(То, что он крив, — пустяки, не беда!)
Меди, железа, олова
Трюмы полны всегда.

— У кривого Олафа в трюмах золото,
А не олово!
Буду спрут и гадина я, если все
До конца — не краденое!

— А итальянец Вероккио
Между товаров различных иных
Возит из дальнего Токио
Снадобье для больных.

Такого «снадобья» нам не надобно,
Нам не надобно!
Кто еще не пропил ум,
Тем понятно, что это опиум!

— Жизнь, повторяю, пропащая
(Совсем!).
Где, капитан, твой широкий размах?
Знаю, что есть настоящая
Жизнь, —
Жизнь на других кораблях!

Эх, не мадамское кружево,
Не табакерки с резьбой...
Эти оружием грузены,
Эти — скотом на убой!

— А в какой связи ты сидишь в грязи?
Что с тобой такое?
— Возился с пушкой — толкал ядро,
А толкнул ведро я...

Сижу в канаве в красе и славе —
И вся история.
Кто не ворует, тот не мужчина,
А инфузория!

1978

В НОВЫЙ ВЕК..

В новый век нам шторма суть не главное:
Безотказны у нас корабли!
Потому-то старинные плавания
Мне, как мука, на память пришли.

Моряков голоса добродушные,
Их морщин нераспутанных снасть,
Их глаза, провиденью послушные,
И к открытиям вечная страсть.

Их разлука сердечная с милыми
(Я о верных сердцах говорю),
Их надежда, что писана вилами
По зыбучему календарю...

Скрыла многих пучина упрямая,
Не дала им вернуться домой.
Так неужто и память их самая —
Только след, только след за кормой?!

Что ни день — корабли совершеннее,
Блещут поручни, как зеркала...
Но и пусть отступили крушения,
Я не верю, чтоб мука прошла.

Пусть надежда прекрасная сбудется
Для того, кто и нынче, бедняк,
Так же терпит, страдает и трудится,
Как безвестный старинный моряк!

1970-е

ПЕСНЯ ПО ПАМЯТИ

Начинайте песню по памяти —
Скуку дней оставьте земле!
Вы представьте, что выступаете
Летним днем на большом корабле.

С берега чайки летят —
Музыки бурной хотят,
Но ваши мысли настроены
На мирный лад,
Ваши мечты успокоены —
Тихо парят...

Вы сыграйте что-нибудь тихое,
Как вечерний легкий туман...
Как часов настенное тиканье,
Должен с моря звучать барабан.

Флейта, не сразу вступай:
В песне лишь ленты купай,
Но уже если приступишься —
Не отступай!
Нотой-другой не откупишься:
Третью давай!

Но потом — потом нарастание:
Это песнь больших кораблей!
Барабан, греми неустанное,
Веселей! Веселей Веселей!

Скачет дельфин по волнам.
Чайки торопятся к нам.

Струнами снасти становятся
По временам...
А музыканты готовятся
Плыть по волнам...

1976—1977

КОРАБЛИ

Памяти Александра Грина

Как прекрасны старые корабли!
Будто — жарким днем в холодке квартир —
Кружевницы гентские их плели,
их плели
А точили резчики и ювелир.

Кружевницы гентские
Их плели, их плели,
А точили резчики
И ювелир.

Грациозно выгнуто их крыло,
И настолько тонкий на них чекан,
Будто их готовили под стекло,
под стекло
(А послали все-таки — в ураган!).

Будто их готовили
Под стекло, под стекло...
А послали все-таки
В ураган.

Были души чистые, как хрусталь,
Тоньше кружев, угольев горячей...
Их обидеть было жаль,
Покоробить было жаль,
Но ушли они в перестук
Мечей,
Словно к мысу Горн — корабли,
Корабли...

1972

Песни из пьесы «Трактир «Четвереньки»

ПЕСЕНКА О ЛИХОМ ГУЛЯКЕ

Жил гуляка, был гуляка

Из

отчаянных гуляк.

Грабить грабил он, безобразил он,

Сам

добычу не делил.

И вот однажды с лихим гулякой

Такое стряслось,

Что с белым светом

ему при этом

Расстаться пришлось.

Не заметили мы, как встретили,

Как

спровадили его.

Далеко пастор был, близко мастер был, —

Два столба соорудил.

И только вороны с ним поладили —

Лучше нельзя...

(Знать, крепким сном в эту пору спали

Шериф и судья.)

Мыло казенное, вервье законное:

Из

казны уведено.

Кто-то там плачется, кто-то сам прячется,

А

кому-то все равно.

А если б взяли взамен гуляки

Другого кого,

То ошибиться тут мог бы всякий —

Там было темно.

1968

ДИОГЕН

Философ древних Диоген
В непростом

жил домочке.

Он не терпел домашних стен
И устроился в бочке.

Он был оратор-краснобай (ай!)
Само трепло и проповедник,
Неисто щимый собеседник,
Словами сыпал, то и знай,
Словами сыпал, то и знай,
Речами сыпал через край...

Когда же отдал он концы,
Мы вином

грусть залили.

А в чудной бочке огурцы
За-со-ли-ли

в свой срок.

Но в стенках бочки жил грибок (бок!)
Тирад, речей, суждений, мнений, —
Воззванье, диспут, монолог,
Сто сорок тысяч словопрений,
Трактат, филиппика, пророк,
Воззванье, диспут, монолог...

Зудел в бочарных обручах
Зуд полемик

жестокий,

И забродило в огурцах
Столько слов — просто страх!

И кто за чарочкой винца
Поел такого огурца,
Тот ради красного словца
Не пожалеет мать-отца
И превратится до конца
В поэта, ритора, певца
И в неумного
чтеца.

1968

Спаси его, Всевышний,
Судьба, храни его в пути.
А вьюга первая зимы
Мне тихо шепчет: «Жди.
Жди».

1968

ВАЛЬС «ПУСТЫНЯ»

Блещет вода, блещет вода
в колодце,
Чистом, как недра, чистом, как недра
горна.

На раскаленном, на раскаленном
камне

Сохнут кофейные зерна.
На раскаленном, на раскаленном
камне

Сохнут кофейные зерна.

Красные тени зноя
Косо плывут над садом.
Ярым огнем, ярым огнем
пустыня

Загнанно дышит рядом.
Ярым огнем, ярым огнем
пустыня

Загнанно дышит рядом.

Вечер картину, вечер картину
зноя
Перьями пальмы, перьями пальмы
смажет.

Ночь поперек, ночь поперек
порога

Черной овчаркой ляжет.

ПЕСЕНЯ ДОНА АЛОНСО

Дон Хосе де Мосэнергос
Говорил меньшому брату:
«Лишь тебе, мой брат любимый,
Тайну сердца я открою:

Как во храм пойдет Пресьоса,
Потупляя очи долу, —
Ах, как жарко сердце бьется!
Как стремится вслед за ней!

Ах, как жарко сердце бьется!
Как стремится вслед за нею!
Ах, как жарко сердце бьется!
Как стремится вслед за нею!

Но люблюсь я Пресьосой
(Ты плохого, брат, не думай!)
Не как фат, не как мошенник,
Не как наглый похититель,

А люблюсь я Пресьосой,
Сердца пыл сдержав смиренно,
Как поэт, и как влюбленный,
И как набожный католик.

Ах, как жарко сердце бьется,
Как стремится вслед за нею!
Ах, как жарко сердце бьется,
Как стремится вслед за нею!

Насажу ли в час полночный
Я соперника на шпагу,
Да и то — во славу Божью,
К торжеству Его и благу!

И проникну к ней в окошко
По веревочному трапу,
Потому что почитаю
Католического папу.

Ах, как жарко сердце бьется!
Как стремится вслед за нею!
Ах, как жарко сердце бьется,
Как стремится вслед за нею!»

1965

ОКЕАН, ОКЕАН

Океан,
Океан играет весело
Бригантиною в пять парусов,
парусов,
А на палубе, на палубе —
пять пар

Сапог
И пять пар,
И пять пар,
Пять пар усов. Э-гей!
И пять пар
Усов,
Усов,
Усов,
Усов...

Кто ж такие,
Кто ж такие там, на палубе?
Раздаются проклятья, стоны, жалобы:
— Отдавай мои деньги!
— Не отдам!
(Э-гей!)
— Отдавай мои деньги!
— Не отдам!

Океан,
Океан зашел за правый
Борт:
Почернели над ними небеса...
Все успели разделить,

Но видит правый

Бог:

Не успели убрать паруса!

(Э-гей!)

Не успели убрать паруса.

Океан,

Океан их принял вежливо

И задвинул за ними свой засов

(Да, свой засов),

И пошли на дно,

Пошли на дно

Пять пар

Сапог

И пять пар, и пять пар,

и пять пар усов.

(Э-гей!)

И пять пар усов, усов, усов,

усов...

И надломятся мачты горделивые,

И пробьется на палубе трава...

Вот что значит — поступки некрасивые

И безбожные глупые слова!

(Э-гей!)

И безбожные глупые слова.

Не помрут, так другим могилу выроют:

Пусть несутся их души к праотцам!

Но... Романтику они символизируют, —

Хоть за это спасибо подлецам!

(Э-гей!)

Уж хоть за это спасибо подлецам!

1968

ПЕСЕНКА О БЕДНОМ ПРИДВОРНОМ

Он самый бедный был из свиты,
И даже красные штаны
Ему не кем-то были сшиты,
А под гипнозом внушены.

Но не за темным перелеском,
Но не в глухой полночный час,
А на приеме королевском
Внушенье кончилось как раз.

Пошло веселье тут такое,
Смеялся двор три долгих дня!
И не смеялись только двое:
Король Испании — да я.

1968

СТИХИ

ПРЕДЗВУК

Кто обгонял быстрееших безрассудно?
Кто меньше спал, чем самый чуткий кормчий?
Резная — на носу морского судна —
Фигура — талисман от зла и порчи,

В далекий мрак, за страны Трапезунда
Вперяя взгляд впередсмотрящих зорче,
В седую рань подводных чудищ корчи
Кто, ей подобно, первый видел смутно?

Кто раньше вышел в море, взяв до срока
Вест? Чьи глаза — как чайки — тень форштевня
Опережали (так же!) — до отплытий?

Кому так зябко, жутко? Так волшебно?
В рассветной тьме кому так одиноко
Ловить предзвуки — вести предоткрытий?

1963—1971

СТРАНА ДЕТСТВА

Я бы сменяла тебя, там-там, на тут-тут,
Ибо и тут цветы у дорог растут.
Но не самой ли судьбою мне дан там-там?
Ибо глаза мои тут, а взгляд мой — там.

«Там» — это пальма, тайна, буддийский храм.
Остро-нездешних
Синих морей благодать...
Но еще дальше,
Но еще больше — «Там»,
Все, до чего, казалось, рукой подать.

...Пронизан солнцем высокий пустой сарай...
«О, как я счастлив!» — кричит во дворе петух...
Свежие срезы бревен подобны сырам,
Пляшет, как дух, сухой тополиный пух.

Помню: кистями помахивала трава,
В щели заборов подглядывая, росла,
И ветерок, не помнящий родства,
Тихо шептал незапамятные слова.

Там одуванчиков желтых канавы полны,
Словно каналы — сухой золотой водой...
Жаль: никогда не увидеть мне той стороны,
Желтой воды никогда не набрать в ладонь.

Я и сейчас как будто блуждаю там,
И одуванчики служат мне канвой,

Но по пятам, по пятам, по моим следам
Тяжко ступает память — мой конвой.

Можно подняться — в конце концов — на Парнас,
Якорь на Кипре кинуть, заплыть за Крит,
Но как вернуться
Туда, где стоишь *сейчас*?
Где одуванчик долгим дождем закрыт?

Витает, как дух, сухой тополиный пух,
Боится упасть: земля сыра, холодна...
Боится душа
С собой побеседовать вслух,
Боится признать,
Что потеряна та страна.

1957—1965

* * *

Поворотилась на тихой оси планета —
Заговорили деревья толпой сердитой...
Печь забелела в углу, в серебре рассвета,
Каменной редькой, очищенной и отмытой.

 Стекла оконные дымом заря питает,
 Венские стулья за спинки лучом хватая...
 К слову, как нимбы, тающему: «Светает»
 Первая в жизни рифма пришла: «Святая».

...Библии старой — всю ночь не спала! — страшилась.
Темных ее картин избегала взора...

Вся — подозренья. Не спать до конца решила,
Маясь тоскою, что утро еще не скоро,

 В темной ночи плутали, грустя и плача,
 По лесу Красная Шапочка и Козетта...
 Тихо несла колыбельная песнь рыбачья
 Люльку младенца по серым морям рассвета...

Тени тускнели... И вот, просочив телами
Смутную стену, вскипали чудовищ горы;
Скосив глаза, наблюдала за их делами,
За жизнью мрачной, влюбленной в свои повторы...

 (Могла ли знать, поражаясь упорству тени,
 Как будто винтик на месте какой «заело»,
 Сколько еще возвращений и повторений
 Тьмы, что и в первый раз — давно надоела!)

...Звезды слезятся,
На землю глядеть не смеют —
Так далеко переставил их мрак непрочный...

Снизу, как ветер,
Подул полусвет молочный;
Камни являются,
Пятна земли белеют —
И темный
Сон
Приходит,
Когда при виде
Алого утра — звезды дрожат в обиде...

1968—1976

* * *

— Как ты можешь воспевать эвкалипты,
Никогда не повидав их глазами?

— Это князьминских берез манускрипты,
Как сумели, мне о них рассказали.

— Как ты можешь рассуждать про оливы,
Непричастная их шуму, их чуду?

— Я о них порасспросила у ивы —
Шелест листьев одинаков повсюду.

— Как ты смеешь, не бывав за пределом,
О Манилах толковать, о Гаване?!

— Я на лужицы гляжу между делом:
Рябь на лужах устремляется (в целом)
В ту же сторону, что зыбь
В океане.

1959

ОТГОЛОСОК

Мне самой непонятно:
Отчего это я невпопад,
Поглядев на полоски и пятна,
Вспоминаю про шар и квадрат?
Как могу несовместные вещи,
Врозь простые, но странные вместе,
На одну я нанизывать нить?
Чем я это должна объяснить?
Тициановские полотна
Вижу в трещинке на стене;
Вижу кринку и хлеб — на луне...
Так бывает, когда безотчетно
И беспечно мечтается мне.
Помню море — по запаху досок,
Снег — по блюдцам, разбитым зимой...
Так бывает, когда отголосок
Долговечнее песни самой.

Песня спета,
Но отзвук
Беспределен, как воздух,
Как вода...
Не от звука — от отзвука образ...

Звук сегодня, но эхо — всегда.

Отголосок рисует
Против правил, и этак и так,

И, резвясь, воедино связует
Марс, Афины и старый башмак.

Шквал, корзина, известка,
Страшный суд и дорожная грязь,
Ветер, зеркало, хворост, повозка
И на старых обоях сырая полоска
В долготе отголоска
Обретают бессвязную связь...

Отголоску внимаю,
Как заклятию... Прутик в руке:
В этот миг я не знаю,
Что и как начерчу на песке...

Отзвук музыки — область,
Где не видишь, а смотришь в упор;
Начерчу ли я образ
Или смертный себе приговор?

Отголосок забывчив;
(Так один из турнирных задир
С грозной башни упал, не разбившись,
Потому что разбиться — забыл...)

Отголосок задумчив;
Я ночной океан узнаю
И матросов, задувших
В нем последнюю спичку свою!

...Все могу потерять я,
Все могу обрести,
Потому что смешала понятия:
«Потерять» и «Найти».

1957–1965

• • •

Прилива плеск

так звонок в этом месте! —

Визгливым звоном битого стекла.

Как будто я по вздыбившейся жести,

А не по круглым камешкам пришла.

Мне чайка, будто вилкой — дно тарелки,

Голодным криком выскоблила слух...

Свистит песок... Но все смягчают белки,

Смешные, невесомые как пух.

Шепча хвостом, просвечивая тельцем,

Вокруг стволов певучих и живых

Они кружатся, словно по ступенькам

Незримых глазу лестниц винтовых.

Глазенками поблескивая странно,

То вдруг собьются в тесную семью,

То — прынут врозь (как брызги из-под крана,

Когда подставишь палец под струю).

...Я ухожу от моря понемногу

В сосновый лес по узенькой тропе,

Но чувствую: оно заходит сбоку

И вновь напоминает о себе —

То как бы отнятым от горизонта

Корабликом, застывшим на весу

Между ветвей, далеким — дальше солнца,

Но поднесенным к самому лицу;
То — раковиной, найденной в лесу...

Среди камней позванивает вереск —
То суше, то свободней и свежей:
Отчетливый, почти точеный шелест —
Резьба на слух, гравюра для ушей!

Мое вниманье, как стрела на луке,
Трепещет. Тишина, как тетива,
Натянута... О, тише! — Эти звуки
Не звуки, а почти уже слова.

1957—1962

МАЯК

Я истинного, иссиня-седого
Не испытала моря. Не пришлось.
Мне только самый край его подола
Концами пальцев тронуть довелось.
Но с маяком холодновато-грустным
Я как прямой преемственник морей
Беседую. Да, да, я говорю с ним
От имени спасенных кораблей!
Спасибо, друг, что бурными ночами
Стоишь один, с испариной на лбу,
И, как локтями, крепкими лучами
Расталкиваешь темень, как толпу.
За то, что в час, когда приносит море
К твоим ногам случайные дары —
То рыбку в блеске мокрой мишуры,
То водоросли с длинной бахромою,
То рыжий от воды матросский нож,
То целый город раковин порожних,
Волнисто-нежных, точно крем пирожных,
То панцирь краба, — ты их не берешь.
Напрасно кто-то, с мыслью воровскою
Петляющий по берегу в ночи,
Хотел бы твой огонь, как рот рукою,
Зажать и крикнуть: «Хватит! Замолчи!»
Ты говоришь. Огнем. Настолько внятно,
Что в мокрой тьме, в прерывистой дали,

Увидят
И услышат
И превратно
Тебя не истолкуют корабли.

1957–1962

ПЕСНЬ О «ЛЕТУЧЕМ ГОЛЛАНДЦЕ»

В прибрежных лугах и полях,
В синеющих сумерках летних
Лежит деревушка — в последних
Слипающихся огнях.

Там дети отходят ко сну.
В то время как бриг над пучиной
Летит, словно демон холстинный,
Крылом осекает волну...

Уже в деревушке темно.
Но, слабнувшим отблескам вторя,
В ней теплятся лужицы моря
(В залог, что вернется оно).

А бриг повернулся
и вдруг
За шхуной рыбачьей погнался...
И крен — трепет нового галса —
Его искажил, как недуг.

За свалкой, где дети играли,
Песок бело-розов, как днем,
Но лужицы серой эмали
Горят демонически в нем.

А бриг удержался едва...
Сейчас его снова подбросит...
А ветер все шумы относит,
Лишь странной команды слова

В отдельной звучат тишине
Мрак ночи порывист и душен.
Уж буря валит из отдушин
И люков, невидимых мне...
 Когда и откуда поднялся
 Тот ветер? От корня волос?
 От этого ль нового галса?
 Нет! Судно не ветер принес,

А самое судно
Давно
Несло в себе ветер да бурю!
Недаром
Лишь брови нахмурю —
И в море возникнет оно.

1957–1982

ПОГРЕБОК

Мы обнаружили погребок
В трюме погибшего корабля:
Враз между скал
Грузно застрял
Тот изможденный разбитый корабль.

Под исполинским днищем его
Камни, песок оголил отлив,
Ярких
Водорослей бахрому
Ветер на киле его шевелил.

Бурями съеденные паруса,
Сжеванные зубами невзгод,
Сникли, лохмотьями чуть повода, —
Водорослей не лучше ничуть.

Склизкое днище, борта́ корабля
Саваном раковин обросли;
Моллюски вросли
В железо и в дуб,
Остов титана, как снегом, покрыв.

Пойте, друзья, про гавайскую ночь!
Пойте скорей — про Бискайский залив!
Мы обнаружили в трюме вино —
Выпьем за тех, что погибли в волнах.

И отсырелый бочонок вина
Выкатили на палубу мы.

Эхнуло эхо в скалах пустых...
Море вечернее меркло вдали.

И вот под хохоты эха вмиг
Вышибли мы у бочонка верх;
Темным, как тайна, терпким вином
Мигом наполнили чаши свои.

Пейте, друзья, за здоровье живых.
Пейте за мертвых, за их упокой.
Пейте за тех, что шальное вино,
Это вино — не успели допить.

Может быть, были ребята с душой.
Может быть, были и трусы меж них.
Как бы то ни было (пейте, друзья!),
Все, как герои, погибли они.

Ежели страшной погибель была,
Всех тяжелей — капитану пришлось.
Если единожды каждый пропал —
Множество раз погибал капитан.

Он погибал за себя самого —
Жизни лишался своей. Это раз.
Он погибал за команду свою —
За молодцов за своих. Это два.

И наконец, погибал капитан
Гибелью своего корабля,
Грозной гигантскою гибелью. Три.
Выпьем же за капитана, друзья!

Страшно ль им было? Осталось о том
Только догадываться теперь...

Все-таки *все* они, все храбрецы:
Только отважные в море идут.

Но, коли в бурю ужасную, в миг
Лютый, когда на скал острия
С треском громов напоролся фрегат
И раскололся — огромный — по швам,

Дрогнули многие, может быть, все, —
Кто это видел? Кто мог пожелать
Участь печальную их разделить?
Как бы то ни было — выпьем, друзья!

Выпьем за старый погибший корабль,
Выпьем за мертвых, за их упокой,
И за живых,
Что о судьбах своих
Ведают меньше, чем судьбы — о них...

Вот оно, море!
Мерцает оно,
Мелкие волны проходят, шумя,
На горизонте смыкается ночь,
Сотни опасностей ждут впереди.

Но никакие невзгоды морей
К суше опять не привяжут нас.
Но никакие блаженства земли
Нас не отучат море любить.

Пойте ж! Событие голоса ждет...
Пойте, друзья, про гавайскую ночь,
Пойте дружной про Бискайский залив,
Про ослепительный ветер и шквал!

Ветер усилился; близок прилив;
Скоро мохнатый каркас корабля
Мощная бездна поглотит опять.
Канет в преданье и наш погребок...

Пейте же, братья, пока еще есть
В этом чудесном бочонке вино!
Пойте! — пока еще к дряхлой корме
Волны вплотную не подошли...

Море кипит...
Заглянула звезда
Грустно в бочонок таинственный наш.
Что призадумались?
Надо еще
Нам до прилива на берег успеть.

В ночь на 29 декабря 1953

КОРАБЕЛЬНЫЙ РАЙ

Пусть кораблям, погруженным на дно, сны о счастье
не снятся:

Тяжко им так, что и к Судному дню им теперь
не подняться!

Много моллюсков на нихросло, еще больше — печали.
Эй, не горюй! Уже то хорошо, что летели и мчали.

Пена с бушприта в четыре ручья кружевных стекала...
Как — в предрассветной свинцовости — кровь
фонаря иссякала
Грозно! Но козни такой на борту океан не запомнит,
Чтобы фрегат быть собой перестал до того,
как затонет.

Бледное облачко вдруг разрасталось, отстав от эмали
Штиля, — и призраки тьмы у матроса штурвал отымали...
Взрыв! Но ни страсти такой на борту, ни такого подвоха,
Чтоб галеон, до того как рассыплется, выглядел плохо.

Флинта и Моргана, впрок погружая их рожами в пену,
Море влекло и тащило; других выдвигало на сцену...
Кровью обрызганным грузом крошечные трюмы
набиты
Были. И жертвы напрасно просили у неба защиты.

В чем же романтика? Может быть, в том,
что чудовищных месив
Не осязали в себе бригантины, лишь главное взвесив?
Как бы ни смачно ругался впотьмах и ни сплевывал кто-то,
Так же высоко неслоь очертанье высокого грота!

Есть у вещей Силуэт. Не должно в него лишнее
вкрасться.

Кто очертанье унизит, тому и другое удастся.

Кто-то их палубы зря попирал, кто-то смерть
их приблизил,

Но силуэтов летящих никто никогда не унизил.

Странные!

Бог весть кому потакавшие в темных затеях!

Так никогда и не знавшие тех, кто летел на хребте их,

Спят. Но остался их контур в сердцах до последнего
сгиба;

Мчащий, летящий на всех парусах! Непокорный.

Спасибо!

Вот мне и снится, что время придет, и хотя

затонули,

И несмотря что, как нить золотую, не всю

дотянули,

Не дотянули, прервали они свою песню

о счастье —

Судного дня золотая труба их разбудит. Отчасти.

Призрачный ветер подымет, в темные щели задувши;

В рай корабельный взойдут паруса —

их бессмертные души,

А корпуса только глубже огрузнут, осядут и канут.

Вот уж тогда-то их старые раны болеть перестанут!

Эй, не горюй, старина, что непросто им с якоря

сняться!

Пусть кораблям, погруженным на дно,

сны о счастье не снятся;

УЧИТЕЛЬ

И мой не смолкнет смех перед вечерней тьмой...

Эдмонд Ростан

Влияние Ваше ведь не было прямо,
Отвесно. Не жгло непокрытое темя:
Оно разливалось везде, повсеместно,
Царило всегда. Все время.

Ваш старый наставник, учитель
школьный,
Учил не меня, — жил давно и далёко.
Но думать о нем избегаю невольно,
Как будто с его урока
Сбежала и я — раньше срока!

Ваш маленький Пони
Прошел через поле
Весной,
Когда пели вечерние птицы, —
Из дыма фиалок, из той медуницы,
Что я собирала на воле.

Ваш серый Мышонок,
на каменных плитах
Живущий в нетопленном Вашем

камине,

Престиж запоздалый холеных и сытых
Подтачивает поныне.

Цветет Ваша Роза — всех тоньше и краше! —
В том царстве, где вешние розы не вянут
И где бедняки, Неудачники Ваши,

Сойдясь, наконец-то счастливыми станут,
Счастливыми станут!

Я Вам обещала прославить Поэта,
Воспеть Неудачника,
Свергнуть Буржуя...
Та песня, где все это будет, — не спета,
Но старое слово
Сдержу я.

(Учитель!

Ведь Вы и меня, не иначе! —
Готовили к той Неудаче великой,
Которой дельцы, джентльмены Удачи,
Завидуют
В ярости дикой?)

...Влияние Ваше ведь не было прямо
(Отвесно, — как падает луч из зенита),
Оно разливалось везде, повсеместно...
Оно и теперь не забыто,
Как годы, прожитые честно,
Как вещая Ваша защита.

1960—1984(?)

ЛАСТОЧКИНА ШКОЛА

Ударила опера громом
Над миром притихшим и серым,
Над племенем, с ней незнакомым.
Но первым запел менестрель.

Но первая песня — за нищим,
Но первая — за гондольером,
За бледной швеей,
За старухой,
Качающей колыбель...

Журчит — пробивается к свету,
Сочится из каменной чаши...
Бежит — прорывается к свету,
То руслом пойдет,
То вразброс...

Поэмы — аббатства большие,
Романы — империи наши,
Симфония — царство мечтаний,
А песня — республика грез.

Как синее небо, простая,
Над синими
Льнами.

Как синее небо, простая,
Народная...

(Даром что царь
Давид запевал ее встарь!)

Она подымается к солнцу,
Как жаворонок над нами,
А к ночи спускается в море,
Как тонущий нежный янтарь.

Как синее небо, смиренна,
Проста и смиренна.
Как синее небо, смиренна,
Как небо, горда...

Ее распевает извозчик,
Погонщик поет вдохновенно...
Но жуткая тишь на запятках:
Лакей не поет никогда.

...Не нам шлифовать самоцветы.
(И думать-то бросим!)
Не нам шлифовать самоцветы
И медные вещи ковать:
Ремесла сначала изучим. Но песню —
Но песню споем — и не спросим;
Нас ласточка петь научила,
И полно о том толковать!

Напрасно сухарь-мейстерзингер
Грозит нам из старых развалин,
Напрасно
Перстом величавым
Нам путь указывает педант:
Волов погоняющий с песней
Цыган — непрофессионален,
Простак-соловей — гениален,
У жаворонка — талант.

И парии нет между парий
(Бродяг, дервишей, прокаженных,
Слепых, на соломе рожденных
Под звон андалузских гитар),
Босейшего меж босяками,
Дерзейшего из незаконных,
В чьем сердце не мог бы открыться
Таинственный песенный дар.

...Бежит,

Прорывается к свету
Родник Непокоя священный, —
Тростин перезвон драгоценный,
Гром кузницы, тайна, вопрос...
Посмотришь: большие романы —
Как Цезарем взятые страны,
Симфония — царство мечтаний,
Но песня — республика грез.

1957–1971

• • •

Из трещин серых стен ползет зеленый мох —
Такой живой-живой и юно-яркий!
И в сумерках сырых растет огромный вздох
Большого, темного, запущенного парка...

Светляк сверкнул в росе, как быстрой мысли миг,
И где-то задрожал прохладный голос птицы...
А шум больших дубов —

как шепот мудрых книг:

Как будто шелестят несчетные страницы.

1944 (или 1945)

ЛИСТОПАД

Заюлил, заплакал ветерок, —
Отпросился к тучам, вихрем стал могучим, —
И уже... свалившийся у ног
Лист падучий в раковину скручен.
Сыпля цокот — льдистую крупу,
Взмыли верховые — ветры вихревые;
Оглушили пеструю тропу
Черным лаем пни сторожевые.

Точно пеплом небо ослепил
Сорный и сухой порыв осенней бури;
На голову фартук налепил
Пятящейся издали фигуре.
Сто ветров на ней стянули сеть:
Навертели ей на грубые ботинки
Пыльную дорогу. А на все
Пальцы рук — побочные тропинки...

Рощи завиваются винтом,
Крутятся юлой среди равнины мрачной...
Поздний луч — захлопнутым зонтом —
Чуть краснеет в полумгле табачной.
Луч отрадный! Только в этот час
Горечь так сильна и так слаба отрада,
Будто тень Верлена пронеслась
В призрачной воронке листопада...

1968—1976

Из напрасно прожитой жизни
влачащегося остатка —
Сделай песню ныне!
Сделай песню, щемящую сладко,
Муза —
Пчела полыни!

1957–1982

РЕМБРАНДТ

Он умер в Голландии, холодом моря повитой.
Оборванный бог, нищий гений.

Он умер

И дивную тайну унес нераскрытой.

Он был королем светотени.

Бессмертную кисть,

Точно жезл королевский, держал он

Над царством мечты негасимой

Той самой рукою,

Что старческой дрожью дрожала,

Когда подаянья просил он.

Закутанный в тряпки,

бродил он окраиной смутной

У двориков заиндевельх.

Ладонь исполина он лодочкой складывал углой

И зябко подсчитывал мелочь.

Считал ли он то, сколько сам человечеству отдал?

Не столько ему подавали!

Король светотени —

Он все ж оставался голодным,

Когда королем его звали.

Когда же, отпетый отпетыми, низший из низших,

Упал он с последней ступени,

Его схоронили

(с оглядкой!)

на кладбище нищих.

Его! — короля светотени!

...Пылится палитра.

Паук на Рембрандтовой раме

В кругу паутины распластан.

На кладбище нищих

В старинном седом Амстердаме

Лежит император контрастов.

С порывами ветра проносится иней печально,

Туманятся кровли и шпили...

Бьет море в плотины...

Не скоро откроется тайна,

Уснувшая в нищей могиле!

Но скоро в потемки

сквозь вычурный щит паутины

Весны дуновение прорвется:

Какие для славы откроются миру картины

В лучах нидерландского солнца!

И юный художник,

взволнованный звонкой молвою,

И старый прославленный гений

На кладбище нищих

С поникшей придут головою

Почтить короля светотени.

А тень от него никогда не отступит.

Хоть часто

Он свет перемешивал с нею.

И мастер контраста — увы! — не увидит контраста
Меж смертью и славой своею.

Всемирная слава пылает над кладбищем нищих:
Там тень, но и солнце не там ли?
Но тише!

Он спит.

И на ощупь художники ищут
Ключи неразгаданной тайны.

1948—1959

ФРАНСУА ВИЙОН

С лицом, навсегда озабоченным
Отдачей неясных даров,
Он медленно брел по обочинам
Каштаново-рыжих дорог.

Травинками Франция трогала
Его. И шептала: «Поэт!»
Потом без него жить попробовала
Пять сотен томительных лет.

Остались окутаны тайною
Его бытие и конец,
И толки ходили случайные:
«Кем был гениальный певец?»

Кем был? Разумеется, гением!
Вы слышите ль голос живой?
Так что ж вы глядите с сомнением,
Качая в ответ головой?

Не верьте суду современников,
Ему справедливость — пустяк!
Он славит вельможных мошенников,
Но травит он нищих бродяг.

Он был, говорите, стяжателем,
Но суд ему дал по рукам?
Зачем же он создал (не скажете ли?)
«Анафему клеветникам»?

Запутавшийся, опустившийся,
В ругне, в осквернениях уст...
На злато чужое польстившийся?
Так что же карман его пуст?!

Напраслина — страшная силища!
Не худо бы вспомнить о том.
Но вновь мы стоим за судилище,
А не за певца под судом!

Зря ждал, что хоть после окупятся
Невзгоды пропащих времен,
Никто и В ВЕКАХ не заступится
За Ваши лохмотья, Вийон.

Простится предательство,
Скряжничество,
Убийств и палачества смрад...
Но гиблое дело — бродяжничество! —
Его и В ВЕКАХ не простят.

1964—1985

СОЛНЦЕ ОСЕННЕЕ...

Солнце осеннее
Нежаще
Греет гряды облаков:
Это моржовое лежбище,
Пастбище дымных быков.
 Гибкого моря волна,
 Осыпи дюн безучастные,
 Сосны до окиси красные,
 Медные дозелена...

Между пеньками сосновыми
Позднее солнце ловлю.
...И без основ, и с основами —
Чайки кричат...
 Я люблю
 В море их блеск меловой,
 В воздухе лапки сафьянные,
 Тонкие вопли стеклянные,
 Крылья, как сабельный бой.
Нитями, стружками,
Пробами
Цеха, не то — кустаря, —
Нет! — ремешками для обуви,
Лавкою чеботаря
Водоросли рядком
Вдоль побережья расстелены, —
Тонким песком приметелены,
Выбелены ветерком.

Знаю, что все это кружево —
Моря кушак вырезной,
Творчество волн перетруженных —
Смоет такой же волной.

(Что ей простая трава!
Надо стихиям прожорливым,
Чтобы скрипели под жерновом
Только шедевры:

Едва

От ювелира, от резчика,
От живописца картин...)

Вот только первая трещинка
В береге;
Только один

Сдвиг на песке водяной, —
А уже с моря опознаны
Блудные травы...
И позваны
Страшной морской глубиной.

Весь этот ворох: соломки,
Лыка, подошвенных швов —
Зыбким хозяйством паломника
Стронуться с места готов...

(Шнур, переплет, перехват —
Смутный прообраз сандалии...
Что-то от пройденной дали,
Всё — от позвавшей назад.)

И в тишине разговорчивой
Слышу я голос немой

(С моря — такой неразборчивый!):
«Странницы-травы! Домой!»
 Словно питомцев своих
 Мать позвала бесприютная...
Может быть, я сухопутная,
Вот мне и страшно за них?

1957—1971

ЗАКОН ПЕСЕН

Хороводы вакханок в экстазе,
Фавна к нимфе копытца несут...
Что ж, сойдет, как рисунок на вазе,
Но для лирики — чистый абсурд!

Лишь небесная страсть остается
В песнях вечной. (Лаура, живи!)
Существует, но вряд ли поется
Земноводная грубость любви.

Кто там в рощу так робко прокрался?
Притаился под сенью ветвей?
Пой! — пока на балкон не взобрался,
Не назвал Инезилью своей.

Пой — пока, по искусства законам,
Девять муз во главе с Купидоном
Девять шелковых лестниц совьют...
Серенады поют — под балконом.
На балконах — уже не поют.

И тем паче, с высот геликонов
Тот сорвется, кто тайны притонов
С гордым видом выносит на суд.
(Вас на пуговицы переплавят,
Сир! А пуговицы — пропьют!
Кто же карту крапленую славит?!
Спрячь ее, незадачливый плут!)

Очень многое — так нам сдается, —
Существует. Но... ах! — не поется.
Грусть — поется. Надеждой на чудо,
Упованием песня жива.

Но у блуда нет певчего люда;
Вещий голос-то взять им — откуда?
(Что поделаешь — жизнь такова!)

Только тот, кто любви своей силой
За возлюбленной тенью в Аид
Мог спуститься, —
Тот песню для милой
В неподкупных веках сохранит.

Коль же скоро во всяком напеве
Похоть та же и разницы нет,
То за что же вакханками в гнев
Был растерзан великий поэт?

Жизнь — цветок. Ей закон — аромат.
Не ищи же, теряясь по сортам,
Божью искру в Калачестве Тертом,
Друг мечты и романтики брат!

Пой — цепляясь на лестничном шелке;
Пой — пока твои мысли невинны
И пока на губах молоко
Не обсохло...

Пути твои долги,
Твои лестницы — длинны-предлинны,
Твой балкон — высоко,

высоко...

1957—1982

СКРИПКА СУМЕРЕК

Дышат снегом на флоксах росинки...
В поздних сумерках зренье теряю.
Но, взойдя на дорогу с тропинки,
Новым зреньем глаза расширяю.

Лужи спят на дорогах ненастных.
А на их перламутровых бельмах —
Срезы крыш, по-вечернему ясных, —
Острота чердаков корабельных...

Лунка льда в миражи дождевые —
Как стеклянная дверца раскрыта:
Там веревки дрожат бельевые —
И на снасти похожи до вскрика!

Скоро инеем станет прохлада...
Что там, в поле? Хомяк или кролик?
Или — призрак усталого взгляда —
Это сумерек дернулся промельк?

Журавлей горловая валторна
Отжурчала за снежную тучей...

Скрипка сумерек!
Спой мне повторно:
Дай мне Веру, Надежду и Случай!

1968—1976

ОБЛАКА

Горят облака на закате;
Сверкают, как бранные рати,
 Как свежий надрез на гранате,
 Как золото в царской палате...

Красно́, тяжело нагреваясь,
До самых бровей багровеют,
Но к ночи
Становятся кротче.
Теплом фиолетовым веют.

Над лесом они зеленеют,
Блестят, над затонами стоя;
Вторым водяным отраженьем
На них отражается хвоя...

 Что дальше, то глуше, слабее...
 Не так ли над золотом блюда
 От пальцев
 Зеленые пятна
 На ножках грибов остаются?

Но мрак совершился вечерний:
Заросли поглубинели.
Как сажа (цветные недавно),
Как тушь, облака почернели...

 Я шаг их слежу молчаливый,
 Я образы их вопрошаю,
 Я с ними (не здесь, а на небе!)
 И сны, и надежды решаю.

Меня и теперь не пугает,
Что их вопрошаю — с рассвета;
Что долго прожду,
Или вовсе
Остаться могу без ответа;
Что были вопросы — дневными,
И к свету стремились дневному;
Что, тенью ночной искаженный,
Ответ
Долетит
По-иному...

1968—1976

ДУШИСТЫЙ СВЕТ

Ветер запутывал звезды в ветвях,
Ветви за звезды — не мог зацепить:
Лишь разводили руками вязы без гнева.
Клен, точно фокусник, звезды в рукав
Складывал... Чтобы, вздохнув, упустить
Звезды опять
В небо.

С тихим хлопком (как воланы — о ветвь!)
Звезды стремительно падают вверх,
Машет вершинами роща и снова их ловит,
Но — никакими порывами рук,
Ни мириадами листовных дуг
Не остановит...

Белых ли, красных цветов табака
С ветром доносится издалека
Запах цветущий? Подобный
Свету, мерцающему впотьмах.
Смутно рассвет забелел на холмах.
Шелест подробный

Вдруг — в титанический шум перерос:
Белые нежные руки берез
Роща, в слезах, заломила...
Ночи сухой с перелетным, цветным
Благоуханием — жаль! Не таким
Утро задумано было!

Масса листвы не всерьез
Недоступные звезды ловила,
А наказание за них потерпела
Всерьез.

1959–1996

• • •

Ночь. Отовсюду раскрылись душистые темные веера...
Грустное небо над ними: серебряный нежащий океан.
В нем отразились огромные, дальние, древние воды земли:
Чаша небес перевернута в озере, чаша озер — в небесах.

Вскрикнула птица — протяжною жалобой свод
огласила лесной:
Сон ли приснился ей, страшный по-птичьему? Или
боится змеи?
Ты не разнежь меня, не усыпи меня, не подведи меня,
ночь!
Или... иначе тогда подведи меня, чем подводила
других.

Ведь у других это небо озерное дышит иным серебром.
(Только свое серебро я и золото в жертву богам приношу!)
Тени свои у меня. Для вторжения — замкнуто небо мое.
Зря так общительно, так понимающе вы улыбаетесь мне.

Даже у мыши свое мироздание! Даже у мошки —
свое!
Так отчего бы и мне, напевателю песен, — свое
не иметь?
Истари кажется людям, что спетая песня —
раскрытая дверь;
Что у того, кто заветное выскажет, — нет уже тайны
от них!

Много на небе сокрыто, Горацио, многое прячет земля.
Только певец — у любого и каждого! — как на ладошке
сидит...

1968—1976

ЗЕЛЕНый ДОЖДЬ

Дождь зеленый шумел по канавам, —
Шла балладная мшистая мгла.
Дождь зеленый к деревьям корявым,
Засверкав, прислонял зеркала.

Шел на клены, березы, репы,
На шатры лопушиного стана,
И сатурновы кольца тумана
Надвигал на лиловые пни.

Под травой наудачу ступая,
Хворостинки цепляя клюкой,
Прозревает фиалка слепая,
Продирает глазок голубой.

Пень, поросший зеленым сукном,
Пень, казавшийся утром конторкой,
Пахнет ветра основой тонкой,
Ливня ландышевым полотном...

Ветер линзой струи прогибает.
Вижу мимику мглы. Загребущ,
По замшелым стволам
Пробегает
С треском факельным каплющий плющ.

Там — черемуха валится с ног.
Там, отринув непрочный канатик,
Прямо в воздух шагнул, как лунатик,
Дуя в ниточный рупор, вьюнок...

Теплый вихрь метет по дубравам.
Прогибаемые струи
Под дубами, в разрыве кудрявом,
Искры стряхивают свои.

Мнится: там, за кривящейся мглой,
Все в зеленом, стрелки Робин Гуда
Топят печку внутри изумруда, —
Бледный пламень вздувают полой.

Старый ясень трясет головою,
Дерзко молниям смотрит в лицо.
По ручьистой стене
Ветровое,
Теневое катит колесо...

А за этой стеной, не шутя,
В полусне, в полутьме стекловидной
Май сияющий, май безобидный
Подрастает,
Как в сказке дитя!

1957—1971

ВЕСЕННИЙ ПУТЬ

Полный шума, шороха, тревоги,
Мокрый сад сгущается в ночи.
На большой темнеющей дороге
После ливня лужи, как лучи.

Лунный ветер веет беспредельно
В сыроватых нежных облаках...
Светятся — кто вместе, кто отдельно —
Огоньки в далеких далеках.

Я забыла ночи дикой стужи —
В лунный свет мне хочется уйти.
Пусть горят серебряные лужи
По всему далекому пути!

Я иду туда, где вечный запад
До зари затмиться не готов!
Сосен серебро... Пунцовый запах
Прячущихся в зелени цветов...

Если я нарву цветов душистых —
Соловья вспугну или сову?
Нет! Ни хриплых я, ни голосистых
Не вспугну, душистых — не нарву.

Жизнь твоя и так — в едином миге!
Так живи, насколько хватит сил,
Аромат таинственный и дикий,
Что в пути меня остановил.

1948—1953

* * *

Река текла, как дождь,
Лежащий на боку,
А дождик шел, как речка в вертикали,
И мост подныривал подобно поплавку,
Когда струи по нем перетекали.
Казалось: из руки выскальзывает меч;
Волна
То прятала настил, то обнажала...
Дождь высказался, смолк,
Но дождевую речь
Всю ночь река
Вела и продолжала.
Пойти проведать ночь?
Лопух водой налит.
Во мгле не разглядишь, но тронешь и
припомнишь
В зубцах и в капельках зелено-синий лист —
Прикушенно-алеющий шиповник..
Сад
Свищет свежестью, как нитка в полотне,
Сирень ноздрится в шахматных деленьях,
Жасмин белеется в мучнистой полутьме
Из-под сырых расплывчатых деревьев.
Сойду к реке: не захлебнулся ль мост?
Деревья пререкаются во мраке,
Тьмы черных листьев трутся между звезд,
Как толпы человечков из бумаги.

Из черной же. Высоко в темноте
Они гарцуют, пляшут, шьют, дерутся,
Пьют, валятся с коней..
Но в близости к воде
Расступятся,
Как карты разберутся.

1957—1965

ПОСТУПЬ СВЕТА

Островки травы
Уже открылись в парке.
Блики солнца ярки.
Бледной синевы
Перепевы спят
В пластах последних снега.
Прошлогодний лист кидается с разбега
Под ноги. И нега
Обегает сад.

Зренье изнуряя всеми степенями
Света (сговор света на лету — с теньями),
Тени (сговор тени с светом на лету),
Рощи пахнут тенью. Тень сквозит зеленым
Пламенем. А свет ступает ослепленным
Старцем, простирая руку в пустоту.

Руку в пустоту, — но радуясь пустотам,
Ибо кто войдет в них — выйдет не банкротом,
Хоть не видно — кто там;

Чей прищур цветущий на сухих местах?

Льдистые ль доспехи скинул
стебелек брусничный?

Или это сам подснежник? (Слишком симпатичный,
Чтоб не прятаться в нарочно съезженных листьях!)

Так, в «гусиных лапах» скрыв улыбку лета,
Вдаль плывут морщины старческого света;

Свет аквамариновый, старинный, дряхлый свет,
Чей хрусталь состарен так, что уж не бьется!

Лишь над временем смеется,
Не страшась грядущих бед.

Так, по островкам травы,
По канавам серым,
Чередую роц, за облаком-сырцом,
Свет идет слепцом,
Свет шествует Гомером,

Старцем неимущим
С посохом цветущим,
С поднятым лицом.

1957–1982

ТРЕМОЛО

Мысли дремлют вмиг обестревожены.
Но и сам покой глядит подвижником.
Ночь, как дума, смотрит в окна темные...
Вижу: между звуками проложены
Улицы, мощенные бульжником,
Длинных юбок тенью подметенные.

А в каретах,
В их коре ореховой,
Разъезжает отголосок эховый,
Пудреную голову склоняющий
На подушки лунные,
А затем опять ее роняющий
В переборы струнные.

О, какой бульжник был сиреневый!
Черных лужиц флейты в счет не брали.
(Спец позднейший, — ты уж сам оценивай
Золото печали!)

Лишь потом откроют, что вселенная
Суть не то, что флейты обещали:
Не такая вовсе вдохновенная,
Не стройна и не кругла нимало,
Холодна, грязна, не так возвышенна,
Жабьей головой своей наслышана
О краях провала...

Отчего ж так веришь этой музыке?
Чтишь ее в ее бессмертной узости,
Будто правду предсказала?

1968—1976

* * *

Что-то не знаю: спят или дремлют силы...
Не от весны —
От стужи фиалки сини;
Солнце не теплое, день догорел никчемный.
Вешняя ночь — холоднее реки подземной.

Духи славянские,
Греции Древней духи,
Духи цыганские — все к моим песням глухи.
Может быть, так потому, что и песни немые?

Неразговорчивы что-то мои поэмы.

Стыд вам, волшебники, если и вы не спецы
Выслушать песни, которые — пусть! — не спеты;
Днем между рамами зимняя бьется муха, —
Мухина песня и та достигает слуха!

Щелкнула почка
На сероватой иве...
Я же молчу,
Я с целой землей в разрыве!
Где-то вдали от родных берегов кочуя,
Слышал, как пела,
Услышишь ли, как молчу я?

1957—1965

БАЛЛАДА КРУГА

Счастья искать я ничуть не устала.
Да и не то чтобы слишком искала
Этот зарытый пиратами клад.

Только бы видеть листочки да лучики...
Только бы чаще мне были попутчики:

Тень на тропинке,
Полет паутинки
И рощи несумрачный взгляд.

Но измогильно, откуда-то снизу,
Жизнь поднялась. И под черную ризу
Спрятала звезды, восход и закат...

Ну и повисила ж, ведьма, в цене
Это немного, нужное мне:

Тень на тропинке,
Полет паутинки
И рощи несумрачный взгляд!

Ну, я сказала, раз так, я сказала,
Что ж! Я сорву с тебя, жизнь, покрывало!
А не сорву — не беда. Наугад
В борьбе с тобою,
В борьбе с собою,
В борьбе с судьбою
Добуду с бою

Тень на тропинке,
Полет паутинки
И рощи несумрачный взгляд!

Глупо, однако, что посланный на дом
Воздух и лес, колыхавшийся рядом,
Надо оспаривать, ринувшись в ад,
Дабы, вернувшись дорогой окольной,
Кровью купить этот воздух привольный,

Тень на тропинке,
Полет паутинки
И рощи несумрачный взгляд...

Вижу я даль с городами громадными,
Дымные горы с тоннелями жадными,
Грозного моря железный накат,
Но не схожу с великаньего тракта
В поисках трех лилипутиков! Как-то:

Тень на тропинке,
Полет паутинки
И рощи приветливый взгляд...

Так из-за нужного массу ненужного
Робкий старик накопил. И натужливо
В тачке увозит томов пятьдесят —
Ради заморыша-спецприложения!

Где вы?
За вас принимаю сражение,

Тень на тропинке,
Полет паутинки
И рощи таинственный взгляд!

...Что же лежу я под соснами старыми?
Что не встаю обменяться ударами?
Пластырем липнет ко лбу листопад.
Латы росой покрываются мятые.
Жизни вы стоили мне, растреклятые! —

Тень на тропинке,
Полет паутинки
И роща, где вязы шумят.

1957—1971

СВЕТОВАЯ БОЧКА

Наездник-мальчик с горы спустился:
При нем ружье, а на нем ковбойка.
А с горизонта
Свет катился
С треском и грохотом,
Как бочка...

Был день для мальчика только начат:
Сверкали камушков острия..
В пустыне встретились
Свет и мальчик, —
И мальчик выстрелил из ружья.
 Был выстрел вверх,
 Были песня и смех,
 И пыль столбом,
 И спиралью — свет,
 И конь кружился внутри луча,
 Остатки тени своей топча,
Как топчут пламя, пока не поздно...

Вдали синели разрывы чащ..
А свет — не крался, не плыл, не ползал:
Скакал, как бочка,
Шумел, как плащ..
 Как плащ под ветром, вздувались горы,
 И ткань пустыни слегка взвилась..
А бочка света распалась на створы, —
Кругами в озеро улеглась.

Я знаю много других событий,
Живых, как пятнышки в манго-луне,
Но все бледней они,
 Все забытей,
И гаснут,
 Гаснут
 Они во мне...

1957—1971

ПЕСНЯ В ПЕСНЕ

На плоту уплывающем стоя,
Огибая речную излуку,
Древней руны руно золотое
Перекинула я через руку.

Суетились у пристани лодки,
Цепи якорные
Рокотали,
Под водой, как белье на веревке,
Отраженья домов трепетали.

И плыла я и пела: «Недаром
Шар земной называется шаром;
Оттого что земли не квадратна,
Я всегда приплываю обратно».

И речные плывущие вещи
С никуда не плывущими вместе
По-домашнему мне подпевали
И других подпевать подбивали.

Пели шлюпы с цветными бортами,
Пели кольца безмолвного дыма,
Как немые, с закрытыми ртами,
Пели бревна, плывущие мимо,
Пели волны, уключины пели,
Но никто их, казалось, не слышал,
И никто из темнеющей двери
На темнеющий берег не вышел.

Только там, где река поворотом
Прилила к повороту дороги,

Тихо стал неотчетливый кто-то
На едва освещенном пороге.

Человеком ли,
Дымной ветлою,
Или ивой, чье синее знамя
Прячет в воду концы,
Или мглою,

Полной каверз, он был — я не знала.

И была ль моя песня во мраке
Пузырьком на подводной коряге,
Или звоном в ушах,
Или следом

Птицы в небе — он тоже не ведал.

Но почудилось мне почему-то,
Что расслышал он все безупречно!
И река загорелась —
Как будто

Этот миг утвердился навечно.

И плыла я и пела: «Недаром
Шар земной называется шаром;
Оттого что земля не квадратна,
Я всегда приплываю обратно».

1957—1965

ЭККЕРМАНУ

Когда бы, Эккерман, для лучезарной чести
Сквозь время прошагать с бессмертный Гёте вместе
Явились бы не Вы, а кто-нибудь другой,
(Сравнимый мелкостью с подсолнечной лузгой!);
Когда б на свой Олимп — на Веймара высоты
Не Вас — кого-нибудь другого поднял Гёте
В друзья, в советчики свои под старость лет, —
Донес ли бы другой до нас живые речи,
Остроты старика? Гнев? Смех его при встрече?
Находки для стихов? Догадки? Притчи? Нет.

Вы! Только *Вы* один достойны были чести,
Какой не вынес бы никто на Вашем месте;
Другой бы осмеял великие черты,
От зависти ослеп, от гордости взбесился,
В соавторы к творцу (посмертно) напросился
Иль просто выкрал бы священные листы.
По нашим временам сужу. Ах, не по вашим!
Их не вернуть. А ты, о муза, ты воздашь им
Простое должное? Иль, уж теперь, как все,
Забудешь облаков божественные лики,
Германских ясных утр на красных креслах блики,
И ночь? И лес дриад? — весь в звездах, весь в росе!..

Я книгу распахну, как с музыкой шкатулку,
Чтоб Вашу с ним найти в ней дальнюю прогулку;
(О, здесь не упустить так важно — ничего!)

Его больших шагов тяжелую крылатость
И Ваших добрых глаз чуть-чуть подслеповатость,
И то, как слушали Вы жадно речь его!

... Он ВСЕ обожествлял. (Жука не обезбожил!)
Он Вам показывал места, где юность прожил,
Стол, где работал он, и, в землю врытый, стул...
Весна еще едва курилась, неодета.
И столько тишины скопилось в рощах света,
Что Гёте произнес: «Должно быть, Пан уснул».

1989

ОКНО

Окно открыто в сад весенний и дневной.
Блеск подоконника разглажен тишиной.
Толчками, точками — в окно влетают пчелы...
В нем гибко сцеплены жасмин, горошек, мак...
 От пламенности дня в глазах веселый мрак —
 Секунда слабости веселой!
До красных кирпичей дотронулся вьюнок,
Как тонкое жабо до грубых красных щек.
В тени камней стены еще дымится влага...
Окно не высоко, и есть упор для ног,
А там — прогретый путь и долгий день для шага.
 Как странно между тем, что птицы не поют!
 Слышны лишь редкие отрывистые фразы...
 Многозначительный таинственный уют.
 Лишь сыплется труха, где птицы гнезда вьют,
 И тушью полночи свой полдень пишут вязы.
На запертый сарай в заброшенном углу
Роняет бузина отравленные розы...
Там,
На кирпичном (или каменном) полу
Сарая — призраки, настроивши пилу,
Танцуют, дергая друг друга за полу...
Но в жарком блеске дня смешны мне их угрозы!
 ...Повсюду легкий скрип, шуршанье и возня:
 Тень птицы на траве — живая закорючка...
Из прутьев свежести, из тайны и огня
Дневные тени птиц плетут корзину Дня.

Тень птицы трудится, не глядя на меня...
Что ей поручено? Дно, стенка или ручка?
Где я?
В каком конце их сети золотой?
В каком углу весны?
В каком краю корзинки?
...Мне дятел бросил кисть из тушечницы хвой...
И странно воспарил над общей пестротой
Воздушною чертой бумажный змей тропинки.
Все, все мне нравится! Шуршанье по верхам,
В траве — ломти коры, лесных жуков коврижки,
Перемещенье птиц, как в лавке опахал.
И низкий свет кустов, где вспархиваний вспышки.
Смешались весело понятия в голове...
Не хочется гадать и думать над вещами.
Плывут виденья дня по светлой мураве,
Над ними бабочки — где по́ три, где по двé...
А в чаще
Ночь и День
Меняются плащами.

1957—1971

ЛОДКА

Избочась, излучая бодрость,
С белым парусом лодка шла,
Водоросль
Волокнистую волокла.

Кто-то пел на верхушке мола,
Шел за лодкой курчавый след,
Как стена в середине моря
Воздвигался отвесный свет.

Так сияли бортов изгибы,
Будто лодка была живой:
Полуптица и полурыба
С человеческой головой!

И никто никогда не встретил
Эту лодку потом нигде:
Скрылась лодка в отвесном свете,
Как скрываются в темноте.

1957—1962

САДЫ В ЦВЕТУ

Сады в цвету

у гладких диких скал:

В них шумно хлынул ливень молодой

И лилии серебряный бокал

Налил сияющей и звонкою водой.

И в тишине освобожденных гор

И в блеске переливчатой весны

Шиповник ввысь глядит

Из влажной глубины,

Как ароматный розовый костер.

1944 (или 1945)

ЖЕЛУДЬ

Близ дубов я подбираю желудь
И в карман кладу, как лазурит,
Потому что желудя тяжесть
Мне о ценном, цельном говорит.

Оттого ли, что лошадно-гладок,
Ливнями налит, бочарно-бур.
Этот тип с оттенком старых кадок
Кажется тяжелым чересчур.

Он карман мне тянет; он в подкладку
Укатиться может (ватник рван!), —
И приходится мне для порядку
Снова лезть за желудем в карман.

Помню жест мой в том краю далеком;
Жест, который мог бы ненароком
На безлюдье важности нагнать!
Так часы (с цепочкой и с брелоком)
Из жилетки

под любым предлогом
Извлекает завтрашний магнат...

Желуди мои в лесу зеленом!
Все вы (я ищу вас до сих пор!)
Были с репетицией, со звоном;
Все — как серебро и мельхиор!

Где ты, чаща с полукруглым входом?
Где поэт, привыкший год за годом

О серьезном будущем радеть?
И на каждый желудь —

Гесиодом*

Техники, — как на часы с заводом,
Как на вещь прекрасную, глядеть?

Принято на свете между всеми
На часы глядеть — «Который час?»
Желудь, желудь!
Покажи мне время,
Навсегда ушедшее от нас.

1 декабря 1997

* Гесиод — древнегреческий поэт, певец пастухов и стад.

АКАЦИЯ

Кудрявая, как Меркурий,
Акация — лету вслед —
Склонилась под темной бурей, —
Осыпала желтый цвет.

Не крылышки на сандалиях
Гермеса — трепещут в даях,
Превозмогая зной:
Из самого из подножия
Ствола ее — рвутся с дрожью
Две веточки — взмах кружевной.

Вот она, квинтэссенция
Лета в преддверье прохлад!
Глядишь — и уже заусенцы
Не щиплет, глаза не болят...
Шахматное полотенце.
Синяя книга баллад.

Я сплю в середине года,
Угадывая сквозь сон
Всю грацию перехода
Сезона в другой сезон.

Мне снятся потоки светлые,
И мельничное колесо,
И то, как волосы с ветром
Падают на лицо...

1980-е

ПОД ЗАЩИТОЙ

Грусть! Это ты ворожила
Вкруг неодетых дубрав,
Терпкой приправой служила
Жизни на краешке прав.

Грусть! Это ты золотела
В сумерках дней молодых!
Только вот выдать не смела
Счастья, сокрытого в них.

Так у черемухи черной
(Зимней, а все же не злой),
Есть потаенный, подкорный,
Сплошь зеленеющий слой.

Трудно соцветьям без счета
Сразу на ветках зацвести,
Но задушевное что-то
В прутьях опущенных есть.

Грусть! Это ты дорожила
Музыкой, вкравшейся в речь!
(Больше б и некому было
Юную песню сбечь!)

Ты заметала овраги,
Ты стерегла — не за страх —
Снег на блестящих от влаги
Никнущих черных ветвях.

18—19 мая 1996

(Где вы, — очки паучьи, —
Их разглядеть получше?)
Цветки-снежинки,
Цветки-порошинки
В траве, у корней,
Где ни лучика...

Ну да! — они почти существуют,
но вызывают сомненья...

(Может быть, я и вижу-то их
только по недосмотру?)

И не относятся ли к такому
очно-заочному сорту
Искры из глаз от голода и утомленья?

Ах, Соловьиный Табак, Шелкоусы, Паучьи Шпоры!
Вы бы могли казуистов питать
сверхотвлеченные споры!

И зрячий не зряч, коли видит он
Не все, не вдруг и не сразу.
И слепой не слеп, коли сделал свет
Поблажку слепому глазу.

Будь вы невидимы до конца, — тут завершенность
была бы,
Но и как зримое вы неполны и как незримое —
слабы!

Сделка меж воздухом — вы — холостым
И материи очной ставкой,
Между запутанным и простым,
Между цветком и травкой;

Сделка меж холодом — вы — и теплом,
Эфиром и нажимом;
Меж закопченным полустеклом
И зрелищем незримым.

...Нисходит ночь.

И гонит, и клонит

Вершину вслед за вершиной...

И вот — Шелкоусы, Паучьи Шпоры, Лесной Табак
Соловьиный

Подслеповато глядят оттуда, где низко

и мелколисто,

И свежесть ночи

Бог весть какую

Меня достает тоскою,

В которой нет почему-то сегодня

Пытливости натуралиста.

Сходня. Лето 1976

ОВСЯНЫЕ ГУСЛИ

I

Попутчики овса

В луче — аквамаринов, как под линзой,
В тени — как голубое молоко,
Не связанный с драчливцем и подлизой —
Слепящим сорняковым рококо,

Осуществляет он свой шепот звонкий.
Лишь — мессершмитом — свалится оса
В серебряное курево овса,
Да муравей протопает сторонкой,

Да василек индиговый (синей
Всего, что сине!) из седых корней
Вдруг прорастет, — запутавшись, однако,

В лучистых стеблях, — потому: как раз
Неизобилен у святого злака
Навязчивых попутчиков запас.

II

Синюю песню подснежника
Жаворонок озеленил.

Иван Киуру. «Ода жаворонку»

Тем красочнее музыка, чем строже
Звук выверен, доходчивости для,

Чем реже краски, тем они дороже
Овсяным далям пасмурного дня.

Но «инструмент» овса не обесструен:
На что ему горячий тон трясин?
На солнце он, как лунный камень, лунен,
А к сумеркам — своею синью синь.

Но, радугами дым овса осыпав,
Кто там журчит? Кто (вечный тип из типов),
Из чаши, запрокидываясь, пьет?

Живое божество или пичуга?
То жаворонок, — маленький пьянчуга,
А чаша ему — целый небосвод!

21 октября 1998

РОМАШКА

Над тюльпана ровным пламенем шмель шумит
кастрюлей медною.

В море марева неправильном не узнать ромашку бледную.
Мак пунцовый — жаркой чашкою с языками

легкой копоти,

Наклоняясь над ромашкою, ей поет о дольном опыте.

— Бойся, бойся гнева Зевсова! Ты возьми скорее
в толк его:

Не глядись в кривое зеркало зноя летнего, недолгого!

Вместе с маком молят весело васильки в полосках
просини:

— Не клони лицо до вечера... Донеси венец
до осени...

Донесла венец до осени — до холодной мокрой озими:

Огляделась, одинокая, — вся видна ей даль далекая.

Поле ровно, одинаково. Заволакивает снег его;

Нет заслона ей! Сама кого заслонила бы — да некого!

Колокольчики попрятались,
Васильки к серпам посватались,
Маки сонные осыпались,
Майский шмель искать росы полез,
Да застрял в кустах поблизости;
Сморит сон его, как вызвездит...
Все попряталось, все греется,
А на ромашку дождик сеется,

• • •

Когда Вселенная открывает нам
добровольно
Явления, о которых скептик твердил:
«Крамольно!» —
При чем тут я и чему я радуюсь так —
не знаю,
Какая польза мне в том — не знаю.
Но я — довольна.

1990

РАННЕЕ ЛЕТО

Уперся луч в горячее стекло.
И чай до дна прозрачен в чашках рыжих.
Пойдем-ка в сад! Уже и там тепло...
Шмели качаются в нарциссах тяжело,
Как темноглазые вельможи в белых брыжах
Из Микрофландрии!
Куда ни шло —
На этот раз мы к ним на пир поспели!
А прошлым летом — вспомни! — были
тут

Тогда, когда шмели посуду бьют,
Когда жасмин отцвел (тому как с полнедели),
Остались только листья, черенки,
Но глубоко в траве еще белели
Его разбитых чашек черепки.

21 мая 1983

ВОСПОМИНАНИЕ

Мама, помнишь тот сад полночный
И черемухи свет молочный?
Зной стоял. До утра мы не спали —
Все полынь молодую искали.

У соседки в горшках петунии
Огневели в воздухе мертвом.
Всем казалось, что мы — колдуньи
И ночами — скотину портим!

Но не портили мы скотину
Ни рогатую, ни безрогу;
Это ветер путал картину, —
Пел в березах... Звал нас в дорогу —

По верховному соизволенью
Той весенней ночи высокой,
Недоступной закабаленью,
Беспокойной и одинокой.

1987

ЧЕРЕМУХА

Следи
Предрассветную ранью,
Как дышит черемуха в зной
Безветренной роскоши рванью,
Разрывами и глубиной.

Смотри!
На листьях — ни росинки.
Стволы в тягомотной смоле.
Но гроздий большие рисинки
Бурлят в гулливерском котле
Зеленого зноя...
На грушах
Цветенья ноздристость видна
(Сад что-то там варит, нагнувшись),
И взрывами рисовых кружев
Черемуховых
Взрыхлена
Медовая темь. Он условный,
Он где-то внутри золотист —
Чуть вяжущий, сплошь баснословный
Цветущий небесный батист!
А в запахе — как бы жасмина
С разломленной тыквою сплав,
Речных камышей сердцевина,
И пурпур тропических трав,
И заспанность,

И беззаботность,
И сахарный хлад,
И огонь.
И хлопьев кудрявых щекотность,
Сующих вам рыльце в ладонь.
В тех запахах пряном потоке
Всех рвений расплавлена цель.
Но, в них погружаясь, как боги,
Мы знаем их меньше, чем шмель.

...Шелково-медовая ветошь
Цветенья
Свергается вниз...
Какая там ветошь? Да это ж
Плов дэвов!
Чудовищный рис
В котлах догорающей ночи,
Клубясь, кувыркается, глянь!
Чего не привидится, впрочем,
В рассветную душную рань.

1987

* * *

Перед дождем упорным и унылым,
Перед ветвей обкраденных метаньем
Мир вдруг встает таким волшебным-милым,
Великим и таинственным созданием!

Снег в тучах светит. Блеск бежит по жилам
Цветов и трав с их пестрым увяданием,
С их огненно-душистым оправданием
Похолодания медленным светилам.

Даль, солнце, звезды, клены — все творенье
Колеблется, как тихое горенье
Под золотым пушком, под свежим зноем.

И ночь в лесах встает... И рыщет где-то
Кабан — за первым желудем рассвета...
И видит раб себя во сне — героем.

1986

ТАЙНА

Узор берёсты нем. А весь подход
К березе — в нем! Вот на ее заливке
Склоненном — сел, как бабочка. А вот
Ушел в кору, как в каменные сливки...

Сказала бы «рассказ». Но он вперед
Не движется... Гравюра? Нет. Обрывки
Сюжетов недоконченных, в разбивке,
Схватил и кружит ствол-водоворот.

Дорисовать? Но где тот карандаш?
Дорассказать? Так замысел не наш!
Вдали — из-под земли, из небосвода —

Он рос — один... Во тьме... Как божество!
И неподвластна нам его свобода.
И непонятна — скованность его.

1980-е

ПОДСНЕЖНИК

Был, словно не был он,
И не был, словно был..
«Летучий голландец»,
1961 год

Цветок, на солнце разогретый,
Мне показался под ракитой
Перчаткой фей! (Читай, руки той,
Которой нет в перчатке этой!)

Он был не сам! Он был приметой,
Что под его (зато!) защитой
Сбежал, смеясь, король со свитой,
В его камзол переодетый..

Цветок — лишь внешность аромата,
Лишь плащ, прикрывший бегство Мавки,
Лишь дымка, далью красновата..
Сомнешь — и шелк в нем станет мягкой,

Пунцово-снежной, золотою,
Цветущей облачной водою!..

26 февраля 1989

СНЕЖНЫЙ СВЕТ

...Ибо дышит свет подспудный
Из-под хрупкости дорог.

Иван Киуру.

«Вечерний свет. Март»,

1980 год

Ночью снежной, ночью захоластной
Хорошо в провинции безлюдной.
Ни звезды! Но светлой, но не грустной
Кажется мне даль дороги трудной.

Не беда, что снег набился в боты.
Ветер хлопья свеивает с вётел
Отрешенных... Жизнь! Забудь заботы,
Ибо мир нас к ночи приохотил.

Снежный свет (свет фосфора и кварцев!)
Только тонким рошицам — опора.
То не рошицы! То — встречи граций
С воздухом весны! Эол и Флора!..

Чу!.. Пустые летние качели
Жалостно скрипят среди метели...

5 января 1995

ЕСТЬ ГЕНИАЛЬНОСТЬ НОЧИ...

Есть гениальность ночи... Сокровенность
Несбыточного — властна в поздний час
Дойти до сердца каждого из нас.
Одни ее хранят как драгоценность,
Другие разбазаривают враз,
А третий... — впав на радостях в надменность,
Несет ее в дневную современность
Как личной Посвященности запас!
И говорит: «Не правда ль? — мы с тобою
Возвысились над грубою толпою?!»
Вот как, приятель?! Знай же: есть мосты,
Где всяк батрак пройдет! Огласку тайны
Не позволяет людям воспитанье.
Но каждый видел то, что видел ты!

Декабрь 1994 и январь 1995

НОЧЬ

Тропинка травянистая. А там, за первым пнем, —
Корней древесных много ли? О, более, чем днем!
Сумбур ветвей — системою сплошных светопомех.
И выступления совы — художественный смех!

Кто я перед тобою, ночь?

Кто я — перед совой

Твоею? Только человек. К тому же — сам не свой!

О, в этих рощах надо мной хозяин — каждый звук!

Но вырастает ветерок — и страх проходит вдруг.

Спит небо за деревьями в послевечерний час,
Спит стоя, но не двигаясь и не смыкая глаз;
Косящих звезд серебряный дозор зеленоват...
Все спят. Никто не сердится. Никто не виноват.

Сентябрь 1993, июнь 1999

МОГУЩЕСТВО СОЛОВЬЯ

На заре весны, весной зари
Вдруг примолкнет он... И ты замри!
 В горле, выложенном серебром,
 Спит таинственный алмазный гром.
Клюв откроет... Пой! Еще! Еще!
...Ну и маленькое ж это все!
 Ну и серенькое! — не видать...
 Ну и мощное! — не совладать!

На заре весны, весной весны
Липы-ясени потрясены.
 Трель раскатистая заблестит —
 Всю черемуху разбередит!
Лейся! Зарослями ниспадай,
Бей каскадами... Не пропадай,
 Гений воздуха! — чей дивный глас
 Ниже Господа, но выше нас.

2 сентября 1996

О ЧЕМ ГОРА ДУМАЕТ?

Пойдем да подслушаем:

О чем гора думает?

О чем поет чистыми

Ключами подземными?

Зачем солнце к вечеру

Она прячет за спину,

Как шапку с червонцами,

В подкладку зашитыми,

Разбойник нахмуренный?

О чем по низам ее

Шумят дубы темные?

Что шепчут по впадинам

Орешник приветливый,

Ольховник помешанный,

Шиповник запутанный?

О чем в ночи летние

Свистят ветры сонные,

Зачем скрипят соснами

И машут беспamięтно

Черемухой пепельной,

Что сыплется сослепу

В томительном сумраке

На камни горячие?

О чем трава дикая

Молчит как заклятая?

Зачем так ребячливо

И тесно толкуются в ней
Цветки земляничные?

Зачем соловей творит
Зеркальные отзвуки,
Лучи, щелчки, таянье
В тумане и в зелени,
Конец весны праздную?

Пойдем да подслушаем:
О чем гора думает?

1963

* * *

Скалы им озарены
От стены и до стены,
До торца.
Вечно падая, идет, —
Никогда не упадет
До конца.

Повторить бы он хотел
Вечно падающих тел
Вечный риск.
Но в падении своем
Порождает он ПОДЪЕМ —
Бурю брызг!

Страшен сил его запас.
Диво ли, когда и нас
В смене дней
Этот падающий вид
Подымает? Веселит?
На коней!

Всем ветрам наперекор
Мы летим к отрогам гор,
На закат,
И за цоканьем копыт
Долго-долго вслед шумит
Водопад...

Октябрь 1998

* * *

Вот и осень приблизилась.
Даже тени осунулись.
Предрассветная изморозь
Уложила осу на лист.

И лежит на листе она,
И дрожит у нее крыло,
Колокольчик росой светло,
Отсырела стена.

Не сюда ли, не в эти ли
Мы ходили места и часы?
Отчего же не встретили
Мы тогда ни листа, ни осы?

Ни того колокольчика,
Что теперь цепенеет в тени?
Или... только что, только что
Появились они?

Ах, не только что, не теперь
Появились они. Да вот
Мы-то — в двери, они — за дверь,
Мы в ворота, они — из ворот...

Мы их видели много дней,
Да не зоркий бросали взгляд, —
Просто стали они видней
Оттого, что уйти хотят!

Вот и осень приблизилась —
Даже тени осунулись!
Предрассветная изморозь
Уложила осу на лист.

И лежит на листе она,
И дрожит у нее крыло...
Колокольчик росой светло.
Тишина.

22 марта 1965

ВОДЯНЫЕ ТРАВЫ

Эти водоросли — ламинарии,
Безотчетная целина,
Бесконечные комментарии
К вековечной загадке дна!
Их наплывы зелено-карие,
В черных гривах — голубизна.

То в лионском гуляют бархате,
То распустятся в слизь, в кисель,
То растянутся свитком хартии,
Непрочитанной нами досель, —
От Лапландии до Ломбардии
Раскрутившаяся карусель...

В их мохнатой ковровой ветхости
Бездна свежести все равно!
Подымающееся к поверхности,
Погружающееся на дно,
Их несметное множество — редкости
И единственности равно.

Никогда не бывает с кланами,
Не случается так с людьми:
Их бесчисленности ведь не планы,
А единственности сродни!
И опять они замелькали мне, —
Словно плаванье вслед за бакланами
И под низкими хижин дверьми...

Ах, плавучая роскошь хвастливая!
Это лисьих хвостов хвастовство!
Но не вижу, смотря без отрыва, я
Безобиднее все ж ничего,
Чем речная трава молчаливая,
Чем течение неприхотливое
И смиренные тени его...

1982—1987

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Ивану Киуру

Царевна-Лягушка, парчовая спинка!
Осенняя — в листьях дубовых — тропинка.
Но где же разминка?
Скачи! Не сиди! Уходи
К воде, что лежит далеко-далеко впереди!..

Лягушка не слышит. А ей до болотца
Пятнадцать минут проскакать остается!
А ей без воды можно только четыре часа!
Но где ж то болотце?
Хоть лужица! Хоть бы роса...

Часы утекли... У Лягушки минуток
Все меньше... Лягушка! Тебе не до шуток!
Как времени мал промежуток!
Пространство-то как велико!
Вода впереди далеко-далеко...
Далеко!

Скачи! Продвигайся, такая-сякая!..
И вдруг показалась, блестя и сверкая,
Осенняя лужица в бурой пожухлой траве...
Ну, прыгай, Лягушка!
Имей же ты ум в голове!

Лягушка послушалась, прыгнула в воду.
Мы звука прекрасней не слышали сроду!
Конец переходу!

Мы снова спокойны: она
Теперь спасена! Спасена!

...Вся в листьях дубовых, кленовых
тропинка.

Земля холодна, будто в погребке кринка,
Где плавает льдинка. Вода — и того холодней;
Большая, большая,
Как тыква,
Луна отражается в ней.

1988

* * *

В лесу, шагающем по обрывам,
Как стража с пиками по крепостной
Стене, — казался таким счастливым
Внизу —
 вид лесенки приставной!

В лесу, приподнятом над землею,
Игрушек много мы ярких нашли!
Вот-вот — и к морю бы вышли с тобою...
Но к морю выйти — мы не смогли.

Не съехали на подошвах к подножью
Лесному, — где отмель белеет уже,
Где в кружеве пены
Катается с дрожью
Камушков радужное драже;
Не вылупились на Бескрайность Божью.
Не обмерли на ее рубеже.

И это было тем более странным,
Что сыпали с лестницы струйки песка,
Что небо мерцало морским экраном
Сквозь сосны Детского Городка!
Но да не скажет теперь никто нам
(Владельческим или кислым тоном)
Что память радости — коротка!

Ноябрь, декабрь 1999

• • •

Глухой зимы коснеющий триумф.
Подобнокладам, реки на замке.
Вдали снегов извозчикий треух
Простер крыла, как муха в молоке.

Сжимает стужа влагу в кулаке.
Прольет ли ее, пальцами тряхнув,
Весной далекой? Ворон на суке
Молчит, ни слова, — точит серый клюв.

Внутри зимы, в пустых ее сенях,
Я, ворон да извозчик на санях —
Три тени на серебряной стене.

Но от саней давно простыл и след,
А ворон так по-летнему одет,
Что — провалиться! — холодно и мне.

1970

СОВЕРШЕНСТВО

Боюсь совершенства, боюсь мастерства,
Своей же вершины боюсь безотчетно;
Там снег, там уже замерзают слова
И снова в долины сошли бы охотно.

Гнетет меня ровный томительный свет
Того поэтического Арарата,
Откуда и кверху пути уже нет,
И вниз уже больше не будет возврата.

Но мне в утешенье сказали вчера,
Что нет на земле совершенства. И что же?
Мне надо бы радостно крикнуть: «Ура!» —
А я сокрушенно подумала: «Боже!»

1957—1965

* * *

Кто в романтику жизни не верит,
Тот не верит (нелепая туша!)
В *океан*, на земле занимающий
Втрое более места, чем суша!

Но и логику тот ненавидит,
Кто, упершись копытами в берег,
Смотрит в море, — а моря не видит,
Смотрит в небо, — а в небо не верит.

1976

РИСУНКИ ДЛЯ ЧАЙНОГО СЕРВИЗА,
или
Обманутый пастушок

Мы вроде вчера сговорились
Плясать до утра с Амариллис
На нашем Овечьем лугу.
Так что ж не идет Амариллис
Плясать, как вчера сговорились?
Я долее ждать не могу.

Я был бы, конечно, скотиной,
Когда бы с пастушкой Беттиной
С досады пустился плясать!
Но... был бы я — так же — скотиной,
Когда б не сдружился с Беттиной
И начал ей вызов бросать!

Двух песен с Беттиной не спели,
Два круга пройти не успели —
Уже Амариллис пришла!
И, видя, что я ей не верен,
Свой сельскохозяйственный веер
Леандру в сердцах отдала!

А он подарил ей гитару,
Перчаток пастушеских пару
И шелковый зонтик притом.
(Гитара нужна для напева,
Перчатки из кружев — для хлева,
А зонтик — ходить за скотом.)

Весь в розах, в пастушеских бантах,
Побрел я в сарай на пуантах

И — пару пастушеских цитр
Хватив о бордюр балюстрады,
Амброзии выдул с досады
Я чисто пастушеский литр.

И вспыхнул в моих подсознаниях,
Под шляпою в перьях фазаньих,
Типично пастушеский план:
Леандр, легкомысленный скотник,
До женского пола охотник,
Ответишь ты мне за обман!

Вблизи мелового карьера
В долину спускалась портьера:
Я спрятался в складках ея
И, маску достав из крапивы,
Сел ждать, чтобы вместе пришли вы —
Леандр и плутовка моя!

Зачем ты не шла, Амариллис,
На пляску, как мы сговорились?
Почто объявилась не в срок?
А я-то! — я чтил ее свято!
Свидетели — овцы, ягнята,
И розы,
И горы,
И дрок!

31 июля 1996

РЫЦАРЬ ЛАНСЕЛОТ

Жил-был веселый Ланселот.
Имел во всем успех.
Когда смеялся Ланселот,
На нем звенел доспех.

И так как добрый Ланселот
Удачлив был во всем,
Когда смеялся Ланселот,
Доспех звенел на нем.

И оттого, что Ланселот
Во всем успех имел,
Когда смеялся Ланселот,
На нем доспех звенел.

И оттого, что без труда
Родится в латах звон,
Доспех звенел на нем всегда,
Когда смеялся он.

Так смейся, смейся, Ланселот, —
Доспехами звени!
Пускай без горя и забот
Польются дни твои.

Души спокойствием поверь
Изменчивость лица;
Пускай победой каждый день
Увенчивается!

Ползет на приступ вражья рать...
Но правило твое —
Сперва на смех врага поднять,
А после — на копье.

Так смейся, смейся, Ланселот!
Гуди, железный звон!
Да рухнет вражеский оплот,
Да сгинет Гвенелон!

1970 (и 31 марта 1999)

АННЕТА

Составив стихи про Аннету
В разрезе старинных искусств,
В себя заглянул он: ан — нету
К Аннете в нем пламенных чувств.

Бежал не к лесам-водопадам,
Чтоб юную ревность излить,
А к нимфам бежал и дриадам,
Чтоб мучить Аннету и злить.

Простила она? Не простила?
Но к ней на крыльцо наконец
Другое лицо зачастило.
И рад был трактирщик-отец...

Простая история эта
Довольно короткой была:
Большому поэту
Аннета
Другое лицо предпочла.

— Скажите, друзья-незабудки,
Вернутся ли старые дни?
— По нашему мнению — дудки!
Не жди! — отрубили они.

— Скажите вы мне, маргаритки:
В чем тайна и чья тут вина?
— Не длите бессмысленной пытки:
Вас больше не любит она.

Так, может быть, счастья излишку
Не стоило вызов бросать?
Быть может, не стоило
Книжку
Стихов — про Аннету писать?

Рай, верно, прохладен. Ад — душен.
Испытан и выстрадан стих.
А строчки — подобье отдушин.
Но жизнь улетает сквозь них.

8 июля 1998

НОВОСТИ О КОТЕ В САПОГАХ*

I

— Эвона! Кто ж тебя так? — у разбойника шайка спросила.
— Кот по скуле меня съездил, — сказал грабитель угрюмо.
— Кошки дерутся когтями, — артель возразила, — а когтем
Целый синяк вполовину лица никому оставить не можно!
— Так-то оно вроде так. Да на ветку с лицом моим вровень
ЭТОТ вскочил и в скулу САПОГОМ меня двинул!
...Все же, заметив, что руки-то у пострадавшего были
Как бы когтями расчесаны (в традиционной манере),
— Ври — не заврись! — возмущенная шайка вскричала, —
Руки-то, руки тебе он по старинке — когтями!
(Так и от века нормальные кошки дерутся!)
— Нет, — ухмыльнулся разбойник, — нет. Это он меня —
ШПОРОЙ.

1964—1985

II

...В шляпе, в ботфортах — прыгать за мухой летучей,
За ухом — шпорой чесать.

В крошечной сельской гостинице мы задремали.
Только и слышно нам было, как ходит по крыше
Кот в сапогах. Или как, топоча сапогами, с кем-то сража-
ется. (Верно, с БОСЫМИ котами.
Всех бы обуть, — так небось бы и крышу сломали!)

* Из романа «Союз Действительных». Старые эпизоды, пре-
вращенные впоследствии в стихи.

Шпагой врагов разогнав, возвращается НАШ!
Где-то в углу, у горшков, и в моем показался прищуре:
Шпага блестит на боку, — а уж морда-то, морда в сметане!
Видя, что в креслах над книгой заснул его добрый хозяин,
Кот подскочил, — и к хозяину прямо «на ручки» —
Прыг! — не снимая сапог, и при шпорах, и в шляпе
с султаном, —
Скок! — и, свернувшись калачиком, песенку он замурлыкал.

1964—1985

Стихи и песенки из романа
«Союз Действительных»

ОБРАЗЫ БОЛЬШОГО ТРАКТИРА

1

...Я пробиралась в полумраке.
А мужички клубились в драке...
Трактир тонул в дыму и в звуках.
Лишь было видно вдалеке,
Как человек какой-то в брюках
Бил человека в пиджаке.

2

Там, где все храпят вповалку,
Там, где хмель, табак да смог
Весь трактир свалили с ног, —
Мудрено сыскать фиалку!
Но какой-то голосок
Пел ей: «Где ты, мой цветок?»

По какой примете-мете
Мы теперь тебя найдем?
По какой примете — ночью?
По какой примете — днем?
На чужой планете Нете
Или рядом, за углом?»

3

Огонь в очаге оставив,
 Вы заперли хижину вашу,
 Но вновь отпирать не стали;
 Вы просто залезли на крышу
 И дым, из трубы идущий,
 На руку намотали.

Затем, потянув хорошенько за дым,
 Вдруг вырвали (зря не сболтну!)
 Огонь из трубы, —
 Как морковь из гряды
 Выдергивают за ботву...

4

Кто, кто так рано стучится в дверь,
 Да так, что ложка звенит о стакан?!
 Не может быть, чтобы только теперь
 Скончался король Дункан!

...Где ты, сон мой, сон-обетование?!
 Где ты, ветер, из крыла Призвания
 Понапрасну перья не выщипывающий?
 Где тот берег, что я ступней испытывала?
 Где он — мыльный тот пузырь, насчитывающий
 Миллионы лет существования?
 (Он существовал, а я — насчитывала.)

5

Итак,
 наяву,
 Среди белого дня

Пойду подсматрю:
Что делается
во сне у меня,
Когда я не сплю?

Но — образы ночи! —
При свете дневном
Мне вас не поймать,
А к ночи вы снова
Мне явитесь, но...
Солжете опять!

6

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ

Кто там застрял (как художник с картиной
В тесных дверях деревенской гостиной)
Прямо у всех на виду?
Грубый, как пень, но вертлявый, как сводня,
Он превратиться желал бы сегодня
С среднее между цветком и скотиной, —
То есть в морскую звезду.

Но превращается он понемножку
То ли в чурбан... то ли в жбан... то ли в брошку..
Устрица вроде? Но в ней, неотчетливый,
Светит недопревращенный осел..

Экий ведь неповоротливый
Оборотень пошел!

Боги древних!
Вы, что дремали в бурных
Мутных реках; мчали верхом на тучах;
Ты, о царь морей, и ты, величавый
Зевс Громовержец!
Мне ли ведать — где вы ныне укрылись?
Прежде — где таились? Не вас ищу я:
Слова я ищу для нового спора,
Вещие, с вами!

1958—1959

НА ОСТРОВЕ ПАСХИ

I

А по-моему, идолы острова Пасхи —
Это шахматы двух исполинов.
И один исполин подарил их другому,
Проигравшись и землю покинув.

А другой исполин,
Заскучав, перепрыгнул
Вполпрыжка на другую планету
И топорных друзей своих каменноликих,
Как вчерашнюю — бросил — газету.

И стоят истуканы, и даже не помнят —
То ли куклы они, то ли пешки?
Только ветер гудит монотонно и свищет
Над игрищем, брошенным в спешке.

II

Да. Мне кажется, статуи острова Пасхи —
Это шахматы исполинов.
И какой-то народ эти шахматы (с лестниц)
Знай — пилил... И почти распилил их.

Нет! Разгадки добиться и мне не удастся!
Но дичайшие сказки — не сказки,
А древнейшая правда! — Готова поклясться
Истуканами острова Пасхи.

Поручусь: Иппокрена, и Пан, и Сирена
Достоверны, как сода и соя.
Чудеса не обходят меня, —
Ибо верю
(Не всему и не всем, но)
Во все я.

Верю я — не в мошенников
(Даже самых душевненьких),
Не в силки,
Не в замки для железных ошейников,
А в Историю до Мезозоя
И в Поэзии чудо босое.

1 октября 1996

НОВОГОДНЕЕ

Как в королевстве Пирлипат*
Слипаются глаза от смолки
Волшебных снов, — так мысли к елке
Уж начинают прилипать,

И полночь бьет... О, Новый год!
Дай людям отдых безмятежный!
А кто на улицах живет —
Дай валенки и дом ночлежный!

Сургуч оранжевый — письму,
Цветочным луковкам — горшок
(А злобным нелюдям — по рожам!).

Так пусть же будет хорошо
Все то немного, чему
Еще осталось быть хорошим!

1995

* Пирлипат — имя принцессы из сказки «Щелкунчик» Э. Т. А. Гофмана.

ПЕНАТЫ

Мне снились куклы. В платьицах, колеблемых
И розовых, как летняя заря,
Они катались на коньках серебряных
Студеной ночью, ночью декабря.

От царства снов (во многом бесталанного)
Испуганно-усталая чуток,
Я из окошка, помнится, чуланного
Уставилась на кукольный каток.

Серебряное там лилось по синему,
И розовое шло по серебру..
Не переслать ли в явь через посыльного,
Что куклы — к счастью, а коньки — к добру?

Глаза-сапфиры и носы-картошины.
Откуда столько рыцарских сердец
В глухой ночи? Я вглядывалась: кто ж они?!

Пенаты! — догадалась наконец.

Пенаты! (Не пираты, не пирании
Кошмаров!) Это образы людей,
Что в Господа уверовали ранее,
Чем сами это поняли... Ей-ей —

Пенаты! Сомневаться не приходится!
Встретаться с куклами в таких местах,
Как сон, — прекрасно! Образ Богородицы
Степенно проступает в их чертах!..

Пенаты? Значит, Христианство срачивай
С Язычеством? Не бойсь! — не повредит;
Пенаты — это души наших пращуров,
А душами — Господь руководит.

Октябрь 1996

СВЯТОЧНАЯ ФАНТАЗИЯ

Пумперникель с Никербокером
Засиделися за покером.
Из окна у них видна была
Крыша противоположная:
Тополь, облетевший наголо,
Нес ей снежное пирожное.

Пумперникель с Никербокером
Ели каперсы с картофелем.
В это время хлопья выткали
Крышу с дымовыми трубами,
Облицованными плитками,
Точно пряниками грубыми.

Пумперникель с Никербокером
Подрались, как шкипер с докером.
А в окне у них видна была
Та же крыша (в третьем действии),
Переписанная набело
Первой вьюгой Равноденствия.

Никербокер с Пумперникелем,
Баламуты превеликие,
Успокоились и начали
Мыть посуду после ужина.
(А за стеклами маячила
Кровля с лесенкой завьюженной.)

Пумперникель с Никербокером,
Добряки голубоокие,

Чай допили — к синим сумеркам
Под рождественскою елкою.
...В окна другу машет с улицы
Никербокер треуголкою.

Никербокер с Пумперникелем
Были выполнены грифелем.
Крыша — чуть была завьюжена:
На ней лесенка студеная
Серебрилась, как жемчужина,
В виде лестницы рожденная.

Пумперникель с Никербокером
Завтра встретятся за покером...

28 декабря 1997

«ФЛЕЙТИСТ»

Сыграй мне, мой «Флейтист»! — картинка на стене.
Сказать по совести, ты намалеван плохо,
А все же дальний край и давняя эпоха
Из глаз твоих глядят; почти кивают мне!
О, я их узнаю! И как тебе — оваций,
Так мне — не надобно других рекомендаций.

Ты прост. И кружечке уступишь без борьбы.
Но так как твой напев сплетен из многих нитей,
То в нем — и рокот волн, и музыка судьбы,
Брюссельских кружев, слез и пушечной пальбы,
Резьбы по дереву, больших морских открытий,

Событий...

На листе

Ты к северной стене

Прикноплен запросто, но ты

К великой тайне

Причастным кажешься мне перед сном!

Сыграй мне!

Дай голос тишине!

Пусть в ушах моих умолкнут крики дня...
Пусть лавочникам ночь манжеты кружевные
Привьет, смеясь... Хочу у них сменять на сны я
Шум повседневности, обидный для меня!

Сыграй мне, мой «Флейтист», — картинка на стене!
День знойный, трудный был... Потешь ты хоть во сне

Прелестной песенкой, разученной неплохо!
Знарок заметил бы, что ты аляповат.
Но дальняя страна и славная эпоха
Из глаз твоих глядят.

Сходня. 15, 18 ноября 1973

ЧЕСТЕРТОН

Просили его унывать,
Молили его унывать,
Но он стоял на своем
И не хотел унывать.

Золя ему в ухо жужжал,
Что мир отменно блудлив;
Толстой резину тянул
Почти на тот же мотив:

Что мир, конечно, хорош,
Но счастьем в нем — не бывать...
А он — стоял на своем
И не хотел унывать!

Просили его унывать,
Молили его унывать.
«Отстаньте!» — он им отвечал
И не желал унывать.

Просил его царь Соломон,
Молил его скальд Оссиан,
Просили — валялись в ногах! —
И Фрейд, и весь его клан.

А там уж и Старость. «Пора
Позиции, — шепчет, — сдавать!»
Но он
Настоял на своем
И не захотел
Унывать.

4, 6 ноября 1997

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ

В. А. Жуковскому

Вы Утешитель.

Вы, как патер Браун!

Дыханье Ваше в Вышних Бога славит.

И скорби здешней слишком тяжкий мрамор,

Как снег долин, под Вашим солнцем тает.

Вы — Утешитель. Вроде чуждый Мому

Достоинством простым и монолитным.

Хотя порой смеетесь несмешному,

Как добрякам присуще беззащитным.

Да, это очень красочная мета! —

Когда звучит — не демона, не фавна, —

А чистый честный детский смех Поэта

Над шуткой, что не всякому забавна.

Не так ли горесть Ваша (совокупно

С отвагой Вашей!) многим недоступна?

За карликовый вензель на эмали

Стих Ваш парнасский, движущийся крупно,

Иные принимали!

Не Вы стояли в позе над толпою —

Толпа пред Вами в позу становилась.

Та, что, подняв кумира над собою,

Им «снизу» помыкать приноровилась.

Всегда Вы что-то «предали»! То скотство,
То Идеал... То — старое знакомство...
Чужой натуры с нашею несходство
Считать привыкли мы за вероломство.

Будь ты хоть гений — разве вправе Гений
Владеть самостоятельностью мнений?
Во лбу семь пядей?

А на дню семь пятниц
Сменить изволь, как семь бумажных платиц!
Другие — всей толпой идут на это,
Лишь ты один уперся против света!

Но думам вольным не закрепоститься.
А рожь цветет,

А лютик золотится,
В плюще бурлят речные ветры, вея...
Не странно ли, что новый век родится
Не из твердынь, а из «Беседки Грэя»?

Где лист баллады, камушком прижатый;
(Баллады без балласта — улетают!);
Где, преданные Вам, как медвежаты,
Две девочки у Вас в глазах читают.

Дар Ваш высокий грустен без юродства.
Свободен, — но Отечеству любезен.
Содружествен. Но в рощах первородства
Лишь соловей — соавтор Ваших песен.

...Так

счастью учит Феб, а жизнь — терпенью.
За трудолюбьем гордым — год из года —

За божеством слепящим — ходят тенью
Пустой досуг, постылая свобода.

Но Вы прозренью брат:

Вы патер Браун.

Раденье Ваше в Вышних Бога славит!
Пловцам открыта Ваших песен гавань
И примет всех, кого судьба оставит.

Октябрь—декабрь 1992

ВАЛЬТЕР СКОТТ

Старинных книг мерцают корешки,
Сверкают в сумерках веселой позолотой.
Блуждает сок таинственной строки
Под темною корою переплета.

Цветы имен навывкате блестят,
Как будто в тень читать зовут кого-то,
И в полутьме цветут и шелестят
Душистые преданья Скотта.

Он мне сейчас расскажет обо всем,
Чему поэты удивленно рады:
Польются под решетчатым окном
Старинные шотландские баллады,

Начнется ветер, музыка, и дождь,
И лязг оружия под глухой стеною,
И ночь, многозначительная ночь
Наполнится глубокой стариною;

В ней фолианты сдвинутых стволов,
В ней тысячи тропинок тайниковых,
В ней свет жасмина, дрожь колоколов
И взрывы роз у стен средневековых.

Раздастся над дороге звон копыт,
Оконце вспыхнет всаднику навстречу;
Там кто-то вечно ждет и никогда не спит,
И вечен запах роз, и вечен синий ветер...

Все в книгах вечно. Только в них одних!
Нет ничего бессмертнее бумаги:
На ней навеки (встретившись *на миг!*)
Оцепенели скрещенные шпаги...

Окончив книгу — вновь ее раскрой,
Вновь перейди на первую страницу, —
И незабвенный умерший герой
Для славных подвигов — опять родится!

...Старинных книг мерцают корешки:
Сверкают в сумраке резною позолотой,
И шелестят страницы-лепестки
Душистым шепотом
Преданий Скотта.

1955

Где Байрон и Шекспир уснули!
Но с новых творческих планет
На землю старую взглянули...
И нет эпохи, где их нет!

Так что же мысль моя томится?
И словно жаль чего-то мне...
И сердце глупое стремится
К неповторимой старине.

1955

В ТОМ ЛЕСУ

Там, где коней купанье,
Там, где стволов по бликам
Видно переступанье...

В том лесу,

где мы болотце по бревну переходили,
Мы конца бревну искали — и концов не находили:
В тех краях бревно тонуло, где не видно было края
В зарастаньях, застреваньях и в дурманах иван-чая.

Волчья ягода, орешник, белый гриб, иван-да-марья
Всю дорогу занимали наше бодрое вниманье;
Папоротник (уходящий — сам — неспешно в завитушку)
Нас привел к воде просвета на душистую опушку.

Шлюпку озеро украло и опять к песку прибило;
С мелодическим журчаньем, с плеском привязь теребило,
Гипнотически зубрило заклинания... Купавы,
Сдержанны и желтоглавы, нам кивали из канавы.

Ряд китайских мандаринов, —
кукол с водяным заводом
Их цветы напоминали, принудительно кивая,
Знаками изображая путешествие по водам,
Но приветствиям поверить повода не подавая.

Там была какой-то странной, слишком толстой паутина —
Из капроновых нежданно-современно-жестких нитей...
Как боялась я увидеть этой сети господина!
Тоже слишком современный — да не выйдет из укрытий!

Зверобой золотомедовый плавал в мареве от жара.
И, задумчив, у излуки, видный близко через реку,
Там стоял (как я решила) «дом безумного Эдгара», —
Добрый сруб американский девятнадцатого веку.

Как других нельзя отвадить от пиона и от флокса,
Так — от диких трав смиренных оторвешь себя едва ли!
На стихи о зверобое в это время ты отвлекся,
А меня — лесного дома чары к месту приковали.

Что-то в нем от пуританства наблюдалось. И от ловли
Счастья вечной... Но не столько в бревнах стен,
в архитектуре,
Сколько в дымке, трепетавшей на волнах рифленой
кровли,
Словно к нам его пригнали откатившиеся бури.

— Автор «Ворона», вы дома?

Кто-то скрипнул: «Не надейся!»

Это ворон, пролетая, снова крикнул: «Здесь нечисто!»

Как боялась я увидеть *настоящего* владельца!

Как признать я в нем страшилась местного авантюриста!

За одно лишь выраженье на лице его — под стражей
Продержала бы я шельму все оставшееся лето!
Пусть он лучше не выходит!

Пусть не портит мне пейзажей,
Так как занял незаконно дом великого поэта!

1982—1986

ДВОЕ
Баллада

Два ручейка в ущелье —
Шелли и Мери Шелли*, —
Вырыв ущелье шире,
Вырваться мы решили;

Слившись в поток единый,
Даль проницая взглядом,
Дна (да и дня!) серединой
Об руку мчатся рядом.

Об руку мчатся, мчатся, —
Облаку поклоняться,
Роц корневищным силам,
Бабочкам пестрокрылым,

Солнцу на хмеле диком,
Там, где коней купанье,
Там, где стволов по бликам
Видно переступанье,

Где лабиринт из хижин,
Лестниц, мостков, сараев

* П. Б. Шелли — крупнейший английский поэт-романтик прошлого века. Одно время исповедовал, однако же, нигилизм, постулаты которого принимала и жена его — Мери Шелли (Мери Уолстонкрафт), автор знаменитого «Франкенштейна». Поэт Шелли погиб молодым: в бурю утонул в озере.

То до трясин принижен,
То — воспарит на сваях...

...Вместе и пораздельно
Льются неканительно
Зримые издалека
Два молодых потока.

Тучи повечерели,
Стала тускнеть округа...
Шелли и Мери Шелли,
Видно ли вам друг друга?

Шелли!
Твой гений странен:
Светел, — а вверен ночи, —
Той, — без краев и с краем,
Тоже бескрайним, впрочем.

Шелли! Ужели месяц —
Серп над готовой жатвой?
Демоны ждуг... Не смейся!
Их раздражает дар твой!

Жар твой —
готовой жертвой
Видится им с досады...
Демон — ведь он не джентль-
мен! — так не жди пощады!

Шелли, отринь безверье, —
Верь, коли сердце любит!
Мери!
Не пестуй зверя
Ночи, — он вас погубит!

Пусть малыши в кроватках
Требуют страшных сказок:
Ужасы в духе Радклифф —
Лишь для счастливых — праздник.

Лишь для наивных — нега,
Для не видавших страха...
Эй, не лети с разбега!
Не наскочи с размаха,

Мери, на грозный фантом
Горя, беды великой!
Станным, как сон, талантом
Гибели не накликай!

Где там! Не слышат, льются...
Свет берегут. Однако
На уговоры мрака
Исподволь поддаются...

Два ручейка ущелья —
Шелли и Мери Шелли
Шепчут: «А мы решили, —
К морю бежать решили...»

Кто их удержит, кроме
Чуткой души, Психеи?

Дети!
Не надо к морю!
Вас разлучат стихии!..

Смутная ночь — предтеча
Бедствий... Одно спасенье:
Вечная — в Вышних — Встреча, —
Вечное Воскресение.

Август 1992

ГОРШКИ (Древность)

Где душевность, там и задушевность.
Где вчера — уж там позавчера...
Старина мне нравится! Но древность —
Не моей, знать, пасеки пчела.

С древностью мне неизвестны узы.
Страх берет: о чем с ней говорить?!
Лишь горшки для варки кукурузы
С ней меня умеют примирить.

...Не дрожит, не вьется воздух синий.
Разум спит. Без площадок, без горшков —
Вьется лишь с выжженной пустыней
Жаркое течение веков.

Но едва, среди других раскопок,
Выступят они передо мной —
Снова я увижу: белый хлопок,
Черные бобы, пунцовый зной...

Пламени угаснувшего вспышки
Древние горшки хранят в себе, —
Черные и алые, как фишки
В двух киклопов шашечной борьбе.

И уж нет вопроса: «Древность, где ты?» —
Есть роптанья, возгласы, шаги,
В кольцах пара — горы, как планеты,
Пашен восходящие круги...

Вот я руку вижу... Вот запястье...
Вот плечо... Пустив глаза пешком
Кверху (о, находчивое счастье!), —
Вижу лик стряпухи над горшком.

Ценно и уже теперь не редко!
Взглядом, возвращающимся вниз,
Вижу, как в котле мешают веткой
Белоснежный изжелта маис...

Далеко ль до века золотого!
Как разбойники Али-Бабы
Из кувшинов выпрыгнуть готовы,
Так в горшках готовятся бобы

Древности, полопавшись от жара...
Чу! — щелчком фасолинка одна,
Выпрыгнув из бурного навара,
Заскочила в наши времена.

Здравствуй, древность!
Снова козни ткутся...
Закипает варварство в башках...
Камушки на дне ключей толкутся,
Как фасоль, бурлящая в горшках.

Но встает бескрасочной, усталой
Древность краж, захватов, свар, проблем...
Было место ей в горшках, пожалуй,
Но в башках селиться ей — зачем?

Кто-то сплющил сферы! Ойкумена
Теменем уперлась в потолок.
Смена поколений? Нет. Подмена.
Измененье курса? Нет. Подлог.

Оттого ли, что ходьба по кругу
Честного развития лишена, —
Сколками скалы грозят друг другу
«Интеллектуалов» племена.

Ржание над выстраданным Словом,
Ругань — мезозойщине под стать.
Новый век сложился? Будешь «новым»,
Если классики-то не читать!

К Заратустре шли? Пришли к горилле!
Ох, как трудно древность полюбить!
Все горшки, что с ней меня мирили,
Мне о камни хочется разбить!

Но... шучу! — не бью ни чаш, ни блюдец,
Ни горшков. Вот уцелей как раз,
Маленький чумазый миролюбец,
Древний спутник убиенных рас!

Гениально прост. Чуть-чуть печален.
И молчать мастак. И говорить.
Скромно хвастать пурпуром окалин
И, взбурлив, историю варить.

3, 29 мая 1996

КНИГОЛЮБ

Между мудрых вопросов бывают вопросы некстати.
— Что читал Иван Грозный?
— Да когда ж ему было читати?!
На пол сброшен Сенека, недочитан Светония свиток..
Так и рвут человека меж читалкой и комнатой пыток!

Да, большая толпа в его комнатах книжных
возилась..
На замашках царевых, наверно, сие отразилось;
Как-никак, среди КНИЖКОВ чинились
кровавы затеи!
Да не все книголюбобы такие уж вам книгочеи.

Жертв истошные вопли неслись из подвалов протяжно.
Что читал душегубец? Не знаю. Мне как-то не важно.
Что писал? Не берусь рассудить. Вероятно, указы.
Ряд угроз. Патологию. Страшные длинные фразы.

Но, склоняясь, как над розана недорасцветшею
почкой,
Ищут нежность потомки под грубой его
оболочкой.
И среди его свойств (меж пытаемых криком
и воєм)
Образованность! — вот что запомнилось
больше всего им.

Мирный нрав у меня... Не могу же назвать «шелудивцем»
Я того, кто писательства знак начертал
над всеобщим убивцем,
Поэтическим перлом почтя нецензурщину всяку
В бесноватом письме, продиктованном
думному дьяку.

1985

Из цикла «Новое о Насреддине»

ТРИ ОТВЕТА

Узнай, Земля и Океан,
И вся Вселенная в придачу:
Сегодня грозный шах Гассан
Решает сложную задачу.

Сегодня в зал из янтаря
К нему, при пенье соловьином,
Ведут бродягу-бунтаря,
Который знался с Насреддином.

Бродяга. Но бунтарь ли он? —
Установить необходимо!
Бунтарь? Так будет он казнен
За неимением Насреддина!

(А Насреддин, прошу учесть,
Довольно крупно провинился
Затем, что шаха превознести
В певучих бейтах поленился.)

Ответ бродяги должен быть
Находчивым в своей подаче!
Да так, что за прямой — казнить
А за уклончивый — тем паче!

— Скажи, бедняк из бедняков:
Что знаешь ты о Насреддине?
— Что у него бока — с боков,
А голова — посередине.

— Толпа!
Уклончив ли ответ?
— Уклончив!
— Нет!
— Уклончив!
— Нет!

— Но ты с ним, верно, говорил
(И этим верность мне — нарушил)?
— Клянусь движением светил,
Я говорил, но он — не слушал.

— Толпа!
Уклончив ли ответ?
— Уклончив!
— Нет!
— Уклончив!
— Нет!

— Ты говорил с ним? Но о чем?
Рассказывай! Повелеваю!
— А говорил я с ним о том,
Что говорить с ним не желаю.

— Толпа!
Уклончив ли ответ?
— Уклончив!
— Нет!
— Уклончив!
— Нет!

«Как быть? — подумал грозный шах,
Допрос прохожего закончив, —
Нет прямоты в его словах,
Но разговор был неуклончив...

Я ждал зыбучего, как сон,
Или железного ответа,
Но не подумал я, что он
Объединит и то, и это!»

— Ну что, бедняк? В конце концов,
Не все властители жестоки.
И ценят Красное Слово
На очарованном Востоке!

И шах бродягу отпустил
Благодаря его ответам,
Не разглядев, что это был...
Сам Насреддин по всем приметам!

1958

СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ

Судья Джаффар и Насреддин
Глядели вдаль, как пилигримы,
А Зульфия, жена судьи,
Меняла блюда перед ними.

И Насреддин сказал: «Сейчас
В расцвете споры и задачи...
Посмотрим — у кого из нас
Воображение богаче!

Люблю загадывать и я —
Такая у меня замашка...
Ну что вам кажется, друзья,
Когда вы видите барашка?»

«Что тут гадать! — сказал судья,
Сливая чай из разных чашек, —
Когда барашка вижу Я,
Мне представляется... барашек!»

«Алла! — вскричала Зульфия, —
Ай скудоумие какое!
Когда барашка вижу Я,
Мне представляется — жаркое!»

А Насреддин сказал: «Друзья,
Я к делу этот спор приближу:
Когда барашка вижу Я,
То я его... уже *не вижу!*»

1958

АДАМ И ЕВА

— Нет! — сказала Ева. — Я упряма:

Я не выйду замуж за Адама!

— Но почему и отчего? —

Скажи мне, будь добра!

— Да он калека! — у него

Недостаёт ребра.

1976

ЗАПУТАВШИСЬ

— Имя Натали ронять во мненье света
Стыдно и грешно; она — жена поэта!
— Разве?! а по мне — у добряка Ланского
Не было к стихам таланту никакого...

Май 1999

ЧТО ЕСТЬ ГРЕХ

Перед неграмотным блеск знаний обнаружить —
Вот грех! Божиться — грех. Но грех — божбу и слушать.
Грех — клясться клятвою. (Особенно тогда,
Когда заранее решил ее нарушить.)

10 сентября 1992

ЛОТОФАГИ

И там, где Фракия свободно простиралась,
Ходить во фраке я могла б во время оно.
И если ткань платка в волнах не простиралась,
Я спрятала б его (при виде листригона)

В цилиндр! Трепещущей ответственности стержень,
Как шпагу, проглотив, ходила бы по струнке.
Так сильно то, что есть, и то, что было прежде,
Сковало мысль мою и давит на поступки.

Но там, где, лотосом питаюсь, лотофаги
Лакают сок его с отменным аппетитом,
Я попросила бы и мне отлить полфляги,
Дабы наклюкаться в собрании открытом,
Удостоверившись, что человек беспечным
Хоть раз, да может стать — на зло заботам вечным!

1959—1968

ВЕЧЕР С БУЗИНОЙ

У ягод бузины не вкус, а кислый чад,
У лиственных глубин — лазоревость угара,
Как будто, истопив прохладами очаг
Июня, истопник закрыл заслонку рано!

В тех зверских кисточках — томатный зной коралла
И едкость перца есть! И — в сизых ободках
Тумана — все они краснеют, как в очках
Совиных (к сумеркам), — и огненно, и вяло.

Пресытясь красками, слабеет летний день.
И детство, крадучись, опять приходит к нам.
Ну как же! Красота всегда вмещает пытку!

Ведь там, куда сейчас оглядываться лень,
Не только яркость; был на кой-то нужен нам
И желчный привкус «бус», наколотых на нитку!

18 мая 1995

* * *

— Кто ты? Из добрых или злых?
Ответь, поэт, кто ты такой?
— Я хуже, чем в стихах моих,
Но лучше, чем в молве людской.

3 июля 1997

СОН В ДОРОГЕ

Памяти Радищева

Во сне я был царем.
Высокие чертоги
Сияли вокруг меня убранством золотым.
Заранее в раю живут земные боги;
Я жил в раю земном. Я Богом был земным.

Но не архангелы вокруг меня летали,
Не серафимов там теснилася толпа:
Смиренные рабы моих велений ждали
(К задворкам оттеснив мятежного раба).

Я первого из них послал на подвиг бранный,
Второго — милостыню царскую творить,
Доверив третьему весь окоем пространный
Державе мирно покорить.

Когда ж рабы мои, не выказав роптанья,
Считая пустяком тяжелый дальный путь,
Пускались выполнять мои предначертанья,
Самодовольствие мне распирало грудь.

И вдруг... как будто снег пошел в толпе
придворных...

Под сердце ужас мне закрался ледяной:
Прекрасна и страшна, в своих одеждах черных,
Внезапно Истина предстала предо мной.

«Ты слеп, — она рекла, — не видишь, где
и кто ты!
Дай, бельма отыму с обманутых очей!
Не на сирот и вдов пролил твои щедроты,
А на бесстыдный блуд их бросил Казначей!

Военачальник твой в жестокости бессвязной
Твоих же воинов крушит, а не врагов!
Твой Мореплаватель резвится в луже грязной, —
В пороках плавает не дале двух шагов...

Ты видишь? Вот кольцо. Возьми его на память
О голосе моем. Внутри кольца шипы...»
И, жалящий металл на мой надвинув палец,
Пропала в трещине раздавшейся толпы.

И понял я, прозрев, сколь жизнь моя презренна!
Кольцо же мой сустав сжимало, как змея...
И в мерзости греха, и в тине по колено,
И по уши в крови себя увидел я.

А рядом светска чернь, — за недостатком лоску
Себя украсивши куриной скорлупой, —
То — шляпкою вперед — вгоняла гвозди
в доску,
То в нечестивый скок пускалася толпой...

Я зрел, как, срезаны под корень беззаконьем,
Просители — в дверях судейских — шапки мнут,
Как пахарь за плужком поковылял по комьям,
Как по спине его прошелся трижды кнут...

И, Севера прозрев далекое свеченье,
И старца в хижине, укрытой мхом седым,

Всех тронов и венцов я вспомнил назначенье
И, старца полюбив, склонился перед ним.

Тогда, не в силах снести огромность откровенья,
Проснулся... Вижу — ночь, ящик да конь гнедой...
А слезы по лицу — все той же цепи звенья! —
Все льются, все бегут горячей чередой...

Забыл, однако ж, я
(Обманут грезой сонной),
Что люди слабые, привычные царить,
Не ищут истины и не страшатся оной,
А истину и ложь стремятся примирить.

Я тот же самый сон увидеть мог иначе.
В картинах более житейских и простых:
Не всяк вельможа зол.
Цари бывают зрячи.
Но Истина бежит чертогов золотых.

Сходня. Лето 1975

ПОЭЗИЯ

Не в том, какого колорита
Ваш тон; не в том, какой вам цвет
Милей, — оракулом зарыто
Ручательство, что вы — поэт.

Вниманье к тем, чья жизнь забыта,
Чья суть забита, чей расцвет
Растоптан злобно, — вот предмет
Заботы истинной пиита.

Поэзия есть область боли
Не за богатых и здоровых,
А за беднейших, за больных.

А там — едино: голубой ли
Иль рыжий; вольный иль в оковах;
Классический иль новый стих.

80-е гг

ТРЕТЬЯ КОРИННА

«Не пей отвар из неизвестных трав,
Страшись влиянье гениев усвоить:
Оно тебе не меньше будет стоить,
Чем три наследства — пасынку без прав».

Так я должна была себя настроить
В ребячестве еще! Но, не поняв,
Как толщу моря может шторм утроить,
Я не проверила мой батискаф.

С кем совещалась? Лишь с учителями
Души своей. Хотя они и сами
Не знали в жизни выходов простых.

И что приобрела на их примере?
Находки — о, поменьше, чем у них,
Но... их потерям — равные потери!

1990-е

ПЛАКАЛЬЩИЦА

Что не плакальщица я, не причитальщица,
Не рыдальщица, сердцам не надрывальщица,
И к чужому-то я горю не привальщица,
И волос-то на головушке не рвальщица!

Не люблю я нашу плакальщицу Фёклушку:
Она ходит бережливо, как по стеклышку,
Поколыхивает черною одежею,
Юбкой пасмурной да шалью непогожею.

А и смотрит она, Фёклушка, иконою,
А лицо-то у ней воблино, копченое,
А зовут-то ее, черную палачицу,
Где самим бы надо плакать, да не плачется!

А вы гляньте ей в глаза: они сухим-сухи;
Суше камня, суше ветра, суше засухи!
Аж до боязного сухо, до песочного!
Никакого дуновения проточного.

На крылечко-то ничком она бросается,
Лбом-то бьется, да слеза не вытрясается,
А как не было бы Фёклушке заплачено,
Вот тогда бы наша Фёклушка — заплакала!

1957—1982

ОТЗЫВ НА ОТЗЫВЫ

Я убедилась, что ни в разворачивании наполеоновских войн, ни в той войне Северных и Южных Штатов... равно как в изнурительных битвах Алой и Белой Розы — я не повинна ни сном, ни духом...

(«Союз Действительных», 1965 год)

Пример бесчеловечности плачевной
Я вам являю в опытах моих,
Вставая то зверюгой-Палачевой,
То бледным эльфом декадентских книг;

Пигмеицей в добре, в зле — Каланчевной,
Как вам когда ловчей... Встает мой стих
То призрачностью замков родовых,
То себялюбья скотскою харчевней.

Что только мне ни ставилось на вид!
Сдвиг звезд... Несходство города с деревней...
«Там человек сгорел!» — неслась цитата...

Да как же я могу быть виновата
В злодействах ваших, если я пиит,
«Оторванный от жизни повседневной»?!

1980

• • •

Ивану Киуру посвящается

Художник, незнакомый с поощреньем,
А знаешь ли? — в тени пожить не грех:
Не ослепляясь счастья опереньем,
Мир, как он есть, увидеть без помех.

Негромким смехом встретить грубый смех,
Злорадство — ледяным обдать презреньем...
Нас невеликость наша высшим зреньем
Снабдит. И высший нам суждён успех.

Как хорошо, с победою помешкав,
С насмешливым поклоном взять реванш!
Так Гулливер — игрушка бробдингнежцев —
Мог разглядеть морщины великанш,

Чья красота считалась в Бробдингнеге
Вершиной безупречности и неги.

1963

ВОКАЛИЗ

Тип стихотворца есть: не то он роза,
Беспомощно трепещущая в бриз,
Не то лиса, свалившаяся с воза
(Смахнув сперва хвостом всю рыбу вниз, —

Ее алчбы, да не ее привоза!).
О, этот, голосами дохлых лис
В поэзию вносимый, вокализ!
О, эта вечно-жертвенная поза

Воротников растянутых! Не то
Пропавших дев! Нет. Честных, как никто,
Святых! Которых самоотречение
Ни из чего не видно. Вроде спят,
Но в щель ресниц, ракалии, следят —
Какое производят впечатленье!

21 мая 1989

ШЕДЕВРЫ

Грядущему в пример, бывшему в порицанье
Толпа искусников явилась в наши дни:
На дождик без воды, на звезды без мерцанья
Похожих — тьму вещей придумали они.

Возникли царственно в итоге их возни
Пальто без пуговиц, бубенчик без бряцанья,
Картинка с озерцом (но не для созерцанья!),
Скульптуры-призраки и двери-западни.

Известняком фарфор становится обычным;
Хамеет с голоса; трубит косноязычным
Чревовещателя обманутым нутром,

А вместо «яо-цзынь», звеневшего приятно,
Он выговаривает: «Разрази вас гром!»,
«Анафема», «Балбес» и... то, что непечатно.

1986

* * *

В долгах мы. Как Сервантес! В виде шутки —
Кому он должен был — давай считать:
Жене-пройдохе. Дочери-малютке.
Гутьерресу, умеющему ждать.

Родителям. Далі-Мамі — пирату.
Царя Гассана властной пятерне.
Казне. Святому братству. Просто брату.
За хлеб и воду в долговой тюрьме.

За путаницу при налогосборе.
За свет в окошке. За корабль в море.
Ну а ему? За подвиги его?

За ту, в боях простреленную, руку?
За «Дон Кихота»? За добро и муку?
Ужель никто не должен ничего?

1982

Я ПОНИМАЮ ВАС!

Достойный дю Белле писал из Рима другу,
Что мало пишется, что вдохновенья нет.
Но звонко между тем сонет сонету вслед
Из-под пера его летел, как вихрь по лугу...

Что это значило б? Неужто лгал поэт?
И, ловко пряча взлет, изображал натугу?
Нет. Просто... он не мог вменить себе в заслугу
Без чувства РАДОСТИ набросанный терцет...

Сама поэзия «не в счет», когда унынье
Ей точит карандаш. Когда забота клинья
Вбивает между строф. Растет стихов запас...

Но если качество творишь без увлечения,
То и количеству не придаешь значенья.
Высокочтимый мэтр, я понимаю Вас!

После 20 июня 1993

КАВЫЧКИ

Находка (в виде исключения)
Пришла мне в виде... изречения,
И напечатать я ее решилася.
Но мой корректор по привычке
Забрал слова мои в кавычки,
И авторства над ними я — лишилася!

Не в первый... — смилуйся, Юпитер! —
Не в первый раз работник литер,
В кавычки заковав мои создания,
Тем самым, с твердостью во взгляде,
Уводит их к чужому дяде...
Заветнейшие мысли, — до свидания!

Кто знает, — встретимся ль мы снова?
До своего, как до чужого,
Уж мне теперь тянуться — мили милевы!
...И в неизведанные дали —
Кавыч, кавыч, — заковыляли...
Знать, понапрасну *выстрада*ны были вы?

Решив, что вы — добыча света,
Что вы *ничьи*; что — где уж мне-то
До первородства авторски-спокойного —
Мне учинили этот вычет...
Где раскуют? Где *раскавычат*
Вас, для кого-то *более* достойного?

Зато — кавычливости мрежи
И кандалы — припишут мне же!
Но я спрошу: зачем преувеличивать?
На кой мне к базису *надстройка*?
Какой дурак — дурак настолько,
Чтоб собственные мысли *закавычивать*?

...Идет весна в зеленой пряже:
Кто на прогулке, кто — на пляже...
А я, клеймя моих злодеев кличками,
(Пусть без меня проходит лето!)
Сижу, бледна, с утра одета,
Не пью, не ем; веду войну с кавычками...

А кто мне выправит не *эти*,
А *те*? Затерянные в свете
И вовсе магазинные издания?!
Зима. В снегу стоят бульвары...
Я выправляю экземпляры.
И жизнь моя достойна сострадания!

Январь 1999

РОМАНТИКИ И РЕАЛИСТЫ

Ослиным стадом — и-го-го! —
Помчались, — топчут как попало
Всех Бронте, Диккенсов, Гюго —
Чтобы романтики не стало.

Но и у них, «реальных», есть
Мечтанье: плющ подвесить к дому,
Всех обольстить и всех обвести...
(Романтики — но по-другому!)

Так — правдолюбцам и лгунам —
Вся жизнь показывает нам,
Что реалистов не бывает!

И над пустейшей из химер
«Реалистический» Флобер,
Как Вертер, слезы проливает...

1978—1993

ВЕЩЬ НЕ В СЕБЕ

Возникла небывалая сатира:
Не для народа, а для сильных мира!
Есть «вещь в себе». Но эту отчего-то
Мне *вещью не в себе* назвать охота!

1 июня 1997

ЧЕГО ЖЕ БОЛЕ?

Мы вам «обещали» (по вашему мнению)
«Стихами — так много! А где выполненье?
Где в сущее взнос долгожданный?»

Но мы не рабы. Ни в каком смысле слова.
И мы вам не можем таскать (за «здорово
Живешь») из огня каштаны.

Остаться в веках обещал Гораций
И выполнил. Но не обязан стараться
Свой Памятник несть на спине вам

В СТИХАХ — обещанье и есть выполненье,
Когда в них — Призванье. Когда в них —
волненье,

Борение спазма с напевом,
И смех,
Опаляемый гневом.

5 августа 1993

И О ВНЕШНЕМ

Наружность гениев изменчива, как море:
Есенин то хорош, то плох. Один портрет
С другим не вяжется! Лицо в одном наклоне —
Одно. В другом — оно совсем другое! Свет

За облик борется, а тьма — за силуэт
Марины. То она, дорической колонне
Подобная, стоит. То — с легкостью каноэ
По водам жизни мчит... Но взмах! — и тайны след

Простыл... И в сушу вдруг уткнется неказисто...
Лик Лермонтова то в гримасе исказится,
То звездной нежностью оденутся черты,

И вспыхнет грусть в очах прекрасных богомольно...
— Да он почти урод! — один вскричит невольно,
Другой найдет в нем то, что лучше красоты.

1971—1992

ЗОЛОТОЙ ТРЕЗУБЕЦ

I. Догадка

Наш старый агроном был раб высокомерью.
В рабочий перерыв он задал мне вопрос:
— Ты веришь в равенство? Вон что... А я не верю.
И пальцев пятерню мне сунул чуть не в нос!

Нет, он не сплел их в то, что всех надежд потерю
Изображало бы и всех крушенье грез;
Он просто указал, уча меня, тетерю,
На их различный вид и на неравный рост.

— На! Уравняй-ка их! — ...И тут лучом неожиданным
Догадка вспыхнула в уме моем простом,
Что сам-то он себя не числит Безымянным,
Что ИМЕННО СЕБЯ он мнит Большим Перстом.

Что значит — интеллект! Мы для него — мизинцы:
Ему, читай, рабы, а куму — челядинцы...

1989

II. Золотой трезубец

Единственная — три-единственная! — вещь
(В балласте баррикад — небесное богатство),
Которую нельзя на вздоры перевести,
Была: Свобода, Равенство и Братство.

Как странно, что теперь, когда из баррикадства
Все вещи вырвались — и рухнули как есть,

Нам помешала Та, в которой вечность есть!
В которой нет зато ни лжи, ни святотатства, —

Свобода, Равенство и Братство! Золотой
Трезубец гласности; защита равноправья;
Наследство гениев и средство от бесславья!
А впрочем... жадны мы до Вольности святой.

Но в миг Свободного расхвата лучших платьев
Ты не подсовывай ни Равных нам, ни Братьев!

21 июня 1993

III. На отрицание равенства

Нетрудно равенство найти в своем кругу
Меж тех, кого мечта, судьба и предпочтенье
Связали поисками общего растенья
И общих раковин на белом берегу.

А ты найди его, как шпильку в том стогу,
Среди стихийного судеб хитросплетенья,
В космичности несходств, неродств, несовпаденья,
В толпе хромых, кривых, сгибаемых в дугу..

«Свобода, Равенство и Братство»! За бутылкой
В их триединую природу тыча вилок
(Как будто это все — твой личный кресс-салат!),

Напрасно мнишь разъять расчетливостью дикой
Единственную весть парижских баррикад,
Поднесь оставшуюся честной и великой.

21 июня 1993

НЕУВЯЗКА

Со свиным рылом —
да в калашный ряд?

Простонародное

Как на брусках из чистого сапфира,
Точа свой слог на образцах Шекспира,
И Пушкин и Уайльд считали годным
Мешать высокое с простонародным.

И... вот уж вы болтать берете право,
Что идеал рождается из сплава
Высокого и НИЗКОГО!

Но не из
Высокого и мерзкого, надеюсь?

Надеялась, но — тщетны упования!
Вы тоже бойтесь разочарования,
Когда суется, гордые затеей,
В калашный ряд... с классической камеей!

1987—1993

ВОЛШЕБНИЦА И ОСЕЛ

«Не спешите записывать в книгу острот,
Что не в каждой лягушке царевна живет
Василиса;
Спор с царевной не всякому и по плечу..
А простую лягушку — пинай не хочу, —
Веселися!»

Напряженно волшебницу слушал осел.
И чтоб к действию он эту байку не счел
Руководством,
Та добавила: «Счастье несчастьем сродни.
Так не смейся же ни над величием, ни
Над сиротством».

Ноябрь 1996

* * *

Не сам сонет растаял в блеске лунном,
А давняя сонетная пора:
Древесный сок извечно будет юным,
Хотя веков крепка на нем кора.

Застыла ода идиолом чугунным,
Элегия уходит со двора...
И лишь сонет — еще бежит по струнам,
Еще дрожит на острие пера!

Он жил давно. Но это не причина
Вновь не ожить ему — для новых тем.
Его конец еще не есть кончина.
(Смотря *кто* «кончил»! Как! Да и зачем...)

Шекспир — и тот не вычерпал сонета!
И ковш у родника оставил где-то...

1958—1969

Шекспириада

ЕЛИЗАВЕТА И ШЕКСПИР

Когда починут, грешный мир отринув,
Монахи, вознесенные судьбой,
Нам остаются кости властелинов —
Бездушный прах, такой же, как любой.

Покуда мир становится товаром
Других купцов, какие понаглей,
Благодаря — фактически! — фиглярам
Мы (если помним) — помним королей.

По милости бродячего актера
О давнем веке столько разговора,
Что в тьме времен теперь светло, как днем!

Клянусь Шекспиром и Елизаветой:
Не *он* писал при королеве этой,
А королева правила — при нем.

1964

«ПОЙДУ ЛЬ, ВЫЙДУ ЛЬ Я...»

От многоведа я узнала вдруг,
Что в мире все так и должно быть — мелко!
И что Шекспир — подделка, ловкий трюк!
А почему не ты, а он «подделка»?

Не отсылай к «источникам», отнюдь
Не самым чистым! Можешь не стараться:
Пойду ль я, выйду ль я в далекий путь,
Чтобы вранья старинного набраться?

К чему искать мне этот вид добра
В глуши веков? За милей милю мерить?
Когда я лжи, придуманной вчера,
Имею все возможности поверить.

Слыхав, как люди прямо с места врут,
За ложью вдаль пускаться — лишний труд!

ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Куда мне плыть? Где карта и компас?
Кто маяком в моих скитаньях будет?
Должно быть, тот, кто сам плутал не раз
И новичка за промах — не осудит.

А там уже — ни морок и ни сглаз
Стремленья к цели в нас — да не остудит,
Ни скептик сам (который в пальцах крутит
Оправу, но не верует в алмаз!).

Так что ж он изучает, этот плут?
Природу неродившихся минут?
На кой ему над временем победа?

Ах! Если тот и есть — шекспировед,
Кто утверждает, что Шекспира нет,
То я не вижу здесь шекспироведа!

ЧУТЬЕ ПРОФАНА

Никто не знает, где руда.
Но человек обыкновенный
Бывает зорче иногда,
Чем жрец познания надменный.

«Обычное», 1993 год

Шепнули мне, что я никак
Быть не могу шекспироведом;
Уж если вязнуть в деле этом —
Так только с фактами в руках!

Какие факты? Полный мрак
Давно заткал за полкой полку.
И умный здесь не больше толку
Добьется, чем любой дурак.

Далась же вам «интеллигентность»
И «компетентность», что опять
Придет Шекспира отрицать!

«Некомпетентность» же гласит,
Что — жил, что жив, что — не забыт..
Да здравствует «некомпетентность»!

«И ВДРУГ...»

Мир, затаившись, ждет:
Когда ж певец уйдет?

«Раздумие», 1969 год

Шекспиру в авторстве отказы и отказы
Возникли не при нем. С певцами искони
Сей мир не сводит счет, «не отходя от кассы»,
Но, притаившись, ждет — когда уйдут они?

Нетрудно угадать: поэт терпел немало
От зависти людской, от хитростей мирских.
Но даже и тогда, когда его не стало,
Не посягнул никто на выстраданный стих.

Не странно ли? Года текли, ползли, катились,
Затем сравнялся век, другой... еще один... —
Никто и ничего. Как вдруг — прорыв плотин!
Враги Шекспира! Что ж так поздно вы хватились?

Ложь в срок, видать, не ложь? Но ложь через века —
Вещь неподсудная, ан бьет — наверняка!

ПАСТУХ,
или
Свидетельство самоучки

Рядовой актер вторгся в ту область, где
До него почти безраздельно господствовали
«университетские умы».

Михаил Морозов.
«Трудолюбие мистера Шекспира»

Я остро сознаю, как случай мой ничтожен,
Как жребий мой с путем великих несравним!
Но опыт, каковой был над овцой возможен,
И над гирканским львом бывает исполним.

Овцой? Нет, — пастухом — среди глухих изложин
Я, в неучах, брела. Не зная ни школьных зим,
Ни ранца с грифелем. Но мне мечтался Рим!
Был Гёте, Байроном рассудок мой встревожен!

Я самоучкою вступила в мир наук.
Однако ж критики меня ругали много
Не за невежество, а за... изыски слога!
Зачем же утверждать такую ересь вдруг,

Что, дескать, сам Шекспир не мог создать «Макбета»,
Поскольку «неучен»? не пэр? не видел света?!

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

Еще вопрос (о, для чего, крамола,
Тебя опять навязывают миру?!):
Была ли вправду недоступна школа
Подростку солнцелобому — Шекспиру?

Коли отец — перчаточник, так что же?
Бывает, мастерство простолюдина
Прочней великолепия вельможи.
А если храм науки — не для сына, —

Что гению — не школа, не ученье?
Ночное чтение. Бедность. Миг богатства.
Свое ль раденье... Чье-то ль меценатство...
Но ты, — известный сеятель сомненья,

Все лучшее преследующий злобно, —
Не знай того, чего не знать — удобно!

ВОТ ТО, В ЧЕМ Я УВЕРЕНА!

Хотя до Лондона-то с низких
Лужаек — не рукой подать,
Неужто летописи (в списках)
Нельзя и в Стратфорде читать?!

Здесь быт засаленный и черный.
Но есть и тут (поверь, чужак!)
Мечты чертог высокогорный —
Набитый книгами чердак!

До завтра, плуг и сковородка!
Мне — к звездам!... А итог таков,
Что восхождение самородка
Не обошлось без чердаков.

Недаром вижу в их лице я
Пра-образ школы и Лицея!

ГИМН ЧЕРДАКАМ

Мир черенков (и черепков
Ползущей с крова черепицы) —
Чердак! Чертог луны-царицы,
Пристанище былых веков!

Здесь мысль плохих учеников,
И та — парит, подобно птице...
Рывков незримых очевидцы, —
О, чердаки! Всех бедняков

Дворцы! Под кровельным теплом
Вийона зреет здесь диплом...
Здесь оперяются поэты

В большой полет... Здесь глобус (весь
В лучах!)... Здесь книги, свитки... Здесь
Шекспира университеты!

* * *

По вычисленьям смутно-рьяным
Драконов и драконо-версий
Он уличен был в буйстве пьяном
И заподозрен в браконьерстве.

Но, не палив по молочаю,
Не брав хмельного и под ноздри, —
Художник вечно «уличаем»
И постоянно заподозрен.

А даже если буйство было?
Что ж, значит, не было ехидства!
Где очевидна крайность пыла —
Исключено иезуитство.

Не говори ты с богоравным
О поведенье благонравном!

ПРЕДМЕТ ВОЗМОЖНЫХ «БУЙСТВ»

Судебные архивы свидетельствуют, что в Лондоне и Стратфорде он вел судебные тяжбы... с должниками, был причастен к довольно крупным финансовым операциям... скупал земли в окрестностях Стратфорда.

Роман Белоусов.

«Смуглая дама сбрасывает вуаль»

Мать Шекспира Мари Арден происходила из семьи, принадлежавшей, возможно, к захудалой ветви дворянского рода.

Михаил Морозов.

«Трудолюбие мистера Шекспира»

История! Прошу! Вообрази поэта,
Которому нельзя скитаться по лесам,
Поскольку недруги «пришьют» ему за это
Словечко «браконьер»! Тогда, когда он сам —

Олень всех травль земных! Представь себе косулю,
Убитую не им, но под него! (Скажи:
Ну как не приписать разбоя мысль косую
Тому, кто складывает стих в лесной глуши?!)

«Проклятье! — он вскричал в негодование крайнем, —
Коли проходу нет, куда я ни ступлю, —

Я земли, у меня захваченные сквайром,
Судом — назад верну! А нет — так откуплю!

Я имя бедное мое в веках прославлю, —
Но свергну клевету и обезврежу травлю!»

* Лишь по завершении этого сонета заглянула я в один комментарий и впервые узнала, как горячо и вправду принимал Шекспир к сердцу элементы малоизвестного лесного конфликта! Оказывается, он писал по этому поводу сатиры в стихах и в лесу прикреплял их к столбам! Если не о столбах, то о стихах этих я тоже догадывалась. (*Примеч. автора*).

В ЛОНДОН!
или
Могло ли быть иначе?

...И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар.

Михаил Лермонтов

Должно быть, раздували жар подспудный,
Силками обставляли перепутья
И дар многолучистый, гений чудный
Дразнили, как зверенка через прутья.

На стих Певца, лишь Господу подсудный,
Текли с дубьем, алкая кривосудья...
Но, полный сил, как Стратфорд изумрудный,
Все ж не отрекся он от многолюдья.

Добившись гнева, «сдач» и всех эффектов
(Шекспировских!), прохвосты с болью мнимой
Неслись будить шерифов и префектов...
И... — вот вам человек, толпой гонимый,

А все-таки из тех краев бегущий,
Где толпы реже, — в край, где толпы... гуще!

НЕ СПРАШИВАЙ...

Далее след его теряется...
он снова заявляет о себе...
затем снова исчезает...

Джон Уайтхед

Не спрашивай — куда (в столетнем цикле)
Пропал поэт на долгих лет сцепленье.
(Другие вон и вовсе не возникли,
И то не вызывает удивленья!)

Где пропадал? Да где ж, как не в «Перикле»,
Не в «Лире»! Не в несущем исцеленье
Пути, где громоздились впечатленья,
Где сны сопровождать его привыкли?

И вообще — ищите настоящих
Преступников. Придерживайтесь правил:
Взимайте за пропажу не с пропащих,
А — лучше — с тех, кто их пропасть заставил.

Во всем, что называется «пропажа»,
Взыскайте с плута, а не с саквояжа!

ТЕМНАЯ ЛИЧНОСТЬ,
или
Непонятное раздражение

Земля опасной болью пронзена:
Взыщи с того, кто создал эту боль!
Но, как Бирнамский лес на Данзинан,
Мы... на Шекспира двинулись толпой!

Вот в ком загвоздка! Вот на ком вина
За наш провал! За то, что мы в запой
Шли, как в забой! Что шли не той тропой,
Не те провозглашали имена!..

А он — то «пропадет на много лет»
(В тех злостных путешествиях как раз,
В которых от историков отказ
Уж получал!), то вынырнет на свет,

И что за личность (если не считать,
Что он Шекспир) — никак не разобрать...

ЗАРЯСЬ НА СВОЕ

Как странно, если вдруг фактурой хрупкой
Становится отлитый в бронзах мир!
Мне кажется, что Феникса с голубкой
Воспел... не обязательно Шекспир!

Но в перечни его стихов орловских
Была «Голубка» кем-то внесена,
И путаницу же в умах воловских —
Шекспиродумов — вызвала она!

Шекспиродумы вызвали Поэта
На детский коврик: «Ну-с, любезный наш,
Бери «Голубку»! А другим за это
«Макбета», «Лира», «Гамлета» отдашь!»

(Загинет либо станет жертвой склоки —
Кто посягнет на собственные строки!)

БОЛЬШОЙ ФИЛОСОФ,
или...
Феникс-многостаночник?

Сонет, сочиненный не без подозрения, что
новооткрытые признания Бэкона
кем-то подделаны

Интригою гонимый и во мгле
Скрываться должный от взысканий строгих,
Ручался Бэкон, что — тайком — за многих
Строчил. И за Шекспира в том числе.

Но ни в какие числа (тоже, скажет!)
Шекспир не влазит. Это все равно
Что в списки шпилек, пуговиц и пряжек
Вписать планету! Как еще одно

Изделье рук! Тут Бэкону пришлось бы
За Б. и А. слагать поэмы-просьбы,
За Г. и В. — еще штук по ста пьес:

Знай гибни в них! А с «Лиром», а с «Макбетом» —
Опять родись! Особенным поэтом!
Так разрываться — что за интерес?!

ЧЕЛОВЕК НЕ ОБОРОТЕНЬ

К слову о разнописаниях Фрэнсиса Бэкона

Когда б он был не Фрэнсис от рожденья,
А Феникс — несгораемая птица,
Что в племени пропав, как наважденье,
Опять из пепла своего родится,

Сим чудесам тройное подтвержденье
Дала бы я! И клятву очевидца!
Тем более что роща Возрожденья
Как раз такими птицами гордится.

В блистанье ренессансного рассвета
Их превращенья дивные нередки:
Художник превращается в поэта,
Поэт — в бойца... И вновь свистит на ветке...

Но разве мог христианин единый
Быть... то бревном, то пламенем, то льдиной?!

ИСТОРИК-РАСПОРЯДИТЕЛЬ,
или
Комедия ошибок

Историк — Бэкону: «Хватай же, Фредди, ну!
Тебе все авторство Шекспира подвернулось!»
А Фредди посягал, боюсь... — лишь на одну
Из пьес. Которая давно к нему вернулась,

Которую никто, никто уже теперь
Не помнит! (Даром что, Шекспиру сдав в «аренду»
Любую драму, фарс, комедию ль, — поверь,
Тем самым ты ее уже вписал в легенду,

К бессмертью приобщил!..) Что — Бэкон? Бэкон — сам
Чужого не возьмет. (Хотя — душой неровной
Подобен Англии причудливым холмам.)

Иной же (будущий историк безусловный!)
Чем чаще подписи Шекспира брал займы,
Тем громче восклицал: «Шекспир — это мы!»

МНОГОСТАНОЧНИК

Сэр Бэкон! Говорю тебе, как другу:
Данайцев бойся! Лести их взрывной!
Знай: скверную окажет нам услугу —
Кто на Шекспира двинет нас войной!

Но ежели ты сам, надев кольчугу,
Заспорил с ним (при том — не об одной
Забывтой вещи); если — чрез натугу —
Сам затвердил, заладил, как больной,

Что ты строчил за многих смертных кряду
(Взаимоисключающих по взгляду
И дарованью), — что ж, могу сказать:

Прямой многостаночник Возрожденья!
Но странно, что твои произведенья
И тем и этим можно приписать.

НО ЕСЛИ ВРУТ — НЕСКЛАДНО...

...В памфлете драматурга Роберта Грина... тот резко нападает на актера «выскочку» и «простолюдина», осмелившегося соперничать... с изысканными умами.

Александр Аникст. «Вильям Шекспир»

Когда б — «Шекспир, Шекспир, Шекспир», — и вдруг
Взревели: «Бэкон!» — как среди бела дня
Раскат грозы, рассчитанно-балладный
И новичка берущий на испуг, —

Тут я еще поверила бы (ладно!),
Что все цветы шекспировских заслуг
Взросли на шляпе Бэкона. Вокруг
Всемирно врут! Но... если врут нескладно,

Но если сноб и прежде был готов
Все вещи «смерда» враз отдать вельможе
И об «открытьях» наших дней, похоже,
Знал наперед за несколько веков, —

Позвольте, господа, вам не позволить
Шекспира из истории уволить!

ЖРЕЧЕСКИЙ ПОДХОД

Гилберту Слейтеру двух соавторов показалось маловато, и в 1931 году он опубликовал книгу «Семь Шекспиров»...

Роман Белоусов.

«Смуглая дама сбрасывает вуаль»

В общем, «истинных» Шекспиров оказалось около шестидесяти.

Там же

Вот за Шекспира — так, по-вашему, артель
Строчила целая? Выходит, лучше слег бы,
Чем справился один? А Бэкон? Сверх-Орфей?
И он-то уж — один за всех трудиться мог бы?

Один бы «мог», другой — «не мог бы»? Канитель
Какая-то! Одним (немилым!) — ваши догмы
Да цепи... А другим — шелками сверхудобный
Путь выстилаете в столетиях! Ужель

Шекспиру не дадут и одного сужденья
Однажды высказать без помощи коллег
(В количестве шести десятков человек!)?
А Фрэнку (одному!) — всю ношу Возрожденья?

Не глупо ль (да еще на уровне веков!)
Всех на Юпитеров делить и на быков?

«БЫКИ» И «ЮПИТЕРЫ»

Основным аргументом этих догадок служила и служит барски-пренебрежительная мысль, что сын ремесленника, получивший недостаточное образование и служивший актером в театре, не мог создать столь великолепных произведений.

Ю. Ф. Шведов. «Вильям Шекспир»

— Но где же все-таки сын мастера перчаток,
Где недоучка мог познаний накопить?

— Что ж! Если нужен вам познаний недостаток,
То у Шекспира он имеет место быть.

Кто был в латыни слаб? Кто век знай путал с веком?
А принца-регента — с монархом? Видит Бог,
К такому хаосу маяк Науки Бэкон
Никоим образом причастен быть не мог!

Так как же нам теперь свои достроить штучки?
Как нам шекспировского авторства алмаз
Другому передать?! Однако с тем как раз,
Чтоб уж — без ляпсусов титана-недоучки?

На солнце пятна. Хвать! Дай — пятна совлеку,
Чтоб солнце знатным сдать, а пятна — мужику!

«ОДИН ЗА ВСЕХ»,
или
«Все за одного»?

Пример ничтожен мой, но есть и в нем заповедка...
Едва я выбилась на поприще Пера,
Зоилы и жрецы постановили жестко,
Что пишет за меня стишки... моя сестра!

А за сестру — отец. Кто ж за отца-то? Мать.
А за нее, кажись, внучатый отчим тети...
Гром разрази совсем! Ужель в конечном счете
Сам за себя — никто не в силах сочинять?!

Свет зол на Авторство. Шекспиру самому,
Глядишь, то Бэкона, то Ратленда назначат,
Как второгоднику! Подтягивайся, значит,
До знатных лиц, мужлан!.. И верит всяк — чему

Угодно! Лишь в один не веря факт упрямый:
Что *сам* Шекспир писал шекспировские драмы.

СКАЖИ!..

«А был ли Вилли?» — спросит Фифа.
А ты, зоил, скажи: «Бывает».
То есть, то нет. Тяжел для Мифа,
Но, словно Англия, всплывает

Он для Истории. «Вы рады?»
Скажи, что нас берут завидки.
Скажи, что умер для награды,
Но хочется, чтоб жил — для пытки!

Что (зря подсунув нам портрет свой)
Существовал Шекспир — едва ли.
Но хочется, чтоб непотребства
Его перу принадлежали!

Он есть! Но только в ту минуту,
Когда понадобится плуту.

«ВТОРЫЕ РОЛИ» ШЕКСПИРА

Преданьям ветреным я говорю: «Да ладно!»
Мне все не верится, что от заглавной роли
Отказывался он вполне по доброй воле
Или... по слабости актерского таланта!

Своими выгодами жертвуя для цеха,
Он жил в тени своих товарищей. Бывает,
Роль для себя актер наотмашь выбивает.
А он — не для себя — для них желал успеха.

Но быть могло и так, что пайщики условие
Поставили ему: «Сравняем интересы;
Любую роль бери на доброе здоровье,
Но... тут уж не твои пойдут в театре пьесы!»

Короче говоря, нам помнить не мешает,
Что человек не сам судьбу свою решает.

Нет, не затем он выбрал роль короче,
Чтоб нас привести к догадкам неучтивым,
А чтоб — не быть в ролях с утра до ночи
И — поспевать в работе с «коллективом».

Вон Бербедж — на рапирах не обучен, —
Замешкался!.. На грех — освищут люди!
Скорей послать подсказку: «Гамлет тучен»...
О! Дайте эту реплику Гертруде!

Как? Гамлет... «тучен»? В детстве, как в задачник,
В отрывок сей заглядывая странный,
«Просчет!» — я заключила поневоле.

Но то был след работы непрестанной,
Надсадной! Той, в которой сам «башмачник
Без башмаков», а сам Шекспир — без роли!

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ

Не думая о тех актерских сходках,
Где — в грозах — шло ролей распределенье,
То, что остался он в ролях не ходких,
Воспринимаем мы — без изумленья.

Все, сколько есть, мы кесарских кровей ведь!
И что нам до какого-то Шекспира,
Когда и встарь мир не спешил проверить —
Каков он в роли Гамлета и Лиры?

Кто станет любопытствовать: актер ли
Сей человек, — когда, — и как поэта
Великого, — его едва не стерли
Из памяти забывчивого света?!

Сэр! Не родитесь вновь. Случиться может:
Вам и сегодня роли не предложат.

ДУХ-ПОСТАНОВЩИК

Тень Короля играл Шекспир на сцене.
Мала ли роль, что грозно так весома?
Светло ли ему было в роли Тени?
Тепло ли в неприкаянных, как дома?

Не так уж плохо, если близко к теме!
Певцу, как духу (чу! раскаты грома!),
По собственному опыту знакома
Роль изгнанных из жизни, лишних в деле.

Зачем не взял другую роль? Когда же?
Всей пьесы на себе он тащит бремя:
Подсказывает, правит, вяжет звенья...
Другую роль?! Штурвальному на страже
Движенья судна — трудно (в то же время!)
Играть на арфе и варить варенье!

АКТЕР ШЕКСПИР

Неистовая речь коснется слуха —
И от оваций зал театра треснет!
Актер Шекспир — в недолгой роли духа —
Как дух, возникнет и, как дух, исчезнет.

Чтоб из уккрытья править оговорки
В игре других... И в том, и в этом ярок,
Себя — актера — он потопит в Орке,
Дабы в поэтах — выйти без помарок.

Он не попустит, чтобы стих корнали!
Он втянут в тень и чуть не в должность грума,
Но он не стерпит, чтоб ролей не знали,
Затею в целом портили угрюмо!

И все же тот, кто в бардах — выше Сидни, —
Не мог не быть большим актером, злыдни!

О ЛЮДЯХ ГЕНИАЛЬНЫХ

Плохим сюжетником, творцом плохих мелодий
Великий лицедей Чарльз Чаплин быть не смог бы.
И Диккенс, романист от Бога (догма, смолкни!),
Актерской славою себя покрыл в народе.

Поэт! Сдается мне давно, что и актер Вы
Сильнейший! Но и в той, и в новой свистопляске
Врагов у Вас, гляжу, у самого-то — прорвы,
Так как же им не быть (совсем) у Вашей маски?

Не будь борьба за жизнь тем морем бесприливным,
Где непрерывен спад, где сплошь — одни отливы,
Сэр! Вы остались бы не только скальдом дивным,
Но и в потомственном актерстве были б живы.

О! Надели Вас жизнь чуть большими правами,
Воскрес бы... сам Король, чей призрак сыгран Вами!

НО... ТАК ЛИ МАЛА ЭТА РОЛЬ?

Человек, подлец, ко всему привыкает.

Федор Достоевский

«Я потерял в один и тот же час
И жизнь, и королеву, и венец!»
Сказать одну такую фразу враз
Уже огромно! Изнутри колец

Космических восходит эта Роль,
Могущественней делаясь втройне,
Когда прошепчет призрачный Король:
«Прощай, прощай и помни обо мне!»

Кто ж помнит голос чести? Дружит с ним?
Кто совести гражданской слышит зов?
Как видно, слух наш — не для голосов,
Раз мы считаем страшное — смешным!

Раз мы согласны, чтобы мир забыл
О призраках, встающих из могил!

ВЕЛИКАЯ РОЛЬ

Он поступил актером в театр, но на этом поприще вряд ли достиг многого. Роу сообщает, что лучшей ролью Шекспира была тень отца Гамлета.

Михаил Морозов.

*«Трудолюбие мистера Шекспира»**

Шекспир, должно быть, ростом был высок,
А следственно, еще и потому
Роль духа-венценосца (видит Бог!)
Не мог передоверить никому.

Роль Призрака такому-то отдать?
Но статью царственной он обделен.
А у другого — царственная статья,
Но Призрака сыграть не в силах он.

И только он, глядишь, незаменим —
Сей двуединой роли патриарх;
Один (за всех), как дух ночей, гоним
И оскорблен, как свергнутый монарх,

Побойся молний вокруг его чела!
И не скажи, что эта роль — мала.

* Ни в коей мере не Михаил Морозов и даже не Роу подвергают сомнению талант Шекспира-актера. Они лишь поневоле повторяют предание, которое нельзя проверить (*Примеч. автора*).

ВЕЛИКИЙ АКТЕР — ШЕКСПИР

Все роли — на подбор! Востры. Звучат не глухо.
Ни зритель, ни актер их не толкуют ложно.
Но слишком велика роль Неземного Духа!
Другим ее навряд передоверить можно.

Кому, как не ему, она тиранит память?
Кто так же здесь высок, и легок, и осанист,
Чтоб выступить из тьмы, едва стопой касаясь
Подмостков, — а затем, как музыка, растаять?!

Кто снес так много зла, поборов, слов излыжных,
Чтоб, — голос-колокол себе отлив на сцене, —
Вскричать: «Я был убит!»?! Кто так страдал за ближних,
Чтоб ропот совести сыграть, глушимый всеми?

Сыграть самую тоску, самих ночей беззвучье,
Изнанку счастья и тайну злополучья?!

КОНЕЦ ШАТАНИЙ НА КРУГАХ ГАДАНИЙ

Взгляните, вот портрет...

.....
Как несравненна прелесть этих черт:
Чело Зевеса, кудри Аполлона;
Взор, как у Марса, — властная гроза;
Осанкою — то сам гонец Меркурий
На небом лобызаемой скале;
Поистине, такое сочетание,
Где каждый бог вдавил свою печать,
Чтоб дать Вселенной образ человека.

Вильям Шекспир. «Гамлет»

Его сонетов дивная тетрадь —
Сплошной поток самоуничтоженья!
И лишь Театр знал — кому играть
Достоинств лучших стройное смешенье.

Кому, как не ему? Что тут гадать?!
И наше здесь кончается вторженье,
И ни к чему вопрос-предположение:
Мала ли роль, что *королям* под стать?

Он сам — король! Не приравнять к зануде,
Не подменить, не свергнуть до конца...
И в том, как принц — погибшего отца

Описывает ветреной Гертруде, —
Есть сумма свойств реального лица,
Есть описание *Шекспира*, люди!

РАЗГАДЫВАЯ ЦВЕТА НА ЧЕРНО-БЕЛЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ШЕКСПИРА

Где краски?! Чудится мне рыжий, сероглазый,
Меднобородый бард!.. Предположение ценно,
Но спорно: рыжий-то обязан быть пролазой!
А коли честен, то — ирландцем непременно.

Ирландцем не был он. Пролазою — подавно.
Сам принцип рыжести нейдет к его сонетам.
Но белокожий в них (могу поклясться в этом!)
Светловолосый нрав наличествует явно.

Носители усов и мужеских кафтанов,
Чей женский идеал — прекрасная брюнетка,
Черноволосыми бывают редко сами.

Шекспир, томившийся по жгучей Смуглой Даме,
Был, верно, светло-рус, блондинист иль каштанов.
Так нашептало мне Чутье — моя разведка...

УЛЫБКА НЕПОСВЯЩЕННОГО

Давно простыл событий след горячий.
А кто-то злостно стер слова и знаки.
Но все, чего теперь не видит зрячий,
Найдет слепой — в его сверхжутком мраке.

Познанию слава! В честь его полета
Я и сама слагала гимны часто.
Но лучше иногда... не знать чего-то:
На ощупь зорче будешь, чем на глаз-то!

Кто, если не профан, смеется горько,
Удерживая слезы сквозь ресницы,
Когда знаток суровый... кости Йорика
Идет искать в Шекспировой гробнице?

Невежде ключ к *таким* познаниям не дан..
Но *кто*, как не профан, — Шекспиру предан?!

ДОМ ШЕКСПИРА.
ВИДЕНИЕ В ЯНВАРЕ

Закрыв глаза, я разглядела вдруг
Английский дом шестнадцатого века.
(Не прямо. Сбоку.) Сумерки вокруг
Стояли светло-синими от снега.

И приливал — в метельных комьях — луг
(Как стая задохнувшихся от бега
Неравных волн) к подножию ковчега,
Где, — в снах готовя борону и плуг, —

Спал человек, усталостью сраженный.
А там, на кровле (в два прыжка к земле
Сбегавшей), танцевали в зимней мгле
На колесе, в гнездо преображенном,

Два аиста! Да-да! Среди зимы! —
Два снежно-белых — в синем центре тьмы.

* * *

Лукавец, вынуждая нас гадать
О том, что без гаданий было ясно,
Осел ослом! Ан, чувствует прекрасно —
Как выдавить сомнения печать

На несомненном! Вот ведь и меня
Искать заставил доводы в защиту
Алмазов, звезд, резьбы по малахиту
И вдохновенья Божия Огня!

И вот — защита солнца первородства, —
Шекспира! Не нуждавшегося в ней
Так долго после сна в Стране теней!
Что делать? Вновь приходится бороться...

Хотя бороться очень мудрено
За тех, кто победил давным-давно.

Цикл сонетов «Шекспириада»

(за исключением первого) написан в 1993—1994 годах.

* * *

Сонет есть *реплика*. Один бросок угла
В жар прений. Быстрое высказыванье в споре.
Но если в горенку сонета вся земля
Ворвется с песнею, широкою, как море,

С подводной огненностью, с тенью корабля,
По лестнице валов поднявшейся и вскоре
Истаявшей вдали, в косых лучей расколе,
В виду плеяды гор — довольна буду я!

Я жанру и тогда противиться не стану,
Когда он принесет мне... сток, станок, сутану,
Корону, меч, ярмо, прилавок, жезл судьи...

Я знаю: все равно все это будет *спорам*
В пещерах наших дней. Где есть тоннель, в котором
Полоска выхода чуть брезжит впереди...

1986

ЖОРА И «ЛЕНА»
К спору о «книжности»

В заречной свежести цветастых крыш антенны.
И в серебро-сизом том пространственном дымке
Рябин кирпичный жар. И — крошки-иппокрены —
Ключи под кручею вращаются в песке.

А свет слоится здесь, творя такие смены,
Что Жора, небольшой и плотный, в котелке,
На том Картофельном ботвистом островке
Глядится сосланным на остров св. Елены!

С ведром, с мотыгой, честь по чести. Но пока
Не много проку-то ему от островка:
Он матерится там — ну прямо как пропащий!

(Услуги эха чтоб использовать в запас...)
И все ж Елены он ценней во много раз:
«Елена» «книжная», а Жора — настоящий.

1985

СОНЕТ В ЗАЩИТУ ДЛИННЫХ СЛОВ

А мне по вкусу длинные слова!
Короткие — дойдут до слуха скоро,
Зато — произнесенные едва —
Быстрее дадут отделаться от спора
Любому краснобаю. (Такова
Кипучая уклончивость напора
Банальностей!) Но медлит до упора,
Но метит зацепить за рукава
Бегущего софиста, если надо,
Реченье продолжительного склада
При помощи намеченных давно,
Скользить не позволяющих зарубок.
И мысль весомой, как почти поступок,
Становится, пока звучит оно.

9 марта 1997

В ПОЛНОШНЫЙ ШАС
Сонет на опыты над русским языком

«Молочник» был, а стал «молошник».
(Пустует — вот он и грубит!)
И торжествует «полуношник»,
А «полуночник» позабыт.

И я приемник выключашаю,
*Ш*тоб вышказаться напрямик:
«В полношный *ш*ас по молошаю
Не шастай, *ш*окнутый *ш*тарик!»

Когда бы вся Периферия
Заговорила через Центр,
Кто не вскричал бы: «Вот Россия!»
Но и один людской процент

На том наречье не гуторит,
Которому Столица вторит!

13 января 1995

ПОКАЖИСЬ!

Или «Нечто» и «нешто»

Ну, дожили! Включив беспечно
Себя в языковые дожди,
Пойми, арбитрашко, что «нечто»
И «нешто» — не одно и то же!

Как ты ни стой на безобразье,
Как ни алкай переворота,
А «нечто» — это значит «что-то»,
А «нешто» — это значит «разве»!

Бог весть кому актер, художник
В испуге вторят, холодея:
«Тошь-в-тошь», «достатошно», «молошник»...

Кто ты, тиран, который нами
(В стране, свободной по идее)
Заочно вертишь, как рабами?!

Июль 1995

НЕ ФЕНИКС ИЗ ПЕПЛА,
А — ФЕЛИКС ИЗ ПЕКЛА
Подражание Саше Черному

Быть зефиром, розаном и цитрой
Хочет каждый нувориш паршивый
(В детстве — старый, в молодости — хитрый,
В зрелости — гунявый, в старости — блудливый).

Хочет быть луной! Реликвией!! Мощами!!!
Старые-то — в брак, — сам ляжет вместо старых.
(Лишь бы это все происходило в барах
И не разлучало бы с вещами.)

Моцарта выводит он... в колбах и ретортах.
(Лишь бы настоящий не воскрес некстати!)
И снует — в терновой шляпе... в юбочке... в ботфортах...
Без порток... с моноклем... Но... — не перечь дитяте,

А не то воспрянет (вот и жри желе с ним!)
Феликсом из пепла! Пекла Феликсом Железным.

Январь 1990

ЧАРЛЬЗ ЧАПЛИН

...Но кто же выслушает рваного такого,
Из грюсти сделавшего свой авторитет?

«Ключи от клуба», 1982 год

Смех Чаплина подвел черту под клоунадой
Всех клоунов на все дальнейшее. Ну что ж...
Где Маленький прошел, там супермен — хоть падай,
Но, как съязвил бы шкет, — «фиг — бомжа превзойдешь!».

Придумать усики — другие, а не эти —
Попробуй кто-нибудь! Немыслим новый трюк;
Так не почешется уже никто на свете!
Никто — сползающих — так не подтянет брюк!

Достигнуть Чаплина? Но... разве из-под плетки?
Как подражать — людей затравленных походе,
Их не любя? (Притом — не вызвав град камней!)

Как вещь смонтировать, чтоб чистым — в святотатстве,
Чтоб честным быть — во лжи, несчастненьким —
в богатстве,
Ну, словом, — гением в бездарности своей?!

1983 и ноябрь 1993

ЕСТЬ КОМИКИ С ДУШОЙ...

Есть комики с душой.
Но, рассуждая строго,
Прямых учеников у Чаплина не много.

«Ключи от клуба», 1982 год

Есть Райкин, есть Никулин... И еще
Актеры есть находчивее многих.
И... вдруг заметишь ты как горячо
Участвуют они душой в далеких
(И столь недавних!) «Новых временах»
Невозвратимой чаплинской эпохи,
Где у кофеев подбирает крохи
Бродяга Чарли в латаных штанах!
...Ты, мания величия, враждебна
Всему, что справедливо и волшебно.
Но люди Сердца поняли давно:
Ничто так не рифмуется открыто
С величием, как срочная защита
Отверженных! И в жизни, и в кино.

31 января 1995

ИЗ ЖИЗНИ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ

Занятно быть немножко «лишним» типом!
Из тех, кто и не ездит, и не ест,
Но платит и за хлеб, и за проезд;
Чьи книги — с фигом, чьи пластинки — с хрипом,
Чей телевизор, быв допущен в дом,
Себя оказывает супостатом;
Чей радиоприемник — сразу с матом
Внутрях. И с наставленьями притом:
«Не нравится, как выключи, плебей!» —
Вот первое, что слышишь при включенье.
Что это? Прессмен в самоотлученье?
Но дело объясняется грубей;
Включают хитреца иль выключают, —
Он *все равно* получку получает!

Ноябрь 1999

Московские тайны

I

МОСКВА-СОРТИРОВОЧНАЯ

Вы им не «спонсоры» и в смысле
Жилья! Какого же рожна
Классифицировать взялись вы
Людей, чья жизнь вам не нужна?

Тот — «жулик». У того (в Тарусе)
Есть бочка. (Чем тебе не дом?!)
Вы их скорей расквартируйте!
Рассортируете — потом!

Да и к чему сортировать,
Раз на пропавших от сивухи
И на упавших с голодухи
Вам одинаково плевать?!

Что в плутах вам? Что — в нищих детях?
Вы бросили и тех и этих.

1 октября 1997

II

ЗАБЫВЧИВЫЕ И ЗАБЫТЫЕ

Вы сортируете несчастных
Взамен того, чтобы — спасти!
Грехи свои — с позиций властных —
Стремясь бездомным приписать, —

Где вы проснетесь в грозен час?
О, сортировщики! Откуда
Бесчувственности, гнева, блуда
Столь устрашающий запас?!

Да. Есть и в нищенстве «сорта».
Да. Бедность ведает подмену.
Но те, что бились лбом о стену,
Покуда пресса, боль, тщета,

И хлад, и глад их не добили, —
Те — тоже притворялись? Или?..

1 октября 1997

III

СЕКРЕТЫ МОСКОВСКОГО ПОЛИШИНЕЛЯ

Не из порывистых вы; не из
Бросающихся — вскачь — спасать!
Остерегайтесь же (как ремиз
Ямщицкий об ноги) — бросать

Тень клеветы на бесприютных!
Они и так живут в тени,
И так наказаны они,
Чтоб цепь их бедствий поминутных,

Сокрыв, еще и удлинить!
Зачем в притворстве их винить?
Увы! — оно и так бесспорно,

Когда, Отчизне став чужим,
Бедняк, погибший непритворно,
Лишь *притворяется* живым!

1 октября 1997

СКАМЕЕЧКИ

С прохладой вровень сдвинул брови зной, —
Повеяло зеленым мёдом лета
С деревьев, за углом растущих; где-то
За аркою, под старую стеной.

Там гроздь пуха, там потоки света,
Там шелковистый лист на шерстяной
Изнанке. Там — домашности примета —
Взгляд пуделя и стул переносной.

Но... — ни беседки нет и ни скамейки —
На сотни верст! Злодеи и злодейки
Сыграли эту шутку над Москвой,

Чтоб дед бездомный, всем чужой бродяга,
Не мог остановиться здесь, как свой, —
Не сбавил окровавленного шага...

Июнь, август 1998

В ТОЙ СТЕПИ ГЛУХОЙ

«Сто москвичей замерзло. Сто один».
Совсем поразобрал вралей задор, знать!
Как будто можно выйти в магазин
И, как ямщик в глухой степи, замерзнуть!

Как будто можно (это как постичь?)
Замерзнуть в баре! Или в дискотеке!
Бездомный, кто б он ни был, — не москвич:
Он — *никакого города на свете*.

Ему как будто строили ночлег?
Но отвлеклись на ресторан «Элита»?
Москвич ли, не москвич ли — *человек!*
А человеку надобна ЗАЩИТА!

Но жизнь и гибель ближних — чепуха
Для москвичей, закутанных в меха.

Декабрь 1998

* * *

Шафранные дорожки зоопарка
Я исходила вдоль и поперек,
Но было в нем не так светло и жарко,
Как я воображала наперед.

В моих мечтах пестрей была цесарка,
И лев желтей, и толще бегемот...
Ну что за слон? Вот мой — придуман ярко:
Мой вашего — хвостом перешибет!

Как не похож на призрак, на мельканье
Воображенный мир, где я жила!
Где холод камня — каменнее камня,
Где звон стекла — стеклянное стекла,
Где сны — всерьез. И где железный скрежет
Острей железа руку вдруг порежет!

1963

ДВУХЭТАЖНАЯ ЖИЗНЬ ЖИРАФЫ

Жирафы взбрыкивают вбок.
Ногами вскидывают яро.
Но шея их длиннее ног
И сверху не слышать удара

Им собственных копыт своих.
И улетающие морды
Полны вниманья к дымам города
На горизонтах голубых.

Их несуразный взгляд прикован
И к трубам пурпурно-морковным,
И к вышкам, близящим грозу..

А взбрыки, плеч толчки пятнистых,
Их стычки (где-то там, внизу!)
Не стоят их раздумий чистых.

31 июля 1992

МЕЧТАНИЕ ГОРОДА

Толпа глядит, бледна и длиннолица —
Нос-полумесяц остро вздернут вверх.
Как в облаках дыхания мелиссы
Зеленоватых — реет судоверфь.

На крышах — кошек черный фейерверк.
Спускающихся улиц вереницы..
На вывесках, витающих, как птицы,
Ключ. Апельсин. Башмак. Посуда. Вепрь.

Трех пансионов лесенки кривые
С половиками красными как жар
Скакнут, имея целью мостовые,
Но, не допрыгнув, плавят солнца шар.

И странники бредут по эспланадам:
Живые — с нарисованными рядом.

1963—1969

ЗАРЯ ВЛАДИВОСТОКА

Волны не спеша повторяются —
Далеко-далеко расстилаются...
Порт Владивосток оперяется
Исполинским птенцом Николаевска.

Склады, провиант. Амуниция.
Пахнет сталью, казармой. Границею.
Но уже за спиною солдатскою
Тронут город улыбкою штатскою...

Частные дома и казенные.
Избы русские, фанзы китайские.
Офицеры, усами пронзенные.
Адских лавочек вывески райские.

Сказочно учтивы приказчики.
Шелк цветущий течет и потрескивает...
Сквозь нагроможденные ящики
И меж бочек — море проблескивает...

Шум... Гортанные клики носильщиков.
Саботажников рожи бедовые.
В опекурильнях курильщиков
Облепляют виденья медовые,

Стерегут наважденья кошмарные.
Плачут в коконах гнусностей куколки.
А под небом открытым — угарные —
Не угарны китайские кухоньки!

Ведро звякают, рыбою полные,
Звонко цену кореец выкрикивает,
В это время, как мокрая молния,
Рыба наземь из ведер выпрыгивает.

Улицы бегут полутесные,
За углом обрываясь моментами.
А карманнику полицейские
Представляются монументами!

Рестораны с нечистыми «феями».
Робкий кули, готовый отчаяться.
Ухают румбы над кофейнями,
Корабли на рейде качаются...

Крошка-бой, оттасканный за косу.
Гимназист... Моряки вездесущие,
Разных стран диковатые запахи
На руках и подошвах несущие...

О Владивосток!
Вопреки всему
Злу земли — суете и смешению,
Низко издали кланяюсь я твоему
До сих пор не открытому гению!

О Владивосток!
Далям вопреки —
Ты воистину русский, ты нашенький!
Ты не зря возрос на корнях тайги —
Как тайга, великий, размашистый...

О Владивосток! Под тобой сокрыт
Мир корней с переборками тонкими.

И женьшень впотьмах среди них стоит,
И тебя подпирает ручонками...

Не сменяй женьшень на пучок репья.
Окупи его жертву — сторицею!
На Святой Руси назовут тебя
Пятым портом и третьей столицей.

1960—1965

МОЙ ДЕД

Мой дед* редактор был. Панов — редактор тоже.
Печатно дедушку Панов ругал зело.
И... дед раскаялся! «Как это тяжело,
Но я и есть такой. Да-с, нет бесстыдной рожи!

Прав господин Панов: я слишком либерал.
Я прямо коммунар! Меня упечь бы надо!
Но снисходительность — да будет мне
награда

За то, что я и сам грехи свои признал...»
Панов торжествовал! И в собственной газете
Смиренные стишки издал без лишних слов.
Две типографии строчили на рассвете
У темных берегов...

Но как студенчество наутро хохотало!
Все прочее в стишках умильных опустив,
В пановских «Ведомостях» публика читала:
«Панов дурак, да, да!» Таков был *акростих*.

1960—1965

* Н. П. Матвеев-Амурский.

ХУДОЖНИКУ ОБЛОЖЕК

На прутике записка:

«Не подходите близко!»

Ну вот! Зачем же сразу

Так строго строить фразу:

Не проходите мимо

Портретов подхалима,

И вы не ошибетесь

При встречах с ним ни разу.

Описываю случай из редких, но возможных:

На полуме обложек журналов молодежных

(Под видом воплощений святого Идеала)

Парнишку-подхалима изобразил художник,

Не совестясь нимало.

Давайте не поверим художнику обложек!

Художники обычно самих себя не знают;

Еще и не такими вас монстрами обложат,

А думают, что чистых святых изображают!

(Вот, правда, на картонах изобразив лемуров,

Знал Гойя, каковое у них предназначенье

На герниках при смутах,

На срывах жизни хмурых...

Но Гойя и такие, как Гойя, — исключенье.)

Не проходите мимо

Портретов подхалима!

Не верьте их улыбкам,

Открытым солнцу мнимо,
Хотя бы Апеллес их выдал за конфеты!

Не проходите мимо
Портретов подхалима —
Разгадывайте сразу художников секреты!
Не вам же так слащавенько,
А кожанке начальника —
Любого возможного
Прохожего начальника —

улыбаются

эти

портреты.

В прилизанном порядке
Волос учтивых прядки,
Как маслом, как елеем,
Как лаком или клеем
Ласкательным, политы..
(Вам нравится лакеем
Быть в арьергарде свиты?)

Но, впрочем, он прорвется в ряд первый
без ошибки.

В углах зело колючей, но ангельской
улыбки

Как будто два железных,
Два махоньких зажима...
...Не делайте к побегу попыток бесполезных —
Не проходите мимо!

А ты, художник славный
(Суровый, своенравный

Подвижник, ученик ван Рейна),
Смело
Малюй своих любимых
И нежных подхалимов;

Сих франтиков смазливых,
Сих трусов нестерпимых,
Сих дур непроходимых —
Пока не надоело...

1976

ПАСТОРАЛЬ

Возвращаясь домой, из-под склона
Мы неспешно и неуклонно
Подымаемся вслед за дубами,
Подымающимися перед нами.

Помрачнев, как в Аид ворота
(Лишь по краю — пух-позолота),
В предосенних уютах лени
Против солнца встают их тени.

Но шагов за одиннадцать этап
Желудей мы уж видим лепнину,
В кружевную зрелищность веток
Погруженных наполовину.

Козопасы под лиственной сетью
Почивают, не помня даже,
Что промчали тысячелетья,
А профессия их — все та же!

Начиная к воде спускаться,
Видим: козы в ложбинах дальних,
Объедая листву акаций,
На копытах стоят хрустальных...

Охранительница благоденствия!
Рассуди нас, богиня Деметра!
Козы пляшут... Но заросли девственные
Под набегом их — гибнут заметно!

Неужели ты миру позволишь
Таковое решение спора?
Неужели из двух — одно лишь:
Либо Фауна, либо Флора?

Или Фауна на постое у
Щедрой Флоры — законное дело?
Но поэт говорит: «Плачь, История!
Козья фауна — Грецию съела!»

Сочинила бы я буколическое.
Идиллическое. Для затравки.
Но не вижу большого количества я
Ручейков, и деревьев, и травки.

Вновь нужна тебе, хищник, эрозия?
Позарез — карьеры камней?
Лишь тропа расширяется козья —
От морей до морей...

А «хозяевы»?

Рты нарочно, зевая, раззявили:
Дескать, «нашу козу да с капустою
Только волк разлучить в состоянии...»
...Рощу кушают козы вдоль спуска,
Встав на цыпочки, в белом сиянии

Солнца позднего... Грацией козьею
Невозможно не залюбоваться!
Но и с пышной листвой

раньше осени,
Прежде времени —
жаль расставаться.

1985

* * *

Форельное хозяйство навещали мы,
Но никакой форели там не видели.

В тени листвы, как в яхонтовых шахматах
Запугавшись, — форелью и не пахнешь ты,
«Форельное хозяйство» бесполезное,
Коварное! Но все-таки прелестное:
Все — в лестницах кривых корней,
спускающихся

В долину; в бузине, в привычно кающихся
Склоненных ивах;
В морщинистых течениях, в порывах
Ветра,
В купавах молчаливых...

Объявлены в дали (уж вечереющей)
Кино и танцы — местному безлюдю!
В лесной грязи подковами проквакавши,
Прогарцевали всадники, однако же,
И, выбравшись на сушу, лошадь серая
Ореховую заросль режет грудью...

Форельное хозяйство заповедное,
Какое же ты оказалось... бедное!
Или, забыв, что «и на солнце пятна есть»,
Пятнистые форели в тину спрятались?
А водопад с его немолчной прылкой

И вечной пряжей — вытек в трубку жалкую?
Лишь только струйка

хнычет канительная

Под самой кручею, за мотосвалкою...

Правдивая, серебряная, цельная!

Засмейся же! К чему

твоя пустыням жалоба?

Но... плачется в корытце акварельное

Облупленного радужного желоба...

Хозяйство непонятное форельное,

Какое же ты, впрочем, беспредельное!

Каких безудержных, каких рискованных

Размеров ты достигло в одичании!

Пропащее в пространствах обворованных,

Хозяйство Странников Разочарованных...

Форельное хозяйство навещали мы,

Но никакой форели там не видели.

ПОПУГАЙ

По клетке, шкафами задвинутой,
Где книги в пыли вековой,
Взъерошенный, всеми покинутый,
Он бегаёт вниз головой.

Чудак с потускневшими перьями!
Чудит, а под веками — грусть.
Язык истребленного племени
Он знает почти наизусть.

Язык, за которым ученые
Спускаются в недра веков,
Где спят города, занесенные
Золой раскаленных песков...

Язык, что плетьюми виноградными
Петляет по плитам гробниц
И хвостиками непонятными
Виляет с разбитых таблиц.

Прекрасный язык — но забылся он,
Забылся, навеки уснув.
Огромный — но весь поместился он,
Как семечко, в маленький клюв.

Привык попугай разбазаривать
Бесценную ношу в тоске,
С собою самим разговаривать
На умершем языке,

В кольцо кувыркаться стремительно,
Вниманья не видя ни в ком,
И сверху смотреть
Снисходительно,
Когда назовут дураком.

1957–1962

• • •

Маугли
В странах холодных
Встретил слонов накоمودных
И состраданьем проникся
К этим созданням из гипса.

— Что это с вами, с моими слонами? —
Маугли крикнул в печали...
— Дай нам дорогу, не стой перед нами, —
Хором слоны отвечали.

Маугли
В странах холодных
Встретил слонов накоمودных
И состраданьем проникся
К этим созданням из гипса.

— Что это с вами, с моими слонами? —
Маугли крикнул в печали...
Хором подумав: «Ой, что это с нами?» —
Хором слоны промолчали.

1961

ВАЗА
И РИСУНОК НА НЕЙ

...из глины! —
Не из золота и бронзы! —
Но вылепил
 и — сам! —
 такой
разрисовал сосуд,
Что наш, людской, —
 его судить
 уже не вправе суд,
А суд богов ему давно
Не страшен
Грозный.

Иван Киуру.
«Гончар», 1978 год

Дельфинов шлют из пенных рытвин воды,
И носятся среди песчинок свисты,
Когда по вазам водят хороводы
Танцовщицы, флейтистки и флейтисты.

Как беззаботность юных лиц прелестна! —
Хотя немножко лисьих и в хитринку.
Но в буйстве танца хитрость неуместна,
И он сметет ее, как шквал — соринку,
И растворит соринку ток воздушный,
Поток воздушный — топот благодухный, —
Лишь весело струится взгляд отрадный

Из глаз продолговатых, миловидных,
Миндалевидных и недальновидных —
Завешенных листвою виноградной.

1979

Я ТАК ВИЖУ,
или
Песнь о морской раковине

I

Раковина эта — глубже, чем тоннель,
И в себя уходит — виток за витком...
Раковину эту я зову теперь
«Моря львиным зевом», «Кошкиным зевком».
Пелену мечтаний жизнь разорвала,
Вспомнился и взгляд,
и подход
мне — другой:
Раковину эту в детстве я звала
«Раковиной с выставленной ногой»!
Помню, на картинке был испанский гранд —
В кружеве да в перьях малый весь до пят!
Выставляла ножку раковина-франт
Впрямь, как тот испанец — много лет назад.
Образы так рано начинают жить!
Раковина-эхо: ухо приложить —
Зашумит в ней море
далекой
волной...
Нет, я не искала, что и с чем сравнить;
Образы, сравнения — сами шли за мной.
Сказочно богатым в мир
певец рожден!
И фантазий столько у него одних,

Что, встречая их порыв,
Пол-лица плащом закрыв,
Сам — спасенья ищет он,
Сам — бежит от них...
Как под ливнем проливным,
Под напором их клонясь,
Как под вихрем снеговым,
Падая и заслонясь
От сравнений — как в дыму,
Как в чаду, — бежит поэт,
И метафоры ему
С гиком музы мечут вслед...

Проносились годы, как воды реки.
Стала песня верной спутницей моей.

Но... что слышу?! Образ —

Звонкою брякушкой прозвали знатоки.
Серость упустили — хотят наверстать.
Вышли к цели скромной — солнце

заслонить!

Краски наказав нам по пальцам считать.
Образы — поштучно пользоваться...

Хранить

Одному сравненью верность навсегда.
(Мало одного? Что ж. Пусть их будет два!)
Друг, не верь заносчивой скромности злых:
Есть дорога в горы. Тень. Луна. Вода.
Тысячу сравнений — каждому из них!

Так мне говорил всегда учитель мой,
Через книгу внятней голос мне подав.
Так упрямо в детстве мнилось мне самой:
Внутренний наш голос — ох, как часто прав!

Сердцу утешенье образы несут.
Не спеши, знаток, чинить над ними суд,
Лучше хорошенько вспомни: искони
Образным мышленьем творчество зовут.
Поищи замену. А найдешь — звони.

II

Раковина эта — с моря прямиком —
Пристого камня кажется теплой.
Для чего — не знаю... «Кошкиным зевком»
Раковину эту я зову теперь.

Раковина — трепет и ветра порыв,
Костяная крепость невиданных див,
Царственно важна, постижима с трудом...
Мокрого чудовища мраморный дом!

В раковину эту дул Владивосток,
Жаркими ветрами Крым в нее трубил,
Прикипал японский тонкий к ней песок
И микронезийский мокрый красный ил.

Мчал ее к пучинам скачущий Тритон,
Щеки раздувая, дул в нее Эол...
По ее ль уступам

в пропасти времен

С облаков на волны сонм богов сошел?!

Раковина-роза, раковина-грот...
Сразу сто сравнений вдруг пристанет к ней,
И хвастунья ножку выставит вперед
Впрямь, как тот испанец, гранд старинных дней.
Что в начале было? Слово? А потом?
Образ? Не потом, а сразу в слове том.

Струн еще не тронув, книг не раскрывав,
Образ жил в словах и даже в не-словах!

И хотя без боя ОБРАЗ обретя,
Семь потов прольешь над СЛОВОМ, и хотя
СЛОВО все равно приходится *искать*,
Дабы образ мог тем жарче засверкать.

Образ был — от века. В посланном вперед
Взгляде. *Раньше* взгляда вкован был
В зрачок.

Так глядят поэты.

Так глядит народ.

Так не поглядит всеведущий знаток.

Но и мой, как видно, гороскоп таков:
Образами злить суровых знатоков.
Ох, как топнут ножкой!.. Бог ты мой! Оне
Огненной гиеной угрожают мне!

Как мне оправдаться?

Я еще спала,

Я еще дитем бессмысленным была —

Фея в колыбель мне флейту принесла.

Наказала музам преданно служить:

С красками работать, ОБРАЗАМИ жить!

Только я проснулась, а уж тут как тут —
Образы! Их сонмы... Полнят дом и сад,
Блещут, тают, реют, спят, поют, цветут,
Мчат на крыльях — с кистью — выкрасить фасад...

Но... не так, как надо, я их приняла.

Фея! Муза-фея! О, как ты могла

Краски дать мне в руки — их названья скрыть?

Подарить мне звуки — *слов* не подарить?!

Первой моей детской речью был укор
Вслед лукавой фее брошенный... С тех пор
Я ищу слова для образов. И вот
Образы в достатке — слов недостает!
Редкое певцу терпенье суждено!
Мир к его ногам был рад готовым лечь,
Так бы вот и жить на всем готовом? Но
Образы готовы — не готова РЕЧЬ...

III

Так, пока мы спим, пока в садах темно,
Феи все решат за нас, как быть должно.
А едва проснемся — остается нам
Лишь окликнуть вещи вслух по именам,
Тем, полузабытым, спрятанным внутри,
Ждущим: скоро ль чары ночи снимут с них?
Так на серой башне в шелестах зари
Слушает принцесса: едет ли жених?
Вещи ждут имен! Зарей горит на них
Вечная мольба! Вот-вот к ногам падут...
Ритмов заповедных, отзвуков живых,
Зыбких и прямых названий вещи ждут!
Видишь ли, старинный мой учитель, сноб,
Все ты перепутал, все перемешал:
Ищем мы, певцы, не образов, но — слов.
Ты на нашем месте бы... образов искал!
Впредь не поспевай чинить над нами суд,
Знай: поэт не ищет, что и с чем сравнить!
Образным мышленьем творчество зовут.
Этого названья нечем заменить.

.....
Раковина эта — с моря прямиком —
Пористого камня кажется теплой.
«Горлом ягуара», «Кошкиным зевком»
Раковину эту я зову теперь.

Раковина — трепет и ветра порыв,
Костяная крепость невиданных див,
Царственно важна, постижима с трудом,
Мокрого чудовища мраморный дом!

Раковина эта пугала б меня,
Кабы не Авроры в ней влажный огонь.
Раковина-пропасть! — ведь ее дно
Не могла нашарить оробевшей рукой...

Раковина с морем внутри и с песком
В розовых завоях, как мраморный грот...
Раковина-рупор...

Виток за витком
Ты уходишь в детство, а детство
Не лжет.

ЖИВОПИСЬ

Ивану Киуру

Пусть Живопись нас приютит,
Мои терзанья прекратит.
Единственная, кто дала
Не знать мне и не делать зла, —
Пусть Живопись нас приютит.

Мы красок не приобрели,
Этюдников не завели,
И все равно не знали мы
Той бесхудожественной тьмы,
Что многих души тяготит...

Пусть Живопись нас приютит!

Мы не расписывали холст,
Не знаем — тонок он иль толст.
Но — слава Живописи! —
В ней
Спасались мы от темных дней!
Бывало, вспыхнет, заблестит...

Пусть Живопись нас приютит.

Ван Дейком-дамой никогда
Не быв, я шла через года.
И Апеллесом ты не стал,
Но ты живописать мечтал!
А кто мечтанье воспретит?

Пусть Живопись нас приютит.
Да, Апеллесом ты не стал,
И все же ты — живописал!
Пускай не кистью,
Пусть — пером,
Но, как за тучей ясный гром,
В нем жили масло, тушь, графит,
Вся киноварь, весь лазурит
(Что никого не разорит,
Но всякий угол озарит!).

Пусть Живопись нас одарит!

Свершилось чудо из чудес:
В Поэзии — ты Апеллес!
Кому сам Хронос не указ!
Кто Цвет Естественности спас.
Кто Подлинность раскрепостит.
Кого Паллада защитит!

Пусть Живопись приветит нас.

Пусть Живопись нас приютит,
Довоплотит, озолотит, —
Единственная, кто дала
Не знать мне и не делать зла!
Под небом всех кариатид

Пусть Живопись нас приютит.

А грех унынья да простит
Мне Бог...

Июнь 1992

БО ЦЗЮЙ-И*

С месяцем гляделся в водоем.
Кутал ивы пухом золотым.
С девой сладкогласной пел вдвоем.
Вместе с цаплей белой — стал седым.

За дугой лазоревых ворот
Брызжет колокольчиками храм.
Птицы ветра!
Мастер — это тот,
Кто умеет радоваться вам.

Я не просто говоритель слов;
Я бессмертный мастер Бо Цзюй-и...
Но какой бессмысленный улов! —
Кто-то душу вынул у земли.

И скитаюсь, дух, из края в край
Я по древней крепостной стене...
Ты ли это, ветхий мой Китай,
Что навеки был завещан мне?

На дорогах — сердце защемит! —
Столь косноязычен шорох слив.
Клен, боясь доносов, не шумит,
Свой язык волшебный прикусив.

Лишь для пыток вымахал бамбук.
Онемел камыш священных рек.

* По следам «культурной революции» в Китае.

Ибо предан песни вещей звук
И гроша не стоит человек!

И, лишенный памяток земли,
Отраженный в зеркале кривом,
Я, поэт великий, Бо Цзюй-и,
Вытираю слезы рукавом.

70-е

Светятся дома многоэтажные
В несколько разрозненных огней.
Тени их, как ткани трикотажные,
Тянутся, становятся длинней...

Штопают их улицы прозрачные,
С каждой тени взяв по рукаву.
Лампы канареечно-чердачные,
Где живут, — не скажут никому.

Точки света с местностью не вяжутся, —
В воздухе запутан их янтарь;
Комнатные уличными кажутся,
Одомашнен — уличный фонарь...

Спят газон, косилка, — время самое.
Льется ночь, как тень воды морской.

К ночи

Переходит в область зауми
Вывеска сапожной мастерской.

Что за притча? — и темно, а зелено!
Притаившись, дышит резеда.
Меж домов далеких есть расселина,
В ней дрожит зеленая звезда.

Травянисто брызжется да плавится,
Оскользнется — и опять плывет,
Думает с теченьем ночи справиться,
Как пловец — с напором встречных вод.

Замерли дома многоэтажные,
Тень от них — дороги в Рим длинней.
Ночь выкрадывает
Перлы радужные
Из короны сонных фонарей.

1990

• • •

Церковь Воскресенья
На Успенском Вражке.
Как воды прохладной бульканье в баклажке,
Свежесть воркованья в горле голубином.
И заря за крышами — гаснущим рубином.

Изморозью купол оперен жемчужной.
А в неемкой нише на стене наружной,
В чистоте мороза, в царстве ледозвона, —
Николай Угодник, старая икона.

Снега осыпанье из лазури звонниц,
Звонницы — приюты галочьих бессонниц.
Под лазурью звонниц галки черно-сини,
Словно в платьях бедных — схимницы пустыни.

Крестится старушка, никнет перед нишей.
В платье галок черных, изморози тише.
Снег росой садится на цветы сухие.
Ох же ты, надрыва клятая стихия!

Славно Дидероту, весело Вольтеру
Подвергать сомненью и не брать на веру
Странности и дивы сущности неясной
Под горячим солнцем Франции прекрасной!

А у той старушки все поумирали.
Того прежде — беды молодость украли.
Вместо винограда, флейт и тамбурина
Ей — на платье черном — капли стеарина.

Посреди природы северной, невзрачной,
Где на сучьях голых домик галки мрачной,
От раздумий тяжких ей одно спасенье:
На Успенском Вражке церковь Воскресенья!

80-е

СИМВОЛ ЗЛА

Больше не могло быть сомнений: это был Тартараграндафлориус!.. На земле показалось несколько трещин... Одна из них мчалась прямо ко мне...

«Союз Действительных», 1969 год

Приснился мне в ребячестве когда-то
(Боявшийся — годами — оглашенья!)
Цветок, что достигал корнями — ада
И созидал земной коры крушенье.

Сверхплотных лепестков его громада
Была отнюдь не флоры украшенье,
А гибель слабым, храбрым — устрашенье,
Разбой на пастухов и мор для стада.

Когда он распускался, вихрь упругий,
Им поднятый, гнул рощи, тряс лачуги...
Снимались птицы с гнезд, кружа над далью...

...Едва, как змей, раскручиваться начал
Могучий стебель, свернутый спиралью, —
Крича, проснулась я... Что сон мой значил?

1963—1971

МЕРКУЦИО

Из цикла «Прочтение ролей»

С глубокой раной века Возрождения
Лежит на яркой площади, в веках,
Меркуцио — двуногое Сомнение
В остроконечных странных башмаках.

Весной времен, меж солнц ума и гения,
Он вдруг увидел (сам не зная как)
Вселенную, лишённую строения;
Бермудский свищ; неподнадзорный мрак

Всех наших Черных дыр... В садах цветущих
Он декаданса гусениц грядущих
Расслышал шорох (через триста лет

Возникнуть должный!)... Проклял эти знаки,
Паясничая, выбежал на свет,
Вмешался в спор — и пал в нелепой драке.

Ноябрь 1990

Я твой плащ некрасивый веревкой
украшу,
Так как судьбы тебе изменили.
Береги ее в знак высшей милости
нашей, —
В знак того, что тебя не казнили.

И смеется,
И словно чего-то боится,
Рот запекся, как темный шиповник..
Вдруг... — дрожащую руку взметнула
царица:

— Ифигению — помнишь?!

Пыль..
Колеса, скрипя, в колеях припадают.
Уползают с обочины змеи..
Боги вещице
Из облаков наблюдают
За царевной с веревкой на шее.

Январь 1989

БЕСПРИЮТНЫЙ

Бульвары в сумерках окатывает дрожь
Разорней листопад, острее прутьев свист.
Франц Кафка здесь живет. Он с ветром в дупла вхож,
Закован в каждый ствол, врисован в каждый лист.

На дуги фонарей двойник его похож.
Склонен, как над сукном былой канцелярист;
Он всюду.. Но ему нельзя пойти на риск

И сыпать грезы там, где зонт иль макинтош
Теснят их и метут... Ах, только б не туда,
В решетку под ногой, где так мрачна вода,
Где, Орку черному подобно, мчит поток!

Но юноша в очках, метлой вооружен,
Бездомного не чтит — и сны, что видел он,
Сметает с мусором в бурлящий водосток.

1986

МНЕ КАЖЕТСЯ...

Мне кажется порой, что умерли стихии, —
Такие, как Земля, Огонь, Вода и Воздух.
А заменили их... какие-то другие —
Из приготовленных на беззаконных звездах;
Что до сих пор трава, наш друг многовековый,
Напрасной зеленью сияла перед нами;
Что кто-то изобрел закон природы новый,
Повелевающий расти ей — вверх корнями!
Что в джунгли отпустил шарманщик обезьянку,
Но джунглей больше нет; их царственное платье
Сорвали, вывернули, с криком, наизнанку!
Мне кажется, о них — век буду горевать я,
И плакать буду я (счастливым на потеху)
По истинным слезам и подлинному смеху.

5 октября 1961

НЕПОЛНЫЕ СТРАХИ

Светлой памяти Миши Ноделя

Как румяный домик пряничный
Надкусила бы Яга,
Ночь у Дня отъела крашек, —
Стали тусклыми стога.

Ветром пугало наполнено —
Рукава оживлены;
Шелестят, по грядкам ползая,
Испитой ботвы вьюны...

Я заклею рамы в комнатах,
Наколю сухих дровец;
Я построю — из наколотых —
В печке огненный дворец.

Улетайте, гуси-лебеди!
А я дома отдохну,
Чтоб не слышать, как в трубе гудит,
Уши пальцами заткну.

Но ольхи листва оборвана,
А с березы сорван лист...
К ним участием ободрена,
Выйду смело — в белый свист.

Чтобы снова Безоружное
Сердце враз оборвалось;
Через поле, поле вьюжное
Черной тенью — скачет лось!

Март 1965

ЧУТКОСТЬ КОТА

А у кота у моего — как будто рация!
Вот он прислушивается... Усы во лбу — локаторы.
И уж видны ему вдали, где спит акация,
Жуки-лазутчики и мухи-провокаторы!

Вот так оказия! Теперь оказывается,
Что он отслушивает (как вулканов кратеры!)
Цветки тишайшие! Что даже крапины
На них — грубят ему, когда он с ними связывается.

Он по-охотничьи ступает... Он принюхивается,
А из травы ему клопы лесные — на-ко-ся!
И, морщась, он себе скроит старухино лицо
От оскорбительно НЕПРАВИЛЬНОГО запаха!

Он как фактуру видит вещи, в чем-то МНИМЫЕ.
В тиши ночей — со стороны — он видит сны мои.

1968—1983

• • •

Когда все равно опаздываю
И жить не могу быстрее,
Беспечность бывает опасною,
Как песня на Москестреме,
 Как смех над водоворотами,
 Подхваченный скал толпою,
 Где нет прибоя...

 Но то-то и
 Ужасно, что нет прибоя!

Высокий прыжками львиными,
Прибой знаменит наскоком.
Но гибель — еще ль не унылее,
Где к берегу волны — боком?!

 И ни пены нет,
 ни препоны нет!

Но муторно. Но отвратно
Могущественно-неуклонное
Раскручиванье обратно

Всех вод — от амфитеатра скал!
Был час — мы и в рифах спасались,
Кто ждал, чтобы — вдруг — патриаршеские
Кораллы — и те отказались

 От нас?!

 ...Когда я опаздываю —
 Быстрее, плутаю — острее,

* * *

...Изящных неточностей полный, стих
Построился не от сих пор до сих,
Но от таких-то и до таких-то,
Как полурыба и полупихта.

В нем что-то есть, а чего-то нет...
Но если и не был в нем явлен — поэт,
То был — человек! И сосед наш сверху;
Глотавший книги, читавший сверку

Историк. И стоик! И друг отца!
Пришедший, как луч из развалин дворца,
Из тех — оставшихся до конца
Немногими — кратких минут уюта,
Что были так люто завидны кому-то!

Минут,
Которых так мало ВСЕГДА
(Видать, увела их чужая звезда,
Украла у нашей — в порядке наживы)!
Минут,
Когда мы с тобой — были живы!

13 марта 1993

* * *

На дне морском, на цветастом дне
(Где все друг друга едят),
Лицом повернутый не ко мне —
Цветет невиданный сад.

Там есть размытые Города.
И захлебнувшийся Путь.
И кто-то целит — меня туда
С бегущей шхуны столкнуть.

«Пора, — подсказывает, — пора
Тебе к подводным пескам...»

Но я (по-своему тоже хитра), —
Я думаю: «Прыгай сам!»

От дружеской ласки — аж холод
в крови.

Участливый, как НЛО,
Он шепчет: «Луну в отраженьях
лови!»

(А солнце еще не зашло)!

На дне, на илистом дне морском
Извилистый лес цветет.

Но ждет меня сухопутный дом,
Земная работа ждет.

Зачем скользить,
И морского коня
Водить в поводу за мной?
Никто не сделает за меня
Моей работы земной.

Ноябрь 1999

«Новелла Матвеева — необычный романтик. Пишет об очень далеких странах, о тех вещах, которые мы с вами не видели. Она в течение двадцати лет была больна, и весь мир, который она видела, она видела через окно — кусок неба, ветка в окне, смена времен года, телевизор, книги. И просто приходится удивляться, как точны ее образы...»

Так говорил еще в 1964 году о Новелле Матвеевой «собрат по цеху» — Юрий Иосифович Визбор. Новелла Матвеева родилась в 1934 году в Царском Селе, первую книгу издала в 1958 году, и с той поры популярность ее песен, стихов, поэм, пьес — необыкновенна; жива любовь к ее творчеству у читателей и слушателей и в наше время. Новелла Матвеева происходит из самой знаменитой литературной семьи русского Дальнего Востока: ее дед, Николай Матвеев-Амурский, был поэтом и автором первой «Истории города Владивостока»; ее отец и мать были поэтами, поэтами были братья отца и их дети, младший брат Новеллы Матвеевой, Роальд, — тоже поэт, наконец, замечательным поэтом был ее муж, Иван Семенович Киуру (1934—1992).

И в двухтысячном году Новелла Матвеева решила подарить читателям «Караван» — самое полное собрание своих песен, дополненное избранными стихотворениями.

Евгений Витковский

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНИ ДЛЯ ГИТАРЫ

Караван	5
Цвел ли, не цвел ли... ..	7
Какой большой ветер!	8
Страна Дельфиния	10
Синее море	12
Кораблик	14
«Летучий голландец»	16
Горизонт	18
Песнь о далекой дали	20
Капитаны без усов	21
В предрассветном тумане	24
Рыжая девочка	25
Братья капитаны	27
Свечение моря	29
Бездомный домовой	30
Песня с пингвинами	32
Рыбачка	34
Напев	36
Пароходы вдали	39
Адриатика	40
Песня дикарки	42
Аргентинская	44
Миссури	46
Отчаянная Мэри	48
Индийская песня	52
Пьяный индеец	55
Коррида	57
Песня свободы	60

Одержимый Джим	62
Проповедник	65
Река	67
Старый негр хочет спать	69
Старый бродяга	71
За цыганами	73
Половодье	75
«Липа зацвела у перекрестка...»	76
Ах, как долго едем... ..	78
Письмо к любимой	80
Девушка из харчевни	82
Цыганка-молдаванка	84
Песня про котел	86
Пожарный	88
Фокусник	89
Альпинисты	90
Корзинщица	92
Музыка света	94
Звезда	96
Водопад	97
Дорожная	99
Песенка про почтальона	101
Осень веселая... ..	103
Человек	105
Дома без крыш	107
Водосточные трубы	109
«Там, где кончается город...»	111
Пингвиана	114
Следы	117
Вереск	119
Кисть художника	121
Снегирь	123
Шарманщик	124

Кружатся листья	126
Заклинательница змей	128
Италия	130
Пьеро	132
Ехал солдат.....	134
Боги	137
Венгерская баллада	139
Талант на двоих	142
Танцуем танец!	144
Поэты	147
Музыкальная тема	149
Баллада о розе	151

ПЕСНИ ДЛЯ ТЕАТРА

Песня Дэзи	155
Ночь новогодняя	156

Песни к сказке Г.–Х. Андерсена «Принцесса на горошине»

Первая песня принца	157
Дуэт короля и королевы	158
Вторая песня принца	159
Песенка королевы	160
Песенка принцессы	161
Менуэт	162

Песни к сказке Г.–Х. Андерсена «Пастушка и трубочист»

Посудный вальс	164
Дуэт пастушки и трубочиста	166
Песенка фарфорового китайца	168
Песенка о козлоноге	170
Бегство на шхуне	171
У старой дороги.....	173

Песни из пьесы-фантазии по мотивам А.Грина
«Предсказание Эгля»

Скрипочка	174
Шлюпка «Бретань»	175
На берегу сиротливом.....	176
Песня девушек и парней в трактире	178
Песенка полицейского	179
Песня Меннерса	180
Набивайте ванты, эй!	182
Баллада Лонгрена	183
Все пройдет. Песня Марты	185
Песня Лонгрена	187
Песня нищего	188
Рыцарь Торвальд	190
Корабли-игрушки	192
Предсказание Эгля	193
Песня Ассоль в скалах	196
Серенада Хина	198
Время придет.....	200
Куплеты Летики	201
Фрегат. Песня Грэя	202
Спор моряков и смутьянов	204
В новый век.....	206
Песня по памяти	207
Корабли	209

Песни из пьесы «Трактир «Четвереньки»

Песенка о лихом гуляке	210
Диоген	212
Осенний ветер	214
Вальс «Пустыня»	216
Песня дона Алонсо	218
Океан, океан	220
Песенка о бедном придворном	222

СТИХИ

Предзвук	225
Страна детства	226
Поворотилась на тихой оси.....	228
Как ты можешь воспевать.....	230
Отголосок	231
Прилива плеск	233
Маяк	235
Песнь о «Летучем голландце»	237
Погребок	239
Корабельный рай	243
Учитель	246
Ласточкина школа	248
Из трещин серых стен	251
Листопад	252
Мой Бодлер	253
Рембрандт	255
Франсуа Вийон	258
Солнце осеннее	260
Закон песен	263
Скрипка сумерек	265
Облака	266
Душистый свет	268
Ночь. Отовсюду раскрылись.....	270
Зеленый дождь	271
Весенний путь	273
Река текла, как дождь.....	274
Поступь света	276
Тремоло	278
Что-то не знаю.....	279
Баллада круга	280
Световая бочка	283

Песня в песне	285
Эккерману	287
Окно	289
Лодка	291
Сады в цвету	292
Желудь	293
Акация	295
Под защитой	296
Шелкоусы	297
Овсянные гусли	300
Полет летних дней	302
Ромашка	303
Когда Вселенная открывает нам	305
Раннее лето	306
Воспоминание	307
Черемуха	308
Перед дождем.....	310
Тайна	311
Подснежник	312
Снежный свет	313
Есть гениальность ночи	314
Ночь	315
Могущество соловья	316
О чем гора думает?	317
Скалы им озарены	319
Вот и осень приблизилась	320
Водяные травы	322
Царевна-лягушка, парчовая спинка	324
В лесу, шагающем по обрывам.....	326
Глухой зимы коснеющий триумф	327
Совершенство	328
Кто в романтику жизни не верит	329
Рисунки для чайного сервиза	330

Рыцарь Ланселот	332
Аннета	334
Новости о Коте-в-Сапогах	336
Образы Большого трактира	338
На острове Пасхи	342
Новогоднее	344
Пенаты	345
Святочная фантазия	347
«Флейтист»	349
Честертон	351
Василий Андреевич	352
Вальгер Скотт	355
Как ветер гнет.....	357
В том лесу	359
Двое	361
Горшки	364
Книголюб	367
Три ответа	369
Сила воображения	372
Адам и Ева	373
Запутавшись	374
Что есть грех	375
Лотофаги	376
Вечер с бузиной	377
Кто ты? Из добрых.....	378
Сон в дороге	379
Поэзия	382
Третья коринна	383
Плакальщица	384
Отзывы на отзывы	385
Художник, незнакомый.....	386
Вокализ	387
Шедевры	388

В долгах мы.....	389
Я понимаю вас!	390
Кавычки	391
Романтики и реалисты	393
Вещь не в себе	394
Чего же боле?	395
И о внешнем	396
Золотой трезубец	397
Неувязка	399
Волшебница и осел	400
Не сам сонет растаял в блеске.....	401

Шекспириада

Елизавета и Шекспир	402
«Пойду ль, выйду ль я...»	403
Исследователи	404
Чутье профана	405
«И вдруг...»	406
Пастух	407
Его университеты	408
Вот то, в чем я уверена!	409
Гимн чердакам	410
По вычисленьям смутно-рьяным... ..	411
Предмет возможных «буйств»	412
В Лондон!	414
Не спрашивай... ..	415
Темная личность	416
Зарясь на свое	417
Большой философ	418
Человек не оборотень	419
Историк-распорядитель	420
Многостаночник	421
Но если врут — нескладно	422

Жреческий подход	423
«Быки» и «юпитеры»	424
«Один за всех»	425
Скажи!..	426
«Вторые роли» Шекспира	427
Нет, не затем он выбрал роль короче...	428
Распределение ролей	429
Дух-постановщик	430
Актер Шекспир	431
О людях гениальных	432
Но... так ли мала эта роль?	433
Великая роль	434
Великий актер — Шекспир	435
Конец шатаний на кругах гаданий	436
Разгадывая цвета на черно-белых изображениях Шекспира	437
Улыбка непосвященного	438
Дом Шекспира. Видение в январе	439
Лукавец, вынуждая нас гадать...	440
Сонет есть реплика	441
Жора и Лена	442
Сонет в защиту длинных слов	443
В полношный час	444
Покажись!	445
Не Феникс из пепла	446
Чарльз Чаплин	447
Есть комики с душой	448
Из жизни налогоплательщиков	449
Московские тайны	450
Скамеечки	453
В той степи глухой	454
Шафранные дорожки зоопарка	455
Двухэтажная жизнь Жирафы	456

Мечтание города	457
Заря Владивостока	458
Мой дед	461
Художнику обложек	462
Пастораль	465
Форельное хозяйство	467
Попугай	469
Маугли	471
Ваза и рисунок на ней	472
Я так вижу	474
Живопись	480
Бо Цзюй-и	482
Светятся дома многоэтажные	484
Церковь Воскресенья	486
Символ зла	488
Меркуцио	486
Электра	490
Бесприютный	492
Мне кажется...	493
Неполные страхи	494
Чуткость кота	495
Когда все равно опаздываю...	496
Изящных неточностей полный стих	500
На дне морском, на цветастом дне	502

Новелла Матвеева

М33 Караван: Сборник стихов: М.: Издательство «Гудьял-Пресс», 2000. 512 с. (Серия «Антология авторской песни»).

ISBN 5-8026-0075-6

Голос Новеллы Матвеевой с конца пятидесятих годов покорила сердца слушателей — взрослых и детей, и вот уже более трех десятилетий ее песни не теряют популярности. Гитара Матвеевой узнаваема и неповторима, стихи полны очарования.

В книге «Караван» собраны все основные песни Новеллы Матвеевой, отдельный раздел составляют песни для театра, дополняют книгу избранные стихотворения. Много печатается впервые.

УДК 821.161.1-192 Матвеева
ББК 84(2Рос-Рус)66-5

Серия «Антология авторской песни»

Литературно-художественное издание

Новелла Матвеева

Караван

Ответственный за выпуск *Е.Витковский*

Художественный редактор *А.Касьяненко*

Технолог *Г.Трушина*

Технический редактор *И.Маханёва*

Корректор *Л. Назарова*

Изд. лиц. № 065333 от 7.08.97. Подписано в печать 03.03.2000.
Формат 70x100^{1/32}. Гарнитура гарамонд. Офсетная печать. Печ. л. 16,0.
Усл. п. л. 20,64. Тираж 10000 экз. Заказ 2404.

Издательство «Гудьял-Пресс». 111524, Москва, ул. Электродная, 10.
Отпечатано с диапозитивов в ГУП «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Голос Новеллы Матвеевой с конца пятидесятих годов покорил сердца слушателей — взрослых и детей, и вот уже более трех десятилетий ее песни не теряют популярности. Гитара Матвеевой узнаваема и неповторима, стихи полны очарования.

В книге «Караван» собраны все основные песни Новеллы Матвеевой, отдельный раздел составляют песни для театра, дополняют книгу избранные стихотворения. Многие печатаются впервые.

ISBN 5-8026-0075-6

9 785802 600757